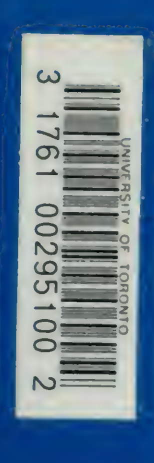

ВЗГЛЯДЪ

НА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Всев. Миллера.

ВЗГЛЯДЪ

НА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Дѣвици поютъ на Дунаи,
вьютсѧ голоси чрезъ море до Кіева.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Ѳ. Б. МИЛЛЕРА, ЯУЗ. Ч. 1 КВ., № 82.
1877.

SEP 25 1968
VERSITY OF TOR

Посвящается

Четвертому Археологическому Съѣзду

въ

Казани.

Предисловіе.

Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы о Словѣ о Полку Игоревѣ, поставленные въ программѣ четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани:

52) Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, впослѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?

53) Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?

54) Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ выводить, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе?

Отвѣчая подробно на эти вопросы, авторъ не могъ не затронуть и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, и небольшое изслѣдованіе, задуманное первоначально въ формѣ

журнальной статьи, незамѣтно разрослось до размѣровъ книги. Наведенный изученіемъ памятника на нѣкоторыя соображенія объ отдѣльныхъ словахъ и поправки текста, авторъ счелъ не лишнимъ снова напечатать при изслѣдованіи самый текстъ и приложить къ нему небольшой комментарій, не имѣющій, впрочемъ, никакого притязанія на полноту. Нѣкоторыя догадки являются въ первый разъ, другія уже были высказаны предшествующими изслѣдователями, и автору приходилось только выбирать объясненія, казавшіяся ему болѣе правдоподобными. Не имѣя возможности удѣлить много времени вопросу, выходящему собственно за предѣлы его спеціальности, авторъ долженъ заранѣе просить извиненія, если гдѣ нибудь приводитъ, какъ новое, толкованіе, уже предложенное кѣмъ нибудь раньше его. Изучить все, что когда либо было писано о „Словѣ", уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ ни времени, ни, признаться, желанія. Его цѣлью было отвѣтить лишь на главные вопросы, до сихъ поръ возбуждаемые Словомъ о Полку Игоревѣ, и если онъ при случаѣ вдается въ детали, то исключительно въ надеждѣ, что быть можетъ нѣкоторыя изъ его догадокъ найдутъ сочувствіе у спеціалистовъ по этому вопросу и не пропадутъ безслѣдно въ дальнѣйшихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Глава первая.

Ни одинъ памятникъ древне-русской литературы не пользуется столь обширной извѣстностью, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Каждый образованный русскій знаетъ его, каждый изучалъ его въ школѣ и помнитъ наизусть отдѣльныя мѣста. Лучшіе поэты перекладывали „Слово“ въ стихи по частямъ или вполнѣ и черпали изъ этого богатаго родника отдѣльныя выраженія и высоко-поэтическія сравненія. Интересъ, возбужденный имъ въ концѣ прошлаго вѣка, не умалился въ теченіе трехъ четвертей столѣтія и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ масса изданій, переводовъ, примѣчаній, изслѣдованій, которыя тянутся отъ 1800 года вплоть до 76-го [1]). Если нѣкоторые изъ трудовъ, накопившихся за этотъ періодъ, должны быть отнесены

[1]) Подробный критическій обзоръ литературы „Слова“ см. въ Филологическихъ Запискахъ 1875, вып. 6-й и 1876, вып. 1, 2, 3, 4, въ статьяхъ г. Смирнова, и въ Жур. М. Н. Пр. 1876, Сентябрь и Октябрь, ст. Е. Барсова.

къ *замышленію Бояню,* если далеко не всѣ соотвѣтствуютъ наукѣ сего времени, то все же въ пониманіи и оцѣнкѣ „Слова" достигнутъ огромный успѣхъ, и трудами русскихъ ученыхъ мы имѣемъ полное основаніе гордиться. Достаточно сравнить первое изданіе 1800 г. и переводъ графа Мусина-Пушкина съ изданіемъ и примѣчаніями профессора Тихонравова, чтобъ убѣдиться, какъ много отдѣльныхъ подробностей, представлявшихся загадкой въ началѣ текущаго столѣтія, для насъ вполнѣ ясны, какъ много грамматическихъ формъ, нуждавшихся въ исправленіи по взгляду прежнихъ комментаторовъ, оказываются вполнѣ законными, какъ много исправлено ошибокъ, происшедшихъ отъ неправильнаго дѣленія словъ и разстановки знаковъ препинанія. Едва ли бы достигла и нѣмецкая наука бо́льшихъ результатовъ, работая при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, стараясь возстановить и объяснить древній памятникъ, на основаніи лишь неудовлетворительнаго изданія единственной рукописи, исчезнувшей безслѣдно. Просматривая массу комментаріевъ, разсѣянныхъ по изданіямъ и отдѣльнымъ изслѣдованіямъ, видимъ, какъ мало по малу складывались результаты, которые считаются теперь общепризнанными и вошли въ учебники, и если въ настоящее время ученикъ гимназіи понимаетъ „Слово" во многомъ лучше, нежели его первые издатели, то этимъ обязанъ онъ массѣ

трудовъ, положенныхъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдователей—Шишковымъ, Пожарскимъ, Грамматинымъ, Максимовичемъ, Дубенскимъ, кн. Вяземскимъ, Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Барсовымъ и мн. др.

Предлагая нѣкоторыя соображенія къ вопросу о „Словѣ", мы должны оговориться, что не можемъ прибавить много новаго къ пониманію отдѣльныхъ словъ и оборотовъ. Мы вообще не думаемъ, чтобы мѣста, справедливо заподозрѣнныя критикой въ искаженіи, могли быть исправлены при теперешнихъ средствахъ: всякая поправка, какъ бы она ни была остроумна, будетъ только *вѣроятна* и не увеличитъ нашихъ свѣдѣній. Правильное чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ можетъ быть возстановлено только какою нибудь счастливою случайностью, находкой новаго списка или покрайней мѣрѣ отдѣльныхъ мѣстъ изъ „Слова" въ какомъ нибудь другомъ памятникѣ. Насъ занимаютъ болѣе общіе вопросы — мѣсто „Слова" въ ряду памятниковъ нашей литературы, вопросъ о самостоятельности автора, характеръ произведенія, языкъ и т. п. Эти вопросы были часто и мною обсуждаемы, но все же не достигли такой обработки, чтобъ считаться вполнѣ рѣшенными, хотя уже ученики заучиваютъ въ учебникахъ, что „Слово" было прежде пѣснью и записано лишь впослѣдствіи, что авторъ его принадлежалъ къ „дружиннымъ" пѣвцамъ, что

оно относится къ „дружинному“ эпосу [1]), что Боянъ былъ древне-русскій пѣвецъ, „растекавшійся мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подъ облакы“ и выражавшій свою житейскую мудрость въ пословицахъ: ни хытру, ни горазду суда Божія не минути и т. п.

Методъ нашего изслѣдованія будетъ зависѣть отъ рѣшенія перваго вопроса: есть ли „Слово“ пѣснь (народная или дружинная), пѣвшаяся и затѣмъ записанная какимъ нибудь книжникомъ, или оно произведеніе книжнаго человѣка, хорошо знакомаго съ литературой своего времени?

Первое мнѣніе, на нашъ взглядъ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Оно опирается на названіе *пѣснь*, которымъ обозначаетъ авторъ свое произведеніе [2]) и на нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ подозрѣваютъ стихи. Но если авторъ и называетъ свое произведеніе пѣснью, то тутъ же называетъ его *повѣстью* [3]) и во всякомъ случаѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы эта *пѣснь* или *повѣсть* когда нибудь пѣлась. Существованіе нѣсколькихъ стиховъ, или вѣрнѣе размѣренныхъ предложеній, конечно также не доказываетъ, что „Слово“ ходило въ устахъ пѣвцовъ,

---

[1]) См. напр. Руководство для историческаго изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы г. Стоюнина.

[2]) Начяти же ся тъй пѣсни; пѣти было пѣснь Игореви; пѣвше пѣснь старымъ княземъ.

[3]) Почнемъ же, братіе, повѣсть сію.

какъ наши олонецкія былины. Напротивъ „Слово“ toto coelo отличается отъ устной поэзіи и носитъ всѣ признаки книжности и искусственности.

Предположимъ на минуту, что авторъ дѣйствительно самъ пѣлъ походъ Игоря, былъ неграмотный воинъ, дружинникъ, рапсодъ въ родѣ крестьянина Рябинина. Положимъ далѣе, что только одно поколѣніе ходила его пѣснь въ устахъ дружины и затѣмъ попала подъ перо книжника. Неужели въ переложеніи послѣдняго она могла такъ мало исказиться, что историкъ открываетъ въ ней цѣлую генеалогію князей, воспоминаніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, предпріятіяхъ, характерѣ и событіяхъ жизни? Неужели впродолженіе одного поколѣнія не перепутались, не исказились имена болѣе тридцати князей, упоминавшихся въ пѣсни, неужели всякій изъ пѣвцовъ такъ же твердо помнилъ всякое имя, всякое отчество, всякое обстоятельство изъ жизни князей, какъ самъ авторъ? Неужели эта большая и наполненная именами пѣснь могла избѣгнуть искаженія, которое неминуемо постигаетъ всякое устное произведеніе и преимущественно личныя имена. Если въ какія нибудь 30 лѣтъ имена еще не могли бы исказиться до неузнаваемости — какъ, напримѣръ, въ нашихъ духовныхъ стихахъ [1]),

[1]) Здѣсь находимъ: Малафей или Молоферъ изъ Олоферна; Сахатарь или Сафатъ рѣка изъ долины Іосафатовой; Волотъ, Волото-

—то все же не могли бы конечно остаться въ томъ видѣ, какъ были въ первоначальной пѣсни.

Итакъ уже одно это обстоятельство указываетъ на несостоятельность предположенія, что „Слово" было вначалѣ настоящей пѣснью.

Главный мотивъ разбираемой гипотезы—желаніе объяснить существованіе нѣсколькихъ мѣстъ, въ которыхъ подозрѣваютъ метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, нѣкоторые издатели (Гербель, Малашевъ) дѣлятъ произвольно все „Слово" на строфы и получаютъ стихи въ родѣ:

Боянъ же, братіе,
Не десять соколовь
На стадо лебедѣй пущаше,
Нъ своя вѣщіа пръсты
На живая струны въскладаше;
Они же сами
Княземъ славу рокотаху.

Тѣ, которые производили надъ „Словомъ" подобные опыты, имѣли въ виду аналогію между нимъ и нашими былинами. Какъ послѣднія иногда утрачиваютъ стихотворную форму и переходятъ въ прозу

манъ, Волотоміръ, Володиміръ изъ Птолемея (см. Jagič, Archiv für Slavische Philologie, I p. 87); Опорхала, Аполшій, Иполшій изъ Святополкъ (см. стихи о Борисѣ и Глѣбѣ въ сборникѣ г. Безсонова. I часть, выпускъ 3-й).

(напр. сказка про Илью Муромца), такъ было, думали они, и съ пѣснью XII-го вѣка. Но можно ли здѣсь видѣть какую нибудь аналогію? Если былина разсказывается прозой, это значитъ, что разскащикъ позабылъ стихъ и передалъ только его содержаніе, какъ умѣлъ. Но можно ли предположить тоже самое о книжникѣ, якобы записавшемъ прозою пѣснь Игореву? Конечно нѣтъ. Еслибъ онъ позабылъ складъ пѣсни, не помнилъ стиховъ, а только передавалъ содержаніе, то долженъ былъ бы позабыть и массу подробностей, забываемыхъ гораздо легче, долженъ бы былъ перепутать имена, отчества и т. д. Если же, напротивъ, онъ хорошо помнилъ пѣснь—а въ этомъ трудно сомнѣваться,—то пѣсенный складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ текстѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, и стихъ пробивался бы не въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а гораздо чаще. Такимъ образомъ разбираемая гипотеза вводитъ насъ въ дилемму, изъ которой мы не видимъ исхода.

Вмѣсто того, чтобъ считать нѣкоторыя метрическія мѣста, напримѣръ плачъ Ярославны, послѣдними уцѣлѣвшими остатками пѣсни, не легче ли предположить, что авторъ въ теченіи поэтическаго разсказа, кое-гдѣ невольно впадалъ въ лиризмъ и облекалъ поэтическіе эпизоды въ склады quasi стиха, увлекаясь по временамъ замышленіемъ Бояновымъ, хотя и рѣшилъ въ началѣ слѣдовать

былинамъ своего времени? Что̀ тако̀е замышленіе бояново—увидимъ ниже.

Авторъ пѣсни, говорятъ иные, принадлежалъ къ воинамъ, княжескимъ дружинникамъ и былъ участникомъ похода. Грамотность же въ тѣ времена была распространена только въ духовномъ сословіи, — ergo авторъ былъ не грамотенъ и не могъ самъ записать своего произведенія. Что авторъ былъ воинъ — выводятъ изъ мастерскаго описанія битвы и различнаго вооруженія; что у него было не книжное (христіанское), а языческое міросозерцаніе — изъ того, что упоминаются имена боговъ —Хорса, Дажь-бога, Стри-бога, Велеса. Всѣ эти предположенія до такой степени голословны, что разлетаются сами собой при чтеніи памятника. Достаточно прочесть искусственное начало „Слова", это колебаніе автора, слѣдовать ли ему замышленію поэта Бояна или былинамъ своего времени, вспомнить кудреватыя и вычурныя выраженія [1]), политическую тенденцію, фамиліарность съ князья-

---

[1]) Напр. растѣкашется мыслію по древу; иже и стягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ; скача по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени и т. п.

На нѣкоторыя книжныя выраженія, напоминающія складъ воинскихъ повѣстей, указалъ Е. В. Барсовъ, приводя нѣкоторыя (иногда впрочемъ не вполнѣ наглядныя) параллели изъ повѣсти І. Флавія о полоненіи Іерусалима. См. Ж. М. Н. Пр. Октябрь 1876, стр. 109 — 112.

ми, полное знаніе ихъ взаимныхъ отношеній — чтобъ убѣдиться, что авторъ не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными миѳическими воззрѣніями.

Вмѣсто дѣтской наивности, навязываемой ему нѣкоторыми учеными, находимъ всюду мысль человѣка вполнѣ развитаго для своего времени, представителя и поборника политической идеи, сознававшейся далеко не всѣми князьями этого періода, идеи о необходимости забыть вѣчныя распри и дружно сплотиться для отпора поганыхъ. Для проведенія этой идеи авторъ прибѣгаетъ въ воззваніи къ князьямъ къ такимъ средствамъ, которыя показываютъ въ немъ человѣка, знакомаго съ личностями и характерами современныхъ князей: онъ льститъ, кому слѣдуетъ (Всеволоду, Рюрику и Давиду, Ярославу Осмомыслу, Роману и Мстиславу), другихъ укоряетъ (Ярослава и внуковъ Всеслава) и дѣйствуетъ на самолюбіе современниковъ, указывая на заслуги предковъ.

Неужели этотъ политическій дѣятель былъ неграмотенъ и только потому, что принадлежалъ къ княжеской дружинѣ, былъ не монахъ, а воинъ? Неужели при дворахъ князей XII-го вѣка не было книжныхъ людей и всѣ таковые прятались въ стѣнахъ кіево-печерскаго монастыря и облекались монашеской мантіей?

Языческое міровоззрѣніе видятъ въ именахъ язы-

ческихъ божествъ. Еслибъ авторъ былъ книжникомъ, воспитавшимся на чтеніи Священнаго Писанія, онъ не могъ бы упоминать языческія божества, не открещиваясь отъ нихъ и не обличая при этомъ *елиньскаго* идолослуженія. Происхожденіе отъ боговъ (Бояне Велесовъ внуче) не могло бы считаться почетнымъ эпитетомъ для христіанина — пѣвца или князя, — и все произведеніе было бы украшено не изреченіями Бояна, а выдержками изъ Священнаго Писанія. На нашъ взглядъ, эти факты свидѣтельствовали бы, въ крайнемъ случаѣ, только о томъ, что авторъ былъ не духовное лицо, а мірянинъ, но никакъ не о томъ, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ существованіе Велесовъ, Дажь-боговъ, Стри-боговъ.

Эти имена встрѣчаются у него въ нѣкоторыхъ украшающихъ эпитетахъ (ер. ornans), какъ достояніе поэтическаго языка и заключать отсюда о язычествѣ автора было бы такъ же произвольно, какъ еслибъ кто нибудь утверждалъ, что Державинъ вѣрилъ въ бога Леля, котораго упоминаетъ въ пѣсняхъ. Можно ли думать, чтобы авторъ, приписывающій спасеніе Игоря изъ плѣна помощи Бога (Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую) и упоминающій о Богородицѣ Пирогощей, вѣрилъ въ тоже время въ происхожденіе князя отъ Дажь-бога или Бояна отъ Велеса? Очевидно присутствіе божествъ въ эпите-

тахъ слѣдуетъ объяснять иначе и ниже мы предложимъ свое объясненіе.

Итакъ, мы исходимъ изъ мысли, что „Слово" произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу. Какъ произведеніе книжное, оно должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжной словесностью, ибо всякій авторъ, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, сынъ своего времени и воспитанъ на его литературныхъ произведеніяхъ. Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ „Слова" въ народныхъ былинахъ и малорусскихъ думахъ, слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ книжной словесности и уже потомъ, когда отношеніе автора къ послѣдней будетъ опредѣлено, выяснятся сами собою, его индивидуальныя черты, обнаружится насколько онъ самостоятеленъ и насколько зависитъ отъ прочтенныхъ книгъ. Указывать на то, какъ измѣняется оцѣнка автора, котораго источники намъ извѣстны— было бы повторять азбучную истину. Но все же мы поставимъ вопросъ: такъ ли бы смотрѣла критика на автора Задонщины, еслибъ Слово о Полку Игоревѣ вовсе не было извѣстно? Находя въ Задонщинѣ поэтическія сравненія, весьма высокой пробы и приписывая ихъ поэтическому таланту

автора, считала ли бы критика его бездарнымъ компиляторомъ? Очевидно нѣтъ. Она утверждала бы, что у него было по малой мѣрѣ поэтическое чутье, хотя и заглушаемое часто общимъ безвкусіемъ его времени. Вѣдь подобной невѣрной оцѣнкѣ могъ бы подвергнуться и авторъ „Слова", еслибъ случайно найдены были замышленія Бояна, которымъ онъ подражалъ. Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, прежде нежели *заподозрить* автора въ самостоятельности, не лучше ли поискать, какія данныя для себя могъ онъ найти въ литературѣ своего времени.

Что же намъ извѣстно изъ этой литературы?

Къ сожалѣнію очень, очень немного. Но намъ извѣстенъ одинъ вѣскій фактъ, что литература эта была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ или передѣлокъ византійскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южно-славянскую среду. Просматривая рядъ произведеній этой литературы и отыскивая произведенія аналогичныя „Слову", естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ „повѣстей", „исторій" и „сказаній", въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ и т. п. Значеніе ряда этихъ произведеній свѣтской литературы выяснено общеизвѣстнымъ трудомъ г. Пыпина [1]) и потому останавливаться на

---

[1]) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 1858.

общей ихъ оцѣнкѣ считаемъ лишнимъ. Такъ же выясненъ фактъ, что хотя большая часть этихъ произведеній сохранилась въ позднихъ спискахъ, XV и XVI вв., знакомство съ ними относится уже къ первымъ вѣкамъ древней нашей литературы.

Есть полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ г. Пыпина, что, напримѣръ, „Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита", заключавшееся въ сборникѣ, гдѣ найдено „Слово", или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ 1001 ночи могли быть извѣстны уже въ XII вѣкѣ [1]).

Смотря съ этой точки на Слово о Полку Игоревѣ, всего ближе искать матерьялъ къ его объясненію въ произведеніи, вошедшемъ въ одинъ сборникъ съ нимъ, въ Дѣяніи Девгеніевомъ, извѣстномъ по единственной рукописи изъ Погодинскаго древлехранилища. „Дѣяніе" имѣетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что недавно была открыта греческая рукопись поэмы о Дигенисѣ и издана Саθою и Леграномъ [2]), съ обширнымъ предисловіемъ, освѣщающимъ значеніе этого памятника византійской литературы.

---

[1]) Пыпинъ, стр. 83, 84 и слѣд.

[2]) Les Exploits de Digenis Akritas, par C. Sathas et E. Legrand. Paris. Maisonneuve et C-ie. 1875.

Глава вторая.

Передъ нами пространный византійскій героическій романъ X-го вѣка. Единственная рукопись этого произведенія, состоявшаго изъ десяти пѣсенъ, принадлежитъ библіотекѣ греческой школы въ Трапезунтѣ и была пожертвована туда учителемъ этой школы Саввою Іоаннидисомъ. Къ сожалѣнію эта единственная и притомъ поздняя рукопись далеко не полна: недостаетъ всей первой книги, начала второй, одного мѣста седьмой и конца десятой. Сверхъ того оказывается много пропусковъ, находившихся уже въ рукописи, послужившей оригиналомъ для трапезунтской [1]).

Ученые издатели такъ опредѣляютъ языкъ этого памятника: настоящая поэма, говорятъ они, без-

---

[1]) Вагнеръ въ рецензіи изданія „Дигениса“ Леграна и Саѳы (Liter. Centralbl. 1876. № 1, стр. 17) сообщаетъ пріятное извѣстіе, что проф. Gius. Müller'у посчастливилось найти въ Туринѣ другой списокъ этой поэмы болѣе древній и полный. Изданіе новой рукописи вѣроятно не заставитъ себя ждать.

спорно самый древній извѣстный намъ памятникъ греческаго народнаго языка. Между тѣмъ языкъ поэта не относится ни къ народному нарѣчію нашего времени, ни къ тому, которое находимъ въ поэмахъ XVI-го вѣка или въ поэмахъ Ѳеодора Продрома, относящихся въ XII-му. Это смѣсь народнаго греческаго съ литературнымъ, или съ тѣмъ, который обыкновенно обозначаютъ названіемъ церковнаго. До сихъ поръ нашъ памятникъ единственный въ своемъ родѣ; онъ представляетъ чрезвычайно любопытную фазу греческаго языка. Это первый образчикъ народнаго діалекта, существовавшаго долгое время рядомъ съ литературнымъ и впослѣдствіи замѣнившаго послѣдній. Новогреческій языкъ не преобладаетъ въ поэмѣ: онъ входитъ въ пропорціи не болѣе $^{4}/_{10}$; синтаксисъ колеблется между древне-греческимъ и народнымъ, представляя черты того и другаго; иногда въ одной и той же фразѣ древняя форма стоитъ рядомъ съ новой и современной. Иногда поэтъ принимаетъ романическое спряженіе, но кажется по принужденію ритма или размѣра [1]).

Далѣе издатели находятъ, что языкъ поэмы менѣе удаленъ отъ древне-греческаго, нежели языкъ нѣкоторыхъ произведеній XII-го вѣка. На основаніи переходнаго состоянія языка, прекратившагося къ

---

[1]) Ibid. p. 260.

XII-му столѣтію, и доказательствъ, почерпнутыхъ изъ содержанія памятника, издатели считаютъ автора современникомъ героя, воспѣтаго имъ и человѣкомъ весьма близкимъ къ Дигенису. Авторъ былъ начитанъ и въ священномъ Писаніи и въ древнихъ классикахъ; онъ украшаетъ свое произведеніе стихами Гомера и Пиндара.

Герой поэмы Василій Дигенисъ Акритисъ (Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτης) историческое лицо, облеченное многими чертами эпическихъ героевъ и прославляемое доселѣ въ народныхъ греческихъ пѣсняхъ. Онъ называется Дигенисомъ (двоеродным), какъ сынъ арабскаго эмира Мусура, принявшаго христіанство, и гречанки изъ знаменитаго рода Дуковъ. Другое имя Ἀκρίτης дано ему какъ охранителю границъ византійской имперіи въ Азіи, противъ набѣговъ сарацинъ. Акриты были полунезависимые властители, соотвѣтствовавшіе маркизамъ, маркграфамъ, грузинскимъ арнаурамъ, персидскимъ пехлеванамъ, армянскимъ марзбанамъ, турецкимъ пашамъ. Еслибъ мы искали подобныхъ стражей границъ у насъ, то нашли бы ихъ въ народныхъ представленіяхъ о богатыряхъ, стоявшихъ на заставѣ богатырской и въ старомъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ. Подвиги одного изъ самыхъ извѣстныхъ Акритовъ, Дигениса, храбраго защитника византійскихъ владѣній на Евфратѣ, составляютъ содержаніе нашего романа. Дигенисъ сталъ для Эллиновъ

такимъ же популярнымъ героемъ, какимъ является Илья Муромецъ въ русскихъ былинахъ. Кромѣ личныхъ подвиговъ, ему послужило къ славѣ его происхожденіе съ материнской стороны отъ знаменитаго и популярнаго греческаго рода Дуковъ, сажавшаго императоровъ на византійскій престолъ.

Но обратимся къ содержанію поэмы.

Содержаніе недостающей первой пѣсни можетъ быть въ общихъ чертахъ возстановлено древнерусской повѣстью о прекрасномъ Девгеніи, передѣлкой болгарской редакціи византійскаго романа. Мы говоримъ въ *общихъ чертахъ*, потому что болгарская передѣлка отнеслась, повидимому, довольно самостоятельно къ своему источнику.

Бабка Дигениса—вдова знаменитаго Андроника Дуки, прославившагося сначала въ царствованіе Θеодоры, затѣмъ при Львѣ Мудромъ, когда Андроникъ спасъ имперію отъ Арабовъ. Въ поэмѣ она называется *генеральшей* (στρατήγισσα); въ славянской передѣлкѣ *вдовою царскаго рода*. Поэма даетъ ей одну дочь, будущую мать Дигениса, и пять сыновей, изъ которыхъ особенно прославился Константинъ Дука, трагически погибшій впослѣдствіи претендентъ на византійскій престолъ. „*Повѣсть*“ упоминаетъ только трехъ *велелѣпныхъ и велеозарныхъ сыновъ и одну дщерь* великой красоты. Амиръ, царь *аравитскія земли*, вторгнувшійся въ предѣлы Имперіи, похитилъ эту красавицу, въ то время когда

ея мать была въ церкви, а братья на охотѣ. Одна только старая служанка видѣла это и передала огорченной матери, не нашедшей дочери дома. Вдова впадаетъ въ отчаяніе и призываетъ громкими воплями отсутствующихъ сыновей преслѣдовать похитителя. Когда они вернулись съ охоты, мать говоритъ имъ: „чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣе имѣли есте у себя вы едину сестру и та нынѣ похищенна руками Амира царя аравитцкіе земли; *и урва ми сердечное кореніе, и узе мя яко бездушную трость,* а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моея: идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо *главы своя поло(жи)те* за сестрицу свою и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть“ (sic). Сыновья сѣли на коней „и поѣхаша яко *златокрылатые ястребы,* кони же подъ ними *яко летаху*“. Дорòгой братья встрѣтили стражу Амира, въ числѣ 3000 человѣкъ, „и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, *яко добрые косцы траву косити,* овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца“. Только трехъ стражей пощадили братья и, разспросивъ про силы Амира, послали къ нему съ вѣстью о своемъ пріѣздѣ. Когда отпущенные срацыняне разсказали царю о побіеніи

стражей, царь Амиръ „ужастенъ бысть и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: братія моя, силніи кмети! видѣхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крилы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ: занеже братаничи сіи пріидутъ, а начнутъ прю творити". Въ это время подъѣзжаютъ братья, насмѣхаются надъ стражей Амира, упрекаютъ его за похищеніе сестры ихъ „татьбою" и спрашиваютъ, гдѣ она находится. Амиръ указываетъ на гору, покрытую тѣлами прекрасныхъ дѣвъ и женъ: тамъ среди труповъ лежитъ и трупъ сестры ихъ, убитой за то, что не исполнила волю Амира.

Отсюда мы можемъ уже обратиться къ греческой поэмѣ, открывающейся въ трапезунтской рукописи поисками братьевъ среди труповъ. Къ славянской передѣлкѣ возвратимся впослѣдствіи. Братья, пораженные видомъ столькихъ труповъ, поднимаютъ головы, заглядываютъ въ лица, отыскивая прекрасную сестру. Они не находятъ ея и начинаютъ рыдать, призывая солнце въ свидѣтели:

„О солнце лучезарное! свѣтильникъ всей вселенной,
Которое изъ этихъ тѣлъ—сестра, намъ укажи ты,
Чтобъ мы оплакали ее и погребли съ другими.
Какую голову намъ взять, поднять какую руку?
Какое слово отвезти намъ матери прекрасной?
Какъ горько всплачется она, власы свои терзая?
За что содѣлало ты намъ, о солнце! зло такое?" и т. д.

Долго оплакивали братья участь сестры, наконецъ, не найдя ея трупа, погребли всѣ другіе трупы и пошли къ эмиру, угрожая ему смертью. Эмиръ спрашиваетъ ихъ, кто они, какого рода, какой семьи. Старшій, въ гордыхъ словахъ, перечисляетъ предковъ и кончаетъ прежней угрозой. Эмиръ въ отвѣтъ говоритъ о своемъ высокомъ происхожденіи, о своихъ подвигахъ и признается въ пламенной любви къ ихъ сестрѣ. Если они согласны взять его въ зятья, онъ откажется отъ вѣры Магомета и поселится въ Имперіи. Сестра ихъ находится въ его палаткѣ, гдѣ братья свидѣлись съ ней, проливая слезы радости. Слѣдуетъ описаніе путешествія эмира съ невѣстой къ ея матери и радостной встрѣчи послѣдней съ сыновьями и дочерью.

Третья книга. Мать эмира, узнавъ о его бѣгствѣ къ Грекамъ, пишетъ ему письмо, полное упрековъ. Она укоряетъ сына за измѣну вѣрѣ отцовъ, напоминаетъ ихъ славныя дѣянія, ставитъ ему въ примѣръ покойнаго отца, котораго не могли склонить къ миру никакія обѣщанія Грековъ, и умоляетъ вернуться на родину, взявъ съ собою жену. Въ противномъ случаѣ она угрожаетъ ему проклятіемъ.

Письмо подѣйствовало на сына: онъ вспомнилъ о родинѣ, о прежнихъ женахъ и дѣтяхъ, о горородахъ и дворцахъ, которые достанутся другому и впалъ въ раздумье. Онъ идетъ къ женѣ и со-

общаетъ ей о своемъ рѣшеніи ѣхать на родину, посѣтить мать и затѣмъ снова вернуться; при этомъ проситъ жену никому не говорить о письмѣ его матери. Но намѣреніе эмира обнаружилъ шурьямъ вѣщій сонъ, увидѣнный младшимъ изъ нихъ. Этотъ сонъ онъ разсказываетъ братьямъ:

Во снѣ я видѣлъ коршуновъ на Левкопетрѣ, хищныхъ.
И златокрылаго орла: преслѣдовалъ голубку
Онъ бѣлую, какъ чистый снѣгъ, и полетѣлъ за нею,
И скрылся въ комнату, гдѣ спитъ нашъ зять съ сестрою нашей.
Чтобы поймать его, туда я бросился поспѣшно,
Разставилъ руки и заразъ обѣихъ птицъ поймалъ я.

Константинъ Дука понялъ значеніе сна и всѣ пятеро поскакали къ Левкопетрѣ, гдѣ нашли всадниковъ, посланныхъ матерью эмира. Съ ними вмѣстѣ братья пошли къ зятю и осыпали его упреками, за намѣреніе покинуть ихъ сестру. Смущенный эмиръ идетъ къ женѣ и, увѣренный, что она открыла братьямъ его замыселъ, упрекаетъ ее и грозитъ лишить себя жизни. Отъ сильнаго огорченія жена не могла сначала оправдываться, потомъ увѣряетъ мужа въ своей невинновности и примиряетъ его съ братьями. На семейномъ совѣтѣ рѣшено, что эмиръ поѣдетъ на родину одинъ и постарается скорѣе вернуться къ

женѣ. Слѣдующія главы описываютъ путешествіе эмира, прибытіе въ Эдессу и свиданіе съ матерью, которой онъ разсказываетъ свои похожденія. Эмиръ склоняетъ мать принять христіанство и ѣхать съ нимъ къ Грекамъ. Возвращеніемъ его и страстнымъ свиданіемъ съ женою кончается третья книга.

Первыя книги только введеніе въ исторію Дигениса Акрита. Съ *четвертой* поэтъ начинаетъ прославленіе этого героя и потому предпосылаетъ дальнѣйшему введеніе, обнаруживающее въ авторѣ знакомство съ обычными пріемами эпическихъ пѣвцовъ. Введеніе начинается обращеніемъ къ читателю.

Хочу, о другъ, повѣствовать о многихъ я дѣяньяхъ,
О подвигахъ безчисленныхъ и о войны трофеяхъ,
Которыми прославился герой Акритъ Дигенисъ,
Достойный удивленія всѣхъ, за то что совершилъ
онъ...
Великія дѣянія, блестящія побѣды
И благородство—на землѣ прославили героя и т. д.

Второй сюжетъ автора—любовь и онъ пускается въ разсужденія о неотразимой силѣ этого чувства надъ слабыми смертными. Затѣмъ продолжаетъ:

Оставь, не пой, о человѣкъ! ты басни объ Ахиллѣ,
Иль о героѣ Гекторѣ—вѣдь ложны эти миѳы.
Царь Македонскій Александръ, что̀ въ замыслахъ
могучихъ,

И съ помощію божества властителемъ сталъ міра,
Лишь человѣческую мощь имѣлъ и дерзновенье.
А старый воинъ Филопаппъ, Киннамъ и Іоанникій—
Изъ этихъ всѣхъ богатырей, прославленныхъ, могучихъ,
Никто не можетъ рядомъ стать съ Дигенисомъ Акритомъ:
Они украсили себя дѣлами измышленья,
Но все, что совершилъ Акритъ, вполнѣ то достовѣрно,
И въ этихъ подвигахъ никто не долженъ сомнѣваться!

Затѣмъ авторъ повторяетъ въ краткихъ чертахъ біографію отца Дигениса, говоритъ о рожденіи и воспитаніи Василія и его первыхъ подвигахъ на охотѣ. На 12-мъ году онъ уже проситъ отца отпустить его на охоту за дикими звѣрями и убиваетъ медвѣдя, задушивъ его руками. Другой подвигъ мальчика былъ бой съ львицей: ударомъ меча онъ разсѣкаетъ ей голову до плечъ. Восхищенные силой и ловкостью Дигениса, отецъ и дядья поздравляютъ его. Отецъ самъ хочетъ омыть ему ноги и облекаетъ его богатой одеждой. Здѣсь поэтъ посвящаетъ нѣсколько стиховъ описанію дивной красоты своего героя: у него русыя кудри, большіе черные глаза, черныя брови и розы на ланитахъ.

Когда окончилось военное воспитаніе Дигениса, эмиръ удаляется отъ государственныхъ дѣлъ въ

свой дворецъ, посвятивъ себя исключительно дѣламъ благочестія. Сынъ принимаетъ начальство надъ домашними палликарами и скоро заявляетъ о себѣ подвигами храбрости. Онъ получилъ желаніе ознакомиться съ жизнью разбойниковъ, апелатовъ, и, вооружившись копьемъ и палицей, отправляется на конѣ въ мѣста, гдѣ надѣялся ихъ встрѣтить. У одного болота онъ увидѣлъ трупъ льва, убитаго знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ Іоанникіемъ. Далѣе онъ узнаетъ изъ разговора съ водоносомъ шайки о мѣстопребываніи вождя Филопаппа и находитъ его шатеръ. Когда онъ заявилъ предводителю о желаніи вступить въ шайку, Филопаппъ подвергаетъ его испытанію: пятнадцать дней долженъ Дигенисъ стоять на караулѣ, вооруженный одною палицей, ничего не ѣсть и не спать все это время. Затѣмъ долженъ идти на львовъ и принести вождю доказательство своей побѣды. (Здѣсь довольно большой пропускъ). Дигенисъ, вѣроятно пройдя чрезъ всѣ назначенныя испытанія, обезоруживаетъ всю шайку и приноситъ Филопаппу оружіе всѣхъ его разбойниковъ, со словами: если этотъ подарокъ тебѣ не нравится, я поступлю съ тобою, какъ съ ними.

Пѣснь кончается возвращеніемъ Дигениса домой, послѣ того какъ онъ всюду распространилъ страхъ своего имени.

Пятая книга посвящена любви Дигениса къ пре-

красной Евдокіи, дочери стратига Дуки, родственника шурьевъ эмира. Молва безпрестанно приносила нашему герою извѣстія о необыкновенной красотѣ Евдокіи. Однажды Дигенису пришлось возвращаться съ охоты мимо мраморнаго дворца ея отца. Онъ остановился и запѣлъ любовную пѣснь, которая глубоко потрясла сердце дѣвушки. Не рѣшаясь выглянуть въ окошко, она приказала кормилицѣ посмотрѣть на пѣвца, и та немедленно восклицаетъ: „о если бы небо внушило отцу твоему взять его въ зятья, ибо прекраснѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ!“ Слыша такой отзывъ, Евдокія сама смотритъ на Дигениса сквозь щель. Между тѣмъ Василій разспрашиваетъ людей, принадлежитъ ли этотъ дворецъ Дукѣ и здѣсь ли живетъ его знаменитая дочь. Самъ хозяинъ выдаетъ себя за слугу и говоритъ Дигенису: „много смѣльчаковъ пытались похитить красавицу, но попадали во власть ея отца и были преданы смерти“. Дигенисъ, догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отвѣчаетъ, что не намѣренъ похищать дѣвушки и не боится засады: онъ желаетъ взять ее въ супруги съ согласія отца и проситъ служителя помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Дука отказывается. Дигенисъ, подойдя подъ окно дѣвушки, говоритъ: „дай мнѣ знать, любишь ли ты меня или любишь другаго: я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли“. Евдокія посылаетъ кормилицу сказать ему: „Богъ покажетъ тебѣ, что я

тебя ношу въ сердцѣ, но я не знаю, юноша, кто ты и какого рода; если же ты Василій Дигенисъ Акритъ, ты высокаго и богатаго рода и чрезъ Дуковъ нашъ родственникъ. Отецъ мой подстерегаетъ тебя; онъ слышалъ отъ многихъ о твоемъ мужествѣ, но берегись, юноша, не подвергай себя опасности ради меня, потому что мой отецъ жестокъ и тебя не пощадитъ". Услыша этотъ отвѣтъ, Дигенисъ проситъ Евдокію показаться въ окнѣ и его просьба исполняется. (Здѣсь пропускъ цѣлаго ряда стиховъ, въ которыхъ вѣроятно описывалось свиданіе). Послѣднія слова Евдокіи были: „иди съ чувствомъ радости, о юноша, и не забывай меня". —Жди меня эту ночь,—отвѣчаетъ Дигенисъ и, погруженный въ заботы о предстоящемъ свиданіи, возвращается домой. Не отвѣчая на вопросы матери, обезпокоенной его озабоченнымъ видомъ, онъ приготовляетъ все для похищенія Евдокіи и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ условленнаго времени. Въ условленный часъ онъ уже подъ окномъ Евдокіи и поетъ мелодическую пѣснь, акомпанируя себѣ на лирѣ. (Здѣсь пропускъ, по мнѣнію издателей, по крайней мѣрѣ 200 стиховъ, содержавшихъ описаніе похищенія Евдокіи и бѣгства Дигениса, преслѣдуемаго сыновьями и служителями Дуки). Дигенисъ, видя, что погоня его настигаетъ, сажаетъ невѣсту на камень въ сторонѣ отъ дороги, а самъ бросается на преслѣдователей. Ударомъ

меча онъ разрубаетъ одного изъ служителей Дуки и обращаетъ прочихъ въ бѣгство. Затѣмъ, замѣтивъ, что братья невѣсты приближаются къ мѣсту, гдѣ она сидѣла, онъ обращается противъ нихъ и легкими ударами палицы выбиваетъ ихъ изъ сѣделъ. Видя пораженіе своихъ людей, старый Дука смирился и со слезами подходитъ къ Василію. Дигенисъ падаетъ предъ нимъ на колѣна, проситъ прощенія за все совершившееся и желаетъ быть его зятемъ. Дука даетъ съ радостью свое согласіе и проситъ Дигениса воротиться, чтобы сыграть свадьбу и принять богатое приданое. Дигенисъ говоритъ, что не нуждается въ дарахъ, что онъ искалъ только любви Евдокіи и проситъ отдать приданое ея братьямъ. Онъ приглашаетъ Дуку съ сыновьями отправиться съ нимъ къ его отцу, эмиру; если же они не согласны, онъ уѣдетъ съ невѣстою одинъ. (Пропускъ). Возвращеніе Дигениса съ невѣстою и пышная встрѣча со стороны эмира. Эмиръ возлагаетъ на голову невѣсты великолѣпный вѣнецъ и сажаетъ ее на богато-убраннаго коня. Слѣдуетъ описаніе торжества, при которомъ сама природа, по словамъ поэта, раздѣляла всеобщую радость:

Великолѣпіе празднествъ и общее веселье
Кто въ состояньи описать, кто разсказать возможетъ?

Возвеселилася земля и разцвѣла въ восторгѣ,
И горы прыгали окрестъ и скалы сладко пѣли,
И рѣки медленно текли отъ радости великой и т. д.

Слѣдуетъ перечисленіе великолѣпныхъ даровъ, поднесенныхъ Дукой Дигенису, состоявшихъ изъ коней со сбруей, соколовъ, роскошныхъ одеждъ, оружія и денегъ. Празднества продолжались еще три мѣсяца послѣ свадьбы. Когда старый Дука и гости разъѣхались, Дигенисъ съ молодой женою отправляется къ границамъ для ихъ защиты и съ этихъ поръ получаетъ прозвище Акрита, т. е. граничара. Подобно средневѣковымъ рыцарямъ или нашимъ народнымъ богатырямъ, Дигенисъ любилъ бродить одинъ, вдали отъ своихъ *палликаровъ,* ища приключеній. Эти приключенія, подвиги личной храбрости, поединки съ другими богатырями—сдѣлали его любимымъ народнымъ героемъ. Разсказъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ юнаго богатыря на заставѣ богатырской влагаетъ авторъ въ уста его самого въ шестой и седьмой пѣсняхъ. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи содержанія, замѣтимъ, что въ похожденіи, описанномъ въ шестой пѣсни, Дигенисъ поддается минутному влеченію къ одной дѣвушкѣ, покинутой ея женихомъ, при весьма романтической обстановкѣ, въ лѣсу, на берегу ручья. Эта измѣна женѣ сопровождалась сильными угрызеніями совѣсти, но авторъ, повидимому, не скло-

нея строго судить своего героя за это рыцарское приключеніе.

Седьмая книга открывается прославленіемъ царя мѣсяцовъ—мѣсяца мая, когда вся природа благоухаетъ запахомъ цвѣтовъ, когда земля соперничаетъ по убранству съ небомъ и душа человѣка неудержимо влечется къ утѣхамъ Афродиты. Дигенисъ разбилъ шатеръ свой на роскошномъ лугу, недалеко отъ ручья. Въ то время какъ герой отдыхалъ, Евдокія пошла купаться и подверглась нападенію дракона, принявшаго видъ молодаго человѣка. Ея крикъ пробудилъ мужа: онъ бросается на помощь и вступаетъ въ бой съ врагомъ, принявшимъ свой природный видъ. Ударъ меча сражаетъ чудовище, и подоспѣвшіе служители относятъ его тѣло отъ шатра. За боемъ съ дракономъ слѣдуетъ бой со львомъ и съ тремя стами *апелатовъ*, намѣревавшихся овладѣть Евдокіей. Таже пѣснь содержитъ описаніе поединка Дигениса съ тремя самыми знаменитыми предводителями апелатовъ: Филопаппомъ, Киннамомъ и Іоанникіемъ. Трое сражаются съ однимъ, но терпятъ пораженіе и старый Филопаппъ проситъ Акрита принять начальство надъ всею шайкой. Дигенисъ отказывается. (Пропускъ). Побѣжденный предводитель хочетъ отомстить за свое пораженіе: онъ созываетъ кострами апелатовъ изо всѣхъ горъ и ущелій и рѣшается просить помощи у знаменитой

богатырши Максимо, которая, по преданію, происходила отъ древнихъ амазонокъ и превосходила силою всѣхъ богатырей своего времени. Филопаппъ, чтобы получить ея помощь, прибѣгаетъ къ обману, говоря, что нужно выручить изъ рукъ врага дѣвушку, которую любитъ Іоанникій. Максимо велитъ своему первому паллнкару Мелемензису созвать всю шайку и избрать сотню самыхъ храбрыхъ. Отрядъ подъѣзжаетъ къ мѣсту, гдѣ находился Акритъ, съ намѣреніемъ напасть на него врасплохъ: но Дигенисъ не попался въ обманъ, ибо зорко слѣдилъ за всѣми движеніями непріятеля. Филопаппъ уговариваетъ Мелемензиса лучше сдѣлать попытку, похитить тайкомъ Евдокію, нежели вступать въ рискованный бой съ Дигенисомъ; но Мелемензисъ считаетъ такой поступокъ недостойнымъ храбраго воина. Максимо, видя одного только Дигениса безъ людей, полагаетъ, что онъ не ожидаетъ никакого нападенія; но, узнавъ отъ Филопаппа, что Акритъ постоянно ѣздитъ одинъ со своею женою, она бранитъ стараго вождя, что онъ ложнымъ извѣстіемъ заставилъ ее собрать столько людей противъ человѣка, съ которымъ она одна управится. Она хочетъ перейти Евфратъ, чтобы немедленно напасть на Дигениса; но герой предупреждаетъ ее и говоритъ: „не переходи, Максимо, мущинѣ прилично идти на встрѣчу женщинѣ, я самъ приду къ тебѣ, какъ требуетъ приличіе!“

Съ этими словами Дигенисъ бросается съ конемъ въ рѣку и вступаетъ въ бой съ богатыршей. Ударомъ меча онъ отсѣкаетъ голову ея коню и амазонка падаетъ на землю, умоляя побѣдителя о пощадѣ. Рыцарственный Дигенисъ щадитъ ее какъ женщину и вступаетъ въ бой съ ея спутниками, которыхъ скоро обращаетъ въ бѣгство. Амазонка проситъ Дигениса возобновить съ нею бой на слѣдующее утро. Дигенисъ соглашается. Максимо является на условленное мѣсто въ великолѣпномъ платьѣ, убранномъ жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и въ золотомъ панцырѣ; подъ нею конь бѣлый, какъ снѣгъ. Сначала они бьются на копьяхъ, потомъ переходятъ къ мечамъ и Дигенисъ поранилъ ея розовый пальчикъ. Она бросаетъ мечъ и трепещетъ за свою жизнь. Дигенисъ снова пощадилъ жизнь красавицы. Тогда Максимо объявляетъ ему, что она рѣшилась сохранить свою дѣвственность для человѣка, который побѣдитъ ее. Теперь она принадлежитъ ему вполнѣ. Дигенисъ отвѣчаетъ, что онъ женатъ и не можетъ исполнить ея желаніе. Тѣмъ не менѣе Дигенисъ въ концѣ концовъ не можетъ устоять предъ обаяніемъ ея красоты и молодости... Послѣ любовнаго свиданія они разстаются.

Восьмая книга описываетъ подробно прекрасный дворецъ и обширные сады Дигениса на берегу Евфрата. Поэтъ описываетъ образъ жизни своего

героя. Пѣснь кончается смертью и похоронами его отца, эмира.

Девятая книга разсказываетъ о смерти матери Акрита и изображаетъ горесть сына:

О мать, сладчайшая, кто насъ съ тобою разлучилъ на вѣкъ?
Внезапно корень кто срубилъ моей несчастной жизни?
Кто погасилъ мнѣ свѣтъ очей? я ничего не вижу!
Кто ласки матери моей меня лишилъ жестоко?
Скажи мнѣ слово сладкое, любезнѣйшая матерь!
И объяви мнѣ поскорѣй, кто днесь тебя похитилъ?
Я драгоцѣнный выкупъ дамъ, чтобъ ты была свободна.
Увы! о свѣтъ моихъ очей, любезнѣйшая матерь!
Когда я ликъ увижу твой и голосъ твой услышу?
Зачѣмъ сокровище мое, о гробъ жестокій, скрылъ ты?—
Зачѣмъ скосилъ ты лучшій цвѣтъ моей печальной жизни?
Ты погасилъ мнѣ свѣтъ очей, ты душу омрачилъ мнѣ,
Похитивъ мать, вскормившую меня своею грудью.

Дигенисъ похоронилъ мать въ одной могилѣ съ отцомъ. Съ этого времени онъ всю любовь свою сосредоточилъ на Евдокіи и не переставалъ ее любить до самой смерти.

Отъ *десятой*, послѣдней пѣсни, содержавшей

описаніе смерти Дигениса, сохранился, къ сожалѣнію, лишь небольшой отрывокъ.

Утрата конца поэмы тѣмъ болѣе непріятна, что въ заключительныхъ стихахъ, по всей вѣроятности, поэтъ называлъ самого себя.

Вотъ начало этой пѣсни:

Начнемъ теперь повѣствовать Дигениса кончину,
Начнемъ разсказъ, исполненный слезами и печалью.
Все что ни есть прекраснаго въ обманчивомъ семъ
мірѣ,
Все это роковая смерть беретъ и мракъ аида.
Какъ легкій сонъ проходятъ здѣсь богатство, честь
и слава.
Такъ быстро и постигла смерть Дигениса Акрита
и т. д.

Чувствуя приближеніе смерти, нашъ герой призываетъ къ постели нѣжно-любимую жену и долго бесѣдуетъ съ нею.

Изъ *содержанія,* предшествующаго каждой пѣсни, узнаемъ, что Евдокія не пережила своего супруга.

Изъ этого бѣглаго обзора содержанія, можно себѣ составить понятіе о византійской поэмѣ. Очевидно, что авторъ ея, знакомый съ Гомеромъ, имѣлъ въ виду написать эпопею о Дигенисѣ и собралъ въ десяти пѣсняхъ отдѣльные эпизоды изъ его біографіи. Авторъ коротко зналъ семейныя отношенія своего героя, его образъ жизни и домашнюю обста-

новку. Нѣкоторыя похожденія, быть можетъ, слышалъ отъ самого Дигениса, являющагося разскащикомъ въ 6-й и 7-й книгѣ. Другія событія доносила къ кему стоустая народная молва, конечно, разукрашивая ихъ и преувеличивая. Юный, прекрасный богатырь, одиноко бродившій на границѣ, полный отваги и великодушія сталъ скоро любимой темой народныхъ пѣсенъ.

Овладѣвъ этой личностью, народная фантазія перенесла на имя Дигениса подвиги, которые прежде приписывались другимъ именамъ. Дигенисъ сталъ идеаломъ народнаго богатыря, подобнаго Ильѣ Муромцу, Евдокія — идеаломъ женской красоты, какъ прекрасная Елена. Народная пѣсня съ особенной любовью останавливается на нѣкоторыхъ похожденіяхъ героя: на островѣ Кипрѣ до сихъ поръ распространена пѣсня о похищеніи Евдокіи Дигенисомъ, въ которой, совершенно въ разладъ съ поэмой, Хиліопаппъ (Филопаппъ) является сватомъ, засылаемымъ Дигенисомъ къ родителямъ Евдокіи, а самъ женихъ играетъ на скрипкѣ и убиваетъ дракона пощечиной. Другая пѣсня воспѣваетъ похищеніе Евдокіи апелатами. Акритъ *пашетъ* землю на берегу рѣки; прилетаетъ птичка и приноситъ извѣстіе, что домъ его разоренъ и возлюбленная уведена. Акритъ бросается въ погоню, встрѣчаетъ Узовъ и Эллиновъ, послѣднихъ у дэвскаго моста, подъѣзжаетъ къ городу, гдѣ

находитъ жену, убиваетъ похитителей и въ томъ числѣ 300 Варанговъ (Варяговъ) на дэвскомъ мосту и т. д. Есть пѣснь, которая изображаетъ прекрасные сады Дигениса, другія воспѣваютъ борьбу героя со смертью Харономъ [1]), еще другія смерть Евдокіи, задушенной умирающимъ Дигенисомъ въ послѣднемъ объятіи. Но и самая поэма вызывала подражанія у позднѣйшихъ писателей и нѣтъ сомнѣнія, что можно бы было указать въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній ея отголоски, если бы рука времени была менѣе безжалостна надъ произведеніями средневѣковой Византіи.

Издатели указываютъ въ предисловіи на аллегорическую поэму Мелитеніота, относимую къ концу XIII-го и началу XIV-го вѣка, въ которой находятъ массу яркихъ подражаній поэмѣ о Дигенисѣ. Близость въ отдѣльныхъ мѣстахъ такова, что нерѣдко сомнительное чтеніе въ Дигенисѣ находитъ объясненіе въ поэмѣ Мелитеніота и наоборотъ. Извѣстный поэтъ XII-го вѣка, Өеодоръ Продромъ, воспѣвая императора Мануила Комнена, считаетъ умѣстнымъ назвать своего героя *новымъ Акритомъ* или *вторымъ Акритомъ*. Слѣдовательно еще два вѣка послѣ смерти Акрита, имя его гремѣло славою.

---

1) Нѣкоторыя ново-греческія пѣсни о борьбѣ Дигениса съ Харономъ приведены въ прозаическомъ изложеніи въ статьѣ проф. А. Веселовскаго „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“. Вѣстн. Европы. 1875. Апрѣль, стр. 763—766.

Отсылая всѣхъ интересующихся исторической стороной поэмы къ обширному предисловію издателей, замѣтимъ, что на поэму слѣдуетъ смотрѣть, какъ на любимый и широко-распространенный героическій эпосъ средневѣковаго Эллинизма и что герой его Дигенисъ Акритъ былъ для Грековъ среднихъ вѣковъ и новаго времени такимъ же блестящимъ представителемъ Эллинизма, такимъ же популярнымъ богатыремъ, какъ Ахиллъ для древней Эллады. Понятно, что этотъ богатый сюжетъ долженъ былъ отразиться на литературахъ, находившихся въ тѣсной зависимости отъ византійской, понятно, что разсказъ о подвигахъ Дигениса долженъ былъ выйти далеко за предѣлы страны и народа, среди которыхъ онъ сложился. Здѣсь кстати припомнить слова Ліутпранда о быстромъ распространеніи византійскихъ произведеній въ его время. Когда Ліутпрандъ былъ въ Константинополѣ (958), пѣсни о сыновьяхъ Романа Лакапена (945) пѣлись не только въ Европѣ, но въ Азіи и Африкѣ [1]). Естественно, что и ближайшая сосѣдка Византіи, Болгарія, усвоившая такую массу византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярною личностью Дигениса и въ свою очередь водворить эту личность на русской почвѣ.

---

[1]) Antapodosis V, 22. Quod justo Dei juditio ita accidisse non solum Europa, sed et Asia nunc cantat et Africa.

Слѣдуетъ возвратиться къ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи, чтобы опредѣлить, какую форму приняла византійское произведеніе на славянской почвѣ.

Уже первый взглядъ показываетъ, что славянская передѣлка отнеслась къ своему оригиналу весьма самостоятельно. Историческія черты, генеалогическія подробности, не представлявшія интереса для славянскаго читателя, стерты. Повѣсть проникнута бо̀льшимъ благочестіемъ и нѣкоторые эпизоды, представлявшіе соблазнъ пуританскому чувству, обойдены вовсе или подверглись измѣненію.

Въ обзорѣ содержанія мы остановились на напрасныхъ поискахъ трупа сестры братьями. Не найдя его, *братаничи* сѣли на коней и запѣли *ангельскую* пѣснь: „*благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань!* Затѣмъ они сказали другъ другу: „попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, *и главы своя положимъ* за сестрицу свою“. Они вызываютъ Амира на смертный бой и по его желанію бросаютъ между собою жребій, кому изъ нихъ трехъ съ нимъ биться. Жребій падаетъ на младшаго брата и оба старшіе начинаютъ его снаряжать: *гдѣ стоятъ братаничи и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно*. Слѣдуетъ *ангельская* пѣснь братьевъ и бой младшаго съ Амиромъ. Амиръ

сброшенъ съ коня и проситъ пощады, обѣщаясь принять святое крещеніе изъ любви къ ихъ сестрѣ. Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна, считаетъ нужнымъ ярко выставить невинность и чистоту дѣвицы, не смотря на то, что она была въ плѣну у Амира. „Братія! говоритъ Амиръ, видите оно поле прекрасно: тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ". Далѣе первый вопросъ братьевъ къ сестрѣ таковъ: „повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымемъ же главу его и отвеземъ въ греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, оскверннвъ крестьянскую дѣву". Сестра успокоиваетъ сомнѣнія братьевъ: когда Амиръ похитилъ ее, при ней было 12 кормилицъ; когда она жила въ шатрѣ, онъ пріѣзжалъ разъ въ мѣсяцъ и только издали смотрѣлъ на нее; никто не видѣлъ лица ея и не входилъ въ шатеръ. Затѣмъ она сама изъявляетъ желаніе выйти за Амира, если онъ приметъ христіанство. Братья желаютъ, чтобъ Амиръ немедленно крестился и ѣхалъ съ ними въ греческую землю, но онъ посылаетъ ихъ съ невѣстой впередъ, говоря, что самъ соберетъ своихъ людей, желающихъ принять вѣру Христову и свои несмѣтныя богатства и съ честью

пріѣдетъ къ Грекамъ. Братья отправляются впередъ, а Амиръ сажаетъ на престолъ свой младшаго брата, и увѣривъ мать, что ѣдетъ истреблять Грековъ, собираетъ своихъ людей и богатство. На *сумежьи* греческой земли онъ объявляетъ дружинѣ истинную цѣль своей поѣздки и зоветъ съ собою всѣхъ желающихъ креститься. Нѣкоторые изъ *кметей* слѣдуютъ за нимъ. Не доѣзжая до града греческаго, братья съѣзжаются съ Амиромъ. Слѣдуетъ крещеніе въ Евфратѣ, причемъ крестилъ Амира патріархъ, а воспріемникомъ былъ *царь града того.*

Послѣ свадьбы Амиръ живетъ во дворцѣ съ молодой женою. Посольство матери къ сыну разсказано довольно близко къ византійской поэмѣ, но вѣщій сонъ, открывшій замыселъ Амира, видитъ не одинъ изъ шурьевъ, а сама жена: „въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя и изнесе изъ полаты моея и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола и соколъ мя опусти". Сонъ очевидно искаженъ въ славянской передѣлкѣ и толкованіе его *волхвами*, *книжниками* и *фарисеями*, собранными братьями, не вполнѣ къ нему подходитъ. Волхвы сказали: „госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хощетъ исхитить изъ полаты и бѣжати въ срацынскую землю, и съ любимою сестри-

цею вашею; а три врана, то суть три срацыненина—стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами". Намѣренья Амира изобличены. Срацыняне схвачены и крещены, а кони ихъ розданы шурьямъ Дигениса. „Повѣсть" на этомъ кончаетъ разсказъ объ Амирѣ и не упоминаетъ путешествія его къ матери, съ согласія шурьевъ, путевыхъ приключеній, возвращенія къ женѣ съ матерью и близкими, принявшими крещеніе т. е. обходитъ молчаніемъ бо̀льшую часть событій, разсказанныхъ въ третьей книгѣ византійской поэмы.

Разсказъ о рожденіи и воспитаніи Девгенія, о его „*ловахъ*", о борьбѣ со львомъ, *лютымъ звѣремъ,* довольно близокъ къ разсказу, содержащемуся въ 4-ой книгѣ. Восхищенный подвигами сына, Амиръ восклицаетъ: „о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній! отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного, есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ". У источника повѣсть помѣщаетъ бой Девгенія съ змѣемъ, т. е. тотъ эпизодъ, который въ поэмѣ описывается въ пятой книгѣ и влагается въ уста

самого Дигениса. Въ поэмѣ, какъ мы знаемъ, змѣй напалъ на прекрасную Евдокію, купавшуюся въ рѣкѣ,—здѣсь же онъ нападаетъ на самого Девгенія, который еще не женатъ.

Изъ дальнѣйшихъ похожденій Девгенія повѣсть знаетъ только два — бой съ Филипапомъ и Максимо и похищеніе Евдокіи, дочери стратига. Оба похожденія во многомъ отличаются отъ разсказа поэмы, многія детали пропущены, много именъ не упомянуто и многое передѣлано на другой ладъ. Въ поэмѣ женидьба Дигениса предшествуетъ битвѣ съ Филипаппомъ и Максимо, въ повѣсти послѣдній эпизодъ идетъ сначала и носитъ отдѣльное заглавіе: *сказаніе о Филипатѣ и Максимѣ и о храбрости ихъ*. Это заглавіе, которое извѣстно изъ утраченнаго пушкинскаго сборника, указываетъ, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ разсказъ *сборника* расходился съ *повѣстью* о прекрасномъ Девгеніи. Въ послѣдней дѣва-богатырша называется Максиміаной, а богатырь Филипапой. Кто былъ этотъ Филипапа—повѣсть не указываетъ; Максиміана—же т. е. Максимо, въ разладъ съ поэмой, называется его дочерью. Разсказъ открывается посланіемъ отца и дочери къ прекрасному Девгенію. Остановившись съ войскомъ на рѣкѣ Ефраитѣ (Евфратѣ), они посылаютъ Девгенію *грамоты съ прелестію:* „о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней! ты царствуеши во всѣхъ насъ храбрыхъ и силныхъ, *яко май*

мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ вcяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственное листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефраитъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никако же нѣсть помышленія никакова жь". Подобной грамоты нѣтъ въ византійской поэмѣ и посланіе присочинено славянскимъ разскащикомъ; но въ упоминаніи о маѣ, царѣ мѣсяцевъ, нельзя не видѣть подражанія началу седьмой книги (см. выше).

Девгеній догадался о хитрости, но всетаки хочетъ ѣхать. Отецъ отговариваетъ его, говоря: „чадо мое милое, преславный Девгеней! *рано тебѣ въ сильную рать ѣхать:* еще ты въ ратехъ не бывалъ и ничево ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипапа въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло". Девгеній не слушаетъ совѣта отца и съ немногими людьми ѣдетъ на Ефраитъ рѣку. На людей его нападаетъ Филипапа со всѣмъ войскомъ, но, видя опасность, Девгеній перескочилъ рѣку пѣшъ, *яко соколъ дюжей отъ руку ловца* и, вскочивъ на коня, началъ гонять *яко добрый жнецъ траву коситъ.* Побивъ 2000 воиновъ, онъ нападаетъ на самого Филипапу и тупымъ концемъ копья сбрасываетъ его съ коня. Максимьяна

бросилась на помощь отцу, но Девгеній и ее бросилъ на землю ударомъ руки по лицу.

Этотъ эпизодъ *Повѣсть* связываетъ съ дальнѣйшимъ, носящимъ въ пушкинской рукописи заглавіе — аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ и о въсхыщеніи Стратиговнѣ — слѣдующимъ образомъ. Пораженный Филипапа проситъ пощады у Девгенія и, называя его *златокрылатымъ ястребомъ*, говоритъ ему о преславномъ Стратигѣ, имѣющемъ четырехъ сыновей и прекрасную дочь: „мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а нихто не можетъ ея пояти; хто не пріѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать: развѣ тебя Богъ одаритъ". Девгеній обѣщается отпустить его, если слова его окажутся правдой. Въ свою очередь Максимьяна проситъ Девгенія: „о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній! мнози ко мнѣ цари и короли присылалися храбріи и силніи, во мнозѣ силѣ, а нихто мя не осквернія единымъ словомъ: всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна есми тебѣ; еще ты совокупишися со мною, да будемъ мы вмѣстѣ и силы нашей не можетъ держати нихто же". Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна читателя, передѣлала дальнѣйшее: въ поэмѣ Дигенисъ склоняется на просьбу Максимо и измѣняетъ женѣ, въ повѣсти онъ является цѣломудреннымъ, беретъ книгу, въ которой написана его судьба и вычитываетъ оттуда, что

если онъ сочетается съ прекрасной Стратиговной (Евдокіей) — его житія 36 лѣтъ, если же съ Максимьяной — то 16, и отпускаетъ Максимьяну къ своей матери съ своими людьми. Нечего и говорить, что тотъ исходъ битвы съ Максимо, который изображаетъ византійская поэма, есть именно древній, первоначальный: любовной связью кончается и бой Ильи Муромца съ бабой Горынянкой и другихъ русскихъ богатырей съ паленицами удалыми. Благочестія ради обойдено въ повѣсти и другое любовное приключеніе Дигениса, разсказанное въ шестой книгѣ поэмы.

Вернувшись домой къ родителямъ, прекрасный Девгеній помышляетъ о Стратиговнѣ и, не взирая на убѣжденія отца, рѣшается ее похитить. Онъ собираетъ свое войско и идетъ въ землю Стратигову. Отъ одного юноши узнаетъ онъ, что Стратигъ съ сыновьями уѣхалъ на охоту, а дочь осталась въ замкѣ. Нѣкоторыя детали поэмы сохранены повѣстью: Девгеній скачетъ около замка на бѣломъ конѣ, у коего сдѣланы звонцы въ гривѣ „и отъ того игранія умъ исхититьца". Стратиговна, какъ и въ поэмѣ, смотритъ на богатыря чрезъ окошко и посылаетъ къ нему кормилицу. Къ сожалѣнію рѣчью послѣдней къ Девгенію обрывается *повѣсть* и продолженіе слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Карамзинъ приводитъ отрывокъ изъ утраченной впослѣдствіи пушкинской рукописи и эти вы-

писки исторіографа позволяютъ намъ нѣсколько продолжить разсказъ о похожденіяхъ Девгенія. „Девгеній [1]) ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебреныхъ съ золотыми струнами и говоритъ: „кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И нача дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ; а конь у него покрытъ паволокою зеленою, а братіа моя суть въ серебреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты". Къ сожалѣнію въ трапезунтской поэмѣ нельзя указать соотвѣтствующаго мѣста: весь разговоръ Дигениса съ Евдокіей пропущенъ и изъ него сохранились лишь заключительныя слова красавицы: „возвратись домой съ радостью, о юноша! и не забывай меня". Случайная выписка Карамзина восполняетъ, такимъ образомъ, греческую поэму. Въ какихъ чертахъ было описано въ повѣсти о Девгеніи самое похищеніе Стратиговны — неизвѣстно. Карамзинъ приводитъ вторую выписку уже послѣ разсказа о битвѣ Девгенія съ отцемъ и братьями его невѣсты. Въ трапезунтской же рукописи, хотя эта битва и существуетъ, но эпизодъ о похищеніи пропущенъ.

„Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ

---

[1]) Кар. И. Г. Р. III прим. 272.

имъ: „азъ старости твоея дѣля пожалую, дамъ ти свободу и сыномь твоимь; толико знаменіе свое хощу възложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣнень, а у сыновь его жуковины многоцѣнны съ драгымь каменіемь; то взя у нихъ за знаменіа мѣсто“.

Такихъ рѣчей къ побѣжденному отцу и шурьямъ нѣтъ въ трапезунтской поэмѣ. Напротивъ Дигенисъ падаетъ въ ноги старому Дукѣ и проситъ его благословенія. Не только не беретъ Дигенисъ „знаменія“ своей побѣды (крестъ и жуковины), но и отказывается отъ богатаго приданаго предлагаемаго Дукой за дочерью: ея богатство уступаетъ женихъ шурьямъ. Отсюда видно, что болгарская повѣсть либо сильно измѣнена противъ поэмы, либо, что̀ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, передѣлана не изъ этой поэмы, а изъ прозаической византійской повѣсти о томъ же героѣ.

Третья выписка у Карамзина взята изъ того мѣста повѣсти, въ которомъ перечислялись дары, поднесенные старымъ Дукой Дигенису, когда первый пріѣхалъ праздновать свадьбу дочери: „пода Стратигъ своему зятю 30 фаревь, а покрыты драгыми наволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20 пардусовъ и соколовъ 30 съ кръмилици своими, и дасть ему кожуховь 50 *сухымь* златомь шиты и наволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомь: вмѣщахуся вонь

многы *тисуща* вой, и ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату св. Θеодоръ, и *копіа* 4 Аравитьская и мечь дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховь 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; *пръвый* шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа".

Этимъ кончаются выписки Карамзина, но неизвѣстно кончалась ли этимъ „повѣсть" въ утраченной рукописи. Не лишено интереса сравнить перечисленіе даровъ въ повѣсти и поэмѣ. Послѣдовательность приношеній не нарушена въ славянской передѣлкѣ, но цифры увеличены и замѣтны слѣды того, что переводчикъ не совсѣмъ понималъ текстъ. Тридцати фарямъ повѣсти соотвѣтствуютъ въ поэмѣ двѣнадцать лучшихъ коней и рослыхъ вороныхъ (ἵππους ἀρίστους δώδεκα καὶ παμμεγέθεις μαύρους); двадцати пардусамъ—двѣнадцать, тридцати соколамъ „съ кормилици своими" (т. е. съ сокольниками?)—двѣнадцать абазгійскихъ соколовъ перелинявшихъ (ἱέρακας κἂν δώδεκα μουτάτους Ἀβασγίκους); а „кормилици" кажется зашли въ повѣсть чрезъ невѣрное осмысленіе византійскаго слова βαΐτζα (иначе βάϊα), по глоссарію Legrand и Sathas'a—nourrice, servante (лат. bajula). Въ поэмѣ говорится, что въ числѣ даровъ были 12 корми-

лицъ и 12 горничныхъ (ὡς καὶ βαΐτζας δώδεκα, καὶ δώδεκα τζουπάδας). Въ повѣсти шатеръ доведенъ до гигантскихъ размѣровъ (онъ вмѣщаетъ многа тисуща вой), чего нѣтъ въ поэмѣ; за то въ поэмѣ упомянуты двѣ иконы св. Ѳеодоровъ, вмѣсто одной въ повѣсти. Число копій аравитскихъ уменьшено въ слав. передѣлкѣ изъ 10 въ четыре, а изъ знаменитаго меча Хозроева, поднесеннаго Дукой Дигенису, сдѣланъ мечъ прадѣда Стратигова. Другая черта, говорящая въ пользу предположенія, что слав. повѣсть имѣла оригиналомъ не поэму, а какую нибудь прозаическую редакцію, та, что въ поэмѣ не говорится ни слова о дарахъ тещи и шурьевъ. Едва ли такую подробность могъ славянскій литераторъ придѣлать отъ себя: въ немъ скорѣе замѣтна охота къ сокращенію, нежели къ распространенію.

Глава третья.

Намъ могутъ поставить вопросъ, зачѣмъ, отыскивая литературныя вліянія въ Словѣ о Полку Игоревѣ, мы спустились къ византійской поэмѣ X-го вѣка и къ славянской ея обработкѣ? Неужели мы предполагаемъ, что „Слово", это поэтическое произведеніе русскаго пѣвца, наполненное нашимъ. роднымъ, содержаніемъ, могло быть передѣлкой византійской эпопеи, воспѣвающей какого то полусказочнаго богатыря?

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, мы конечно должны отвѣтить отрицательно; но дѣло получаетъ иной видъ, если мы поставимъ вопросъ болѣе правильно. Мы исходимъ изъ убѣжденія, что авторъ „Слова" былъ человѣкъ книжный, литераторъ XII-го вѣка, знакомый съ произведеніями духовными и свѣтскими, перешедшими въ нашу словесность изъ Византіи чрезъ Болгарію. Авторъ этотъ, обладая замѣчательнымъ талантомъ, высокимъ чувствомъ красоты, замыслилъ прославить

походъ близкаго ему князя Игоря противъ Половцевъ. Неужели этотъ авторъ, сынъ своего времени, воспитавшійся на иноземныхъ византійскихъ произведеніяхъ въ русской одеждѣ, дѣйствуя въ тѣ времена, когда вся наша молодая литература состояла изъ переводовъ и подражаній,—сохранилъ себя вдали отъ всякаго вліянія, отъ всякой реминисценціи прочтенныхъ книгъ? Не имѣя образцовъ, этотъ литераторъ создалъ и литературную форму и поэтическій языкъ, движимый исключительно личнымъ творчествомъ, наитіемъ свыше? Идя рука объ руку съ ходомъ культуры, наша литература всегда была подражательна, всегда отражала на себѣ чужеземное культурное вліяніе и единственное блестящее исключеніе представляетъ „Слово", авторъ котораго былъ *одинъ* самостоятеленъ, *одинъ* безъ образцовъ создалъ то, чего не могли создать ни Шекспиръ, ни Шиллеръ, ни Байронъ, которые всѣ воспитались на образцахъ и влили *свое* въ унаслѣдованныя формы.

Признаемся, что подобныя предположенія едва-ли могутъ быть вѣроятны для того, кто не допускаетъ скачковъ и чудесъ въ исторіи литературы и считаетъ аксіомой постепенность въ развитіи. Поэтому думаемъ, что, отыскивая образцы, которымъ *могъ* подражать авторъ „Слова", мы поступаемъ научнѣе, нежели тѣ, которые считаютъ это произведеніе блестящимъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи „Слова“, а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ т. е. о томъ, въ чемъ авторъ *могъ* подражать другимъ.

Если мы обратили прежде всего вниманіе на повѣсть о прекрасномъ Девгеніи, то отнюдь не въ убѣжденіи, что именно ее, а не другое произведеніе, взялъ авторъ „Слова“ себѣ образцомъ. Пушкинъ въ Евгеніи Онѣгинѣ не подражалъ *извѣстному* произведенію Байрона, но все же изученіе этого поэта отразилось на русскомъ романѣ, и знакомство съ Байрономъ уясняетъ для историка литературы нѣкоторыя черты Пушкина. Съ такою же цѣлью остановились мы на одномъ характеристичномъ произведеніи Византіи X-го вѣка, перешедшемъ къ намъ черезъ Болгарію въ видѣ героической повѣсти и спрашиваемъ себя, не найдемъ ли въ Словѣ чего нибудь аналогичнаго ему?

Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ разсказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Оба произведенія написаны съ цѣлью прославить извѣстнаго героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картинами природы и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, предрекаетъ успѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпическій разсказъ прерывается иногда, прямою рѣчью вла-

гаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ, въ обоихъ вѣщіе сны предсказываютъ будущее. Припомнимъ отдѣльныя мѣста:

Въ Словѣ Святославъ видитъ *мутенъ сонъ* и разсказываетъ его боярамъ; въ повѣсти такіе сны характеристическая черта. Передъ прибытіемъ братьевъ за похищенной сестрою, Амиръ видитъ сонъ и разсказываетъ его *кметямъ:* три ястреба били его крылами и едва не убили. Эти три ястреба три брата похищенной дѣвушки. Другой сонъ видитъ жена Амира или по византійской поэмѣ младшій изъ шурьевъ, когда за Амиромъ пріѣхали сарацины: въ этомъ снѣ Амиръ является златокрылатымъ соколомъ, жена его голубкой, сарацины воронами.

Далѣе обратимъ вниманіе на употребительныя въ „Словѣ" сравненія людей съ соколами и вóронами: се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя; (Игорь) полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди; а ты буй Романе и Мстиславе!... высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти; ни тебѣ чрьный воронъ поганый половчине! Подобныя сравненія столь же обычны въ византійскомъ романѣ:

Въ пятой книгѣ [1]) читаемъ: подобно тому, какъ

---

[1]) Ст. 1264 слѣд.

хорошій соколъ, высмотрѣвъ куропатку, бросается и схватываетъ ее, такъ юноша (Дигенисъ) разсѣвалъ ихъ (враговъ) въ бою. По словамъ *повѣсти*, братья, бросившіеся отыскивать сестру „поѣхаша, яко *златокрылатые ястребы*". Филипапа въ „повѣсти" называетъ Девгенія златокрылатымъ ястребомъ; три сарацина представляются черными воронами, какъ сила враждебная.

Замѣтимъ, что соколъ вошелъ въ поэтическія сравненія чрезъ любимую въ Византіи и на Руси соколиную охоту. Особенно цѣнились соколы *перелинявшіе,* которые носили въ Византіи названіе μουτατὸς отъ латинскаго *mutatus* (mutare—мѣнять). Описывая, напримѣръ, охоту эмира съ сыномъ Дигенисомъ, поэтъ не забываетъ упомянуть, что охотники несли бѣлыхъ соколовъ уже перелинявшихъ (ἱεράκια ἐβάσταζον λευκά ἐκ τῶν μουτάτων), и въ числѣ даровъ, принесенныхъ Дигенису тестемъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ дюжина абазгійскихъ соколовъ μουτατοὶ. Въ полную аналогію съ этимъ, находимъ въ Словѣ замѣчаніе: „коли соколъ въ *мытехъ* бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду" [1]).

---

[1]) См. Du Cange, Gl. Lat. s. v. muta: accipitrum morbus, gallis la muë; accipitres enim quotannis pennas mutant, vetusque spolium deponunt, quo tempore vehementer aegrotantetiam usque ad periculum mortis. Muta—domuncula in qua includuntur falcones, cùm plumas mutant... Mutare...' quod μουτεύειν est apud Demetr.

Въ „Словѣ“ Буй-туръ Всеволодъ обращается къ брату съ слѣдующими словами: „одинъ братъ, одинъ *свѣтъ свѣтлый* ты, Игорю, оба есвѣ Святъславичя“. Въ этомъ эпитетѣ—*свѣтъ*—не трудно узнать обычное ласкательное обращеніе въ Византіи, встрѣчающееся и въ „поэмѣ“ и въ „повѣсти“ весьма часто. „Сядь здѣсь, *свѣтъ мой сладкій*—говоритъ Дигенисъ женѣ—и посмотри, какого мужа имѣешь“ [1]. О дочь многолюбимая, *свѣтъ* моихъ очей [2]. „О *свѣте, свѣтозарное солнце,* младой юноша!“—говоритъ кормилица Стратиговны Девгенію. „О свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній!“—такъ обращается къ богатырю побѣжденная Максимьяна.

Constant lib. 2. Mutatus—accipiter mutatus, qui mutam evasit, μουτατὸς ἱέραξ. Средневѣковой латинскій охотничій терминъ вмѣстѣ съ соколиной охотой перешелъ въ ново-европ. языки: ср. нѣмец. sich mausen (mutare pennas), die Mause, или Mause-Zeit—tempus mutationis plumarum; die Mause—клѣтка, куда сажаютъ линяющихъ соколовъ, голланд. muyten=mutare, (Frisch—Teutsch-Lateinisches Wörterbuch 1741); франц. muer, mue, послѣднее и въ значеніи клѣтки (Diez, Etymol. Wört. d. Roman. Spr. s. v.). Этотъ же терминъ, по мнѣнію Миклошича (см. Слов. s. v. мыто), перешелъ въ слав. нарѣчія: серб. митаритисе—pennas mutare, русс. мытъ и мыть—линянье. Отъ соколовъ терминъ могъ быть перенесенъ и на другихъ животныхъ: лошадь въ мыту (Даль).

[1] V ст. 1257, αὐτοῦ κάθου, φῶς μου γλυκύ, καὶ βλέπε τίνα ἔχεις.

[2] II 150, ὢ θύγατερ παμπόθητε, φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτων.

Обычай называть царя *солнцемъ* былъ распространенъ въ Византіи и этотъ эпитетъ могъ перейти и къ русскимъ княжескимъ дворамъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ Владиміръ носитъ постоянный эпитетъ „красное солнышко", то конечно мы будемъ ближе къ истинѣ, сравнивая этотъ эпитетъ съ византійскимъ „свѣтозарное солнце (ἥλιε λαμπρότατε), нежели открывая въ немъ послѣдніе отголоски миѳическаго значенія князя, какъ солнечнаго бога [1]). Тотъ же почетный эпитетъ слѣдуетъ видѣть и въ Словѣ: чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти *4 солнца* (т. е. 4-хъ князей). *Два солнца* помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста.

Какъ доселѣ всѣ наши титулы представляютъ *переводъ* иноземныхъ, такъ могло уже быть въ древней Руси, ибо ничто не дѣйствуетъ такъ обаятельно на націю, воспринимающую культуру отъ другой, какъ внѣшній лоскъ, блескъ и этикетъ двора и пышность одежды.

---

[1]) Къ византійскому титулу сводитъ наше „красное солнышко" Ягичъ, Archiv. I 160), при чемъ приводитъ изъ Carmina Graeca Medii aevi (Wagner'a) стихи:

δέσποτα πάντων δέσποτα τῶν ἡμερῶν αὐθέντης
τῆς Ῥωμανίας ὁ ἥλιος χριστιανῶν τὸ κράτος...
«δέσποτα, πάντων δέσποτα» ἐβόα θαρσαλέως
τῆς Ῥωμανίας ἥλιε.

„Слово“ представляетъ много картинъ природы и всюду проглядываетъ желаніе автора приводить состояніе природы въ соотвѣтствіе съ состояніемъ людей. Когда русскимъ угрожаетъ несчастье, *земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, кровавыя зари свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ*. Послѣ пораженія *ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось*. Напротивъ, когда Игорь бѣжитъ изъ плѣна, зловѣщіе вороны не каркаютъ, галки умолки, сороки не троскотали и т. д. и т. д.

Ту же черту, то же стремленіе пользоваться картинами природы для выраженія состоянья духа людей или для предсказанія ихъ судьбы, находимъ и въ византійскомъ произведеніи. Братья снаряжаютъ младшаго для борьбы съ Амиромъ: „а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно“. Когда справлялась свадьба эмира, земля радовалась и разцвѣла цвѣтами, горы прыгали и скалы пѣли, рѣки задерживали бѣгъ отъ великой радости (V ст. 1376—1378).

Одушевляя природу, заставляя ее раздѣлять радость и скорбь людей, поэтъ вводитъ въ свое произведеніе обращенія героевъ къ предметамъ видимаго міра. Ярославна обращается съ упреками къ вѣтру, къ Днѣпру и свѣтлому солнцу. Князь Игорь порицаетъ рѣку Стугну, утопившую юношу Ростислава и восхваляетъ Донъ.

Такой же поэтическій пріемъ находимъ въ византійской поэмѣ. Какъ Ярославна упрекаетъ свѣтлое и тресвѣтлое солнце, за то что оно „простре горячую свою лучю на ладѣ вои", такъ братья, не находя трупа сестры, обращаются съ подобными же упреками къ тому же свѣтилу: „О солнце лучезарное, свѣтильникъ всей вселенной!" [1]) и т. д. (см. стр. 19).

Другая характеристическая черта „Слова" та, что дѣйствующія лица не только *описываются*, но какъ бы *выводятся* на сцену, эпическій разсказъ прерывается часто рѣчами, обращеніемъ Игоря къ дружинѣ, разговоромъ между Всеволодомъ и Игоремъ, между княземъ Святославомъ и боярами, между Игоремъ и Дономъ, плачемъ Ярославны и т. д. Все произведеніе проникнуто драматизмомъ и это придаетъ ему необыкновенное оживленіе. Подобную манеру разсказывать, вводя въ разсказъ собственныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, *могъ* подмѣтить русскій литераторъ XII-го вѣка въ византійскихъ повѣстяхъ, и возвышенный и вычурный поэтическій языкъ въ прямыхъ рѣчахъ могъ отразиться и на языкѣ нашего поэта. Такъ мать похищенной Амиромъ дѣвушки, описываетъ свое горе сыновьямъ: Амиръ, говоритъ она, „урва ми сердеч-

---

[1]) ἥλιε ὦ λαμπρότατε, φωστὴρ παντὸς τοῦ κόσμου κ. τ. λ.

ное кореніе и унзе мя яко бездушную трость“. Игорь говоритъ: „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!“ Братья въ „повѣсти“ даютъ такой обѣтъ: „днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, *и главы свои положимъ за сестрицу свою*“. Огорченный судьбою племянниковъ, Святославъ восклицаетъ: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! *рано еста начала* половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати!“ Въ „повѣсти“ Амиръ, удерживая сына отъ опасной охоты говоритъ: „чадо! *рано тебѣ* о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити!“ и далѣе, предостерегая его отъ боя съ Филипапой, восклицаетъ: „чадо мое милое, преславный Девгеній! *рано тебѣ въ сильную рать ѣхать:* еще ты въ ратехъ не бывалъ“ и т. д. Обращенія, выражая порывы души, дышутъ какою то умильностью, которая была во вкусѣ того времени. Авторъ „Слова“ любитъ влагать въ уста дѣйствующихъ лицъ рѣчи жалобныя, сопровождаемыя слезами. Жены рускія *въсплакашась* аркучи: уже намъ своихъ *милыхъ* ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; великій князь Святославъ „изрони злато слово слезами смѣшено“. Ярославна рано *плачетъ* и стонетъ будто кукушка и т. д. Подобными умильными рѣчами наполнено и византійское произведеніе: мать причитываетъ о похищенной дочери, братья, мужественные воины, *пла-*

чутъ горькими слезами о сестрѣ, Амиръ *съ плачемъ* говоритъ съ будущими шурьями, когда они побѣдили его. Дигенисъ съ рыданіемъ причитываетъ на могилѣ матери: кто разлучилъ насъ, сладчайшая мать? кто срубилъ корень моей жизни? кто погасилъ мой свѣтъ? кто лишилъ меня материнской ласки? Изреки мнѣ *сладчайшее слово,* возлюбленная мать! и т. д. (см. стр. 32).

Можно быть увѣрену, что будь эта византійская поэма извѣстна романтической школѣ, она открыла бы въ ней „перлы чистаго романтизма". Не отыскивая этихъ перловъ, можно замѣтить однако, что авторъ писалъ во вкусѣ своего времени. Византійцамъ, пресыщеннымъ утонченностью столичной жизни, конечно должны были нравиться описанія природы, подвиговъ мужества и романическихъ приключеній *рыцаря* Дигениса, бродящаго съ своею *ладой* среди цвѣтущихъ рощъ, отдыхающаго на берегу ручьевъ и играющаго на лирѣ. Авторъ любитъ любовныя сцены, и если чувство Дигениса не можетъ назваться *обожаніемъ дамы,* и стоитъ ближе къ античной страстности, все же его любовныя похожденія разыгрываются при самой романтической обстановкѣ: цвѣтистый лугъ, дѣва у ручья, сладкіе звуки лиры, красавица на бѣломъ конѣ, побѣжденная великодушнымъ рыцаремъ и т. п.

Понятно, что многія пикантныя черты были стерты въ славянской передѣлкѣ, порывы чувства

замѣнены рѣчью умильной и гласами ангельскими, любовь незаконная исключена во избѣжаніе соблазна, но все же и въ „повѣсти" осталось многое, что могло нравиться книжнику мірянину, не затворившему сердце для нѣжныхъ чувствъ. Достаточно прочесть высоко-поэтическій плачъ Ярославны, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ автора на женщину. Не тѣмъ романтическимъ языкомъ говорила бы женщина подъ перомъ монастырскаго книжника и слова ея, хотя и умильныя, дышали бы скорѣе чувствомъ христіанскаго смиренія и преданности судьбѣ. Не съ молитвой къ Богу о возвращеніи *господина* обращается тоскующая жена: Ярославна, какъ влюбленная, проситъ Днѣпръ привѣять ея *ладу*, упрекаетъ солнце и вѣтръ, награждая ихъ нѣжными эпитетами. Этотъ прелестный плачъ свидѣтельствуетъ, конечно, не о двоевѣріи автора, какъ думаютъ обыкновенно, а о его изящномъ вкусѣ, и о томъ *мірскомъ* и *романтическомъ* настроеніи, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами. Какъ рыцарь, Дигенисъ въ своихъ приключеніяхъ съ врагами часто возвращается мыслію къ дорогой женѣ—красавицѣ Евдокіи, такъ, по представленію автора „Слова", долженъ былъ бы думать и русскій князь въ походѣ: только крайнее увлеченіе битвой, когда воинъ пренебрегаетъ ранами, заставляетъ Всеволода забыть „своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая

и обычая". Подвиги молодецкой удали и любовь— вотъ что всего болѣе хватало за душу нашего поэта; картины битвы и воспоминанія о ладѣ, красавицѣ, поджидающей дома богатыря, возникали рядомъ въ его романтическомъ воображеніи. Тоже *сантиментальное* чувство подсказывало ему нѣжныя рѣчи русскихъ женъ, и ласковый эпитетъ *милыхъ ладъ,* которымъ онѣ называютъ отсутствующихъ мужей. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ эта *нѣжность,* проникающая женскіе образы „Слова", представляется отголоскомъ византійской, книжной, сантиментальности. Едва ли такое романтическое отношеніе къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русскаго общества XII-го вѣка.

Но одно изъ главныхъ доказательствъ книжности „Слова" слѣдуетъ видѣть въ его началѣ, въ обращеніи автора къ читателямъ, которыхъ онъ называетъ „братіе", въ воспоминаніи о пѣвцѣ древности Боянѣ и въ обозначеніи сюжета, имѣющаго составить содержаніе всего произведенія. Откуда, если не изъ византійскихъ произведеній и русскихъ подражаній этимъ произведеніямъ, могла явиться мысль начать „Слово" этимъ освященнымъ вѣками литературнымъ пріемомъ? Неужели авторъ случайно *повторилъ* классическій exordium, эту необходимую принадлежность всякого эпическаго произведенія, увѣковѣченную Гомеромъ, Виргиліемъ и школой эпическихъ поэтовъ?

Въ *exordium* входило обозначеніе воспѣваемаго героя и обращеніе къ музѣ, которую въ „Словѣ“ замѣняетъ автору пѣвецъ Боянъ. Уже кн. Вяземскій (стр. 7) указалъ на книжность этого начала и привелъ аналогію ему въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго [1]). Мы же, отыскивая аналогій между византійскимъ романомъ и „Словомъ“ должны были бы указать ближе, гдѣ могъ авторъ „Слова“, конечно незнакомый съ Гомеромъ и Виргиліемъ, найти образецъ для своего запѣва. Къ сожалѣнію, повѣсть о Девгеніи безъ всякаго exordium'а прямо вводитъ читателя in medias res: Бѣ нѣкая вдова царскаго роду и т. д.; а начальная пѣснь византійской поэмы, *безъ сомнѣнія* открывавшаяся обычнымъ началомъ, утрачена. Мы говоримъ *безъ сомнѣнія,* имѣя достаточное основаніе: авторъ предпосылаетъ краткое exordium всѣмъ книгамъ, и особенно подробное четвертой, съ которой собственно начинается біографія Дигениса, между тѣмъ какъ первыя три повѣствуютъ о его отцѣ

[1]) Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и пѣснотворци (замѣтимъ это книжное, отнюдь не народное имя, которымъ и авторъ „Слова“ называетъ Бояна) приклоняють своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпълченія да украсять словесы и возвеличать мужьствовавъшая крѣпко по своемъ цари и недавъшихъ въ брани плещю врагомъ и тѣхъ славяще похвалами вѣнчають; кольми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ великимъ воеводамъ Божіимъ крѣпко подвизавъшимся по Сынѣ Божіи, своемъ Цари и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

эмирѣ. Это, сохранившееся вполнѣ, начало четвертой пѣсни позволяетъ намъ судить о характерѣ начала первой. Что же содержитъ оно?

1) Обращеніе къ читателю, который называется ласковымъ эпитетомъ ὦ φίλτατε—о любезнѣйшій!

2) Обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ.

3) Воспоминаніе о другихъ герояхъ — Ахиллѣ, Гекторѣ, Александрѣ, Филопаппѣ, Киннамѣ, Іоанникіи, которые, впрочемъ, на взглядъ автора, уступаютъ воспѣваемому имъ герою [1]).

Не находимъ ли въ этомъ всѣ черты начала „Слова", за исключеніемъ Бояна?

Третью черту можно видѣть въ томъ, что и „Слово" упоминаетъ о другихъ богатыряхъ—старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ, красномъ Романѣ,—хотя и не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ авторъ поэмы называетъ другихъ героевъ.

Но спѣшимъ оговориться, чтобъ не подвергнуться обвиненію въ поспѣшности выводовъ. Намъ могутъ сказать, что эти аналогіи „Слова" и поэмы необходимо ведутъ къ одному изъ двухъ предположеній: либо авторъ „Слова" зналъ по гречески и читалъ поэму въ подлинникѣ, либо славянская передѣлка, бывшая у него подъ руками, во многомъ отличалась отъ извѣстной намъ повѣсти о

---

[1]) См. выше стран. 22.

Девгеніи и содержала то, чего послѣдняя не содержитъ. Такое возраженіе было бы умѣстно, еслибъ мы именно поэму о Дигенисѣ считали образцомъ, которому слѣдовалъ авторъ „Слова". Повторяемъ, что мы далеки отъ этой мысли. Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи, только то, что византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера повѣствовать, свое понятіе о изяществѣ, вкусъ къ тому направленію, которое мы не умѣемъ охарактеризовать инымъ названіемъ кромѣ „романтизма". Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранявшіеся въ запасѣ его памяти; но, переработанные душою поэта, эти мысли, образы и выраженія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ подъ пера. Если можно картины и образы поэта назвать подражаніями, то эти подражанія были не рабскія, а безсознательныя, явившіяся какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ. Начало „Слова" не было построено по тому или другому образцу; но, обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литератур-

ными пріемами немедленно пришло на помощь: вступленіе вылилось въ формы уже готовыя.

Замѣтимъ еще одно свойство „Слова", свидѣтельствующее *о книжности* его автора. Это его поучительность, явное желаніе автора, чтобы произведеніе его было назиданіемъ для современниковъ. Пораженіе Игоря даетъ ему полный просторъ представить бѣдственную картину Россіи, раздираемой междоусобіями князей; онъ упрекаетъ князей, возбуждаетъ ихъ къ единодушію, хвалитъ строителей земли, порицаетъ „кующихъ крамолу". Всюду чувствуется глубокое убѣжденіе автора въ томъ, что произведеніе литературы должно быть назидательно, убѣжденіе, сложившееся конечно подъ вліяніемъ литературы его времени и едва ли возможное въ безъискусственномъ народномъ рапсодѣ. Такой назидательности чужды наши народныя былины. Мораль во всѣхъ видахъ, въ проповѣдяхъ, въ житіяхъ, въ притчахъ, въ изреченіяхъ—составляетъ характерную черту нашей книжной словесности. Особенною популярностью пользуется мораль, заключающаяся въ притчахъ (Стефанитъ и Ихнилатъ) и въ апоѳегмахъ (Пчелы, Даніилъ Заточникъ, Менандръ Мудрый) и этими „моральными" произведеніями снабжала насъ въ изобиліи византійская литература. Въ томъ же сборникѣ, гдѣ было найдено „Слово" и повѣсть о Девгеніи, заключалась и старинная сказка „Синагрипъ, царь

Адоровъ, Иналивскія страны", иначе „Слово о Акирѣ премудромъ", извѣстная изъ Тысячи и одной ночи и содержащая рядъ поученій Акира пріемному сыну, выраженныхъ въ видѣ краткихъ изреченій, образчиковъ житейской мудрости; напримѣръ:

Чадо мое Анадаме, съ другомъ живи три годы, а говори съ нимъ устны, а не сердцемъ.

Льстива человѣка бѣгай, а съ нечестивыми на дорогу не ходи.

Лучше съ умнымъ великій камень поднять, нежели съ безумнымъ вино пить.

Аще умнаго человѣка послушаеши, и то аки сахару насладишися.

Лучше есть слѣпъ очима, нежели сердцемъ.

Лучше есть смерть нежели золъ животъ.

Чадо, птица царь орѣлъ и зло затворилъ (?).

Нелзѣ слѣпу храбру быти, ниже грѣшному по смерти спастися.

Пьянъ на конехъ не гоняй, и самъ тѣмъ храбръ не чинись: мнози бо, чадо, отъ того безъ Божія суда умираютъ, хмелемъ и т. д.

Назидательныя изреченія находились и въ лѣтописи, а въ одномъ мѣстѣ Ипатьевской, подобное изреченіе приписано Омиру: „О лесть зла есть, якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть. Кто въ ней ходитъ конецъ золъ пріимаетъ; о злѣе зла зло есть". Этимъ книжнымъ пристрастіемъ къ апоѳегмамъ слѣдуетъ объ-

яснять и изреченія, встрѣчающіяся въ „Словѣ“. Какъ въ Ипатьевской лѣтописи вышеприведенное изреченіе приписано Омиру, такъ и авторъ „Слова“ приводитъ изъ Бояна „припѣвку“, которая можетъ быть примѣнена къ Всеславу: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути! [1]). Бояну же приписано и другое изреченіе: „тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, изъ котораго авторъ дѣлаетъ примѣненіе къ своему герою: руской земли безъ Игоря.

Конечно мы не можемъ указать источникъ, изъ котораго авторъ „Слова“ почерпнулъ оба изреченія, но для насъ достаточно и того, что любовь къ апоѳегмамъ и притомъ освященнымъ какимъ нибудь авторитетомъ, составляетъ характерную черту литераторовъ, какъ византійскихъ, такъ и ихъ славянскихъ подражателей. Ограничимся лишь однимъ примѣромъ изъ византійскаго романа. Видя озабоченность Дигениса, послѣ его перваго свиданія съ Евдокіей, мать старается развѣдать причину и говоритъ: „что случилось съ тобою, дитя мое, что ты такъ огорченъ? Не ранилъ ли тебя звѣрь, не терзаетъ ли тебя страхъ или не околдовалъ ли тебя злой духъ, видя твое мужество? Какъ Гомеръ говоритъ въ своей книгѣ устами Ѳетиды

[1]) Извѣстно, что это изреченіе повторено въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ Даніила Заточника: суда де Божіи ни хитрууму, ни горазду не минути.

къ сыну ея Ахиллесу: проговори, не скрывай въ умѣ, дабы мы знали оба, ибо тотъ, кто скрываетъ печаль, мучится отъ нея. Или какъ кто-то изъ мудрецовъ сказалъ: умъ встревоженный есть червь гложущій кости. Есть и другая пословица, которая гласитъ: цвѣтетъ тѣло смертнаго изгоняющаго заботы“.

Глава четвертая.

Всѣ приведенныя выше аналогіи между „Словомъ" и книжными произведеніями, имѣли цѣлью выяснить точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на это произведеніе XII-го вѣка. Если въ читателѣ возникло сомнѣніе въ правильности взгляда, по которому авторъ „Слова" былъ неграмотнымъ пѣвцомъ дружинникомъ, наша цѣль уже достигнута отчасти. Но нельзя ли ближе подойти къ нашему автору? Если онъ былъ знакомъ съ духомъ и направленіемъ литературы своего времени, если онъ усвоилъ себѣ пріемы византійской повѣсти, то это вліяніе было не непосредственное, оно шло чрезъ юго-славянскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву. Поставщицей византійскихъ произведеній, уже передѣланныхъ, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ для насъ Болгарія, въ которой соприкосновеніе съ образованностью

Византіи вызвало бойкую литературную жизнь въ X-мъ вѣкѣ. Изъ *болгарскихъ книгъ* черпали наши предки свои свѣдѣнія о мірѣ и его чудесахъ, о подвигахъ и странствіяхъ героевъ древности, о мудрости житейской, о звѣряхъ и чудныхъ птицахъ, о древнѣйшей исторіи, словомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя могли удовлетворять пытливости ума и дѣйствовать на воображеніе. Г. Пыпинъ [1]) приводитъ любопытную выписку изъ бѣлорусскаго перевода Іоанна Дамаскина, находящуюся въ заключеніи статьи о ересехъ. Переводчикъ или переписчикъ счелъ не лишнимъ прибавить отъ себя небольшое разсужденіе, гдѣ говорится между прочимъ: „у насъ ани десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, бо нынешнего вѣку мнящіеся учители—грѣхъ нашихъ ради—болшеи *въ болгарскіе басни,* або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются".

Спрашивается, не отразилось ли и на „Словѣ" вліяніе болгарскихъ басенъ или, вѣрнѣе, не сохраняетъ ли оно какихъ нибудь слѣдовъ, указывающихъ на то, что образцами ему служили византійскія произведенія, воспринявшія *болгарскую* окраску.

---

[1]) Стр. 142.

Нечего и говорить, что подобные слѣды можно искать не въ исторической части „Слова", а только въ томъ, что можетъ быть вообще названо замышленіемъ Бояна, въ томъ, что самъ авторъ ставитъ себя образцомъ для подражанія, хотя и даетъ слово слѣдовать былинамъ своего времени. Къ этимъ замышленіямъ относится вся миѳологія Слова и нѣкоторые темные намеки на какого-то Трояна, на дѣву Обиду, на дива и нѣк. друг.

Разсмотримъ отдѣльныя мѣста.

Выше мы уже высказали сомнѣніе въ языческомъ міровоззрѣніи автора „Слова". Для насъ авторъ христіанинъ, не признающій языческихъ боговъ и упоминающій имена ихъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ поэты XVIII-го вѣка говорили объ Аполлонѣ, Діанѣ, Парнассѣ, Пегасѣ и т. п.

Дѣйствительно не трудно убѣдиться, что имена божествъ служатъ автору, какъ украшающіе эпитеты, и что съ ними не соединяется никакого миѳическаго представленія.

Дажь-богъ. 1) Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшется, растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомъ скратишась [1]). 2) Въстала обида въ

[1]) Извѣстно, что мѣсто это повторено въ харатейномъ спискѣ Апостола XIV в. Син. Библіотеки, въ приплскѣ переписчика: Сего же лѣта бысть бой на руськой земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княженье Новгородьское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше оусо-

силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи.

Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажь-бога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажь-божа внука и силы Дажь-божа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизнь князей* и *сила князей*. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣритъ въ его реальность. „Боговидный", „рожденный отъ бога" и тому подобныя прилагательныя употреблялись древними поэтами, какъ эпитеты храбрыхъ витязей и только въ рѣдкихъ случаяхъ эти эпитеты находились въ связи съ какимъ нибудь народнымъ преданіемъ о происхожденіи героевъ отъ боговъ.

Изъ обоихъ мѣстъ „Слова" у насъ дѣлались весьма произвольные выводы. Говорили, что подъ внукомъ Дажь-бога слѣдуетъ разумѣть русскій народъ и что слѣдовательно на Руси было преданіе о происхожденіи Русскихъ отъ Дажь-бога [1]). Никакихъ иныхъ доказательствъ существованія подобной генеалогіи

бицами. Гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомь.

[1]) Этотъ выводъ принимаетъ безъ провѣрки и Крекъ, Einleitung in die Slav. Literaturgeschichte, I p. 103.

на Руси не нашли и она исключительно зиждется на этихъ мѣстахъ „Слова“.

Но такой легенды нельзя указать въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ индоевропейцевъ: никогда, насколько мы знаемъ, не было въ древности распространено мнѣніе о равенствѣ между людьми: всегда и всюду была аристократія и плебеи. Происхожденіе отъ божества всегда было привилегіей царей, князей, предводителей, властителей и вообще аристократіи, низшія же сословія, масса народа, никогда не изъявляли притязаніе на такихъ высокихъ предковъ. Отъ связей Зевса или Аполлона съ смертными женами вели свою генеалогію многіе знатные роды Греціи, но отнюдь не вся націи Эллиновъ.

Поэтому нельзя думать, чтобы когда нибудь русскіе Славяне создали преданіе о своемъ „солярномъ“ происхожденіи. Но помимо этого общаго возраженія, разбираемое толкованіе не согласно и съ текстомъ „Слова“. Достаточно прочесть нѣсколько предшествующихъ строкъ, чтобъ рѣшить, кого разумѣетъ авторъ подъ внукомъ Дажь-бога. „Уже бо братіе невеселая година въстала, уже пустыни *силу* (т. е. войско Игоря) прикрыла; въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука“, т. е. бѣда поразила (военныя) силы князя внука Дажь-бога. Въ другомъ мѣстѣ стоятъ рядомъ „жизнь Дажь-божа внука“ и „вѣци человѣкомъ“ и конечно здѣсь не тождесловіе. Здѣсь изображаются бѣдствія, причиняемыя

междоусобіями: тогда сѣялись и созрѣвали сѣмена раздора, погибало богатство (жизнь) князя въ княжихъ крамолахъ и сокращался вѣкъ простыхъ людей [1]).

Итакъ внукомъ Дажь-бога называется князь. Спрашивается, создалъ ли авторъ эту генеалогію, или взялъ ее изъ народныхъ преданій, или наконецъ изъ замышленія Бояна? Для насъ вѣроятнѣе послѣднее, ибо рядомъ съ внукомъ Дажь-бога упоминается земля Трояня, которая, какъ увидимъ ниже, несомнѣнно восходитъ къ замышленіямъ Бояновымъ. Неужели могъ авторъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, знавшій столькихъ князей и конечно ихъ генеалогію, серьёзно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ Святой, а солнечный богъ Дажь-богъ? Для насъ покрайней мѣрѣ это совершенно невѣроятно и въ такомъ эпитетѣ князя мы не видимъ миѳологіи, какъ не находимъ ея въ вышеприведенныхъ княжескихъ титулахъ *свѣтъ свѣтлый* и *солнце*. Никто не отрицаетъ того, что Дажь-богъ

---

[1]) „Жизнь" употребляетъ авторъ „Слова" въ значеніи „богатства, обилія, имущества" ср. жиръ и слова: Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизите стязи свои... уже бо выскочисте изъ дѣдней славы, вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю рускую на жизнь Всеславлю, т. е. на богатство, на удѣлы вашего покойнаго дѣда Всеслава. Понятіе жизнь (βίος) передается словомъ животъ: на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла.

было именемъ солнечнаго бога [1]); слѣдовательно внукъ Дажь-бога значитъ потомокъ солнца, *солнцеродный*. Этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ византійскому ἡλιογέννητος—*рожденный солнцемъ* и заключаетъ не больше миѳологіи, нежели послѣдній въ византійскомъ романѣ о Дигенисѣ („солнцеродною" называетъ напримѣръ Дигенисъ свою жену [2]) или эпитетъ *свѣтозарное солнце,* которымъ въ „Повѣсти" чествуютъ прекраснаго Девгенія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы для автора „Слова" Дажь-богъ или Хорсъ былъ солнечнымъ богомъ, отчего Ярославна, обращаясь къ солнцу, не называетъ его этими именами? Отчего она восклицаетъ „свѣтлое и тресвѣтлое солнце!" а не „свѣтлый Дажь-боже!" Конечно потому, что авторъ христіанинъ не считаетъ солнце богомъ и чувствуетъ предѣлъ, у котораго поэтическій языкъ долженъ остановиться. Христіанскія понятія не дозволяли ему назвать прямо солнце богомъ, хотя его христіанскому чувству не противорѣчило назвать князя *солнцероднымъ,* какъ не противорѣчилъ этотъ титулъ и понятіямъ христіаннѣйшихъ византійскихъ писателей.

---

1) Солньце его же наричють Дажь-богъ.... Солньце царь, сынъ Свароговъ еже есть Дажь-богъ, бѣ бо мужь силенъ. Ипат. лѣт.

2) VII, ст. 2019: ἡ δὲ ἡλιογέννητος ἄφνω ἰδοῦσα τούτους κτλ.

Здѣсь мы не можемъ удержаться отъ другаго предположенія.

Свидѣтельства книжной литературы о нашихъ русскихъ божествахъ въ высшей степени скудны. Мы знаемъ только, что на Руси хорошо извѣстны были имена Перуна и Волоса. Другія имена засвидѣтельствованы весьма плохо и въ томъ числѣ Дажь-богъ. Нѣтъ основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, но и нѣтъ прямыхъ указаній за то, что онъ былъ *популярнымъ русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя помимо „Слова" и Несторовой лѣтописи упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской во вставкѣ изъ греческой хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ греческаго ἥλιος. Составитель русской лѣтописи пользовался не греческимъ текстомъ византійскаго хронографа, а его славянскимъ, болгарскимъ, переводомъ, и Дажь-богъ по всей вѣроятности долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X-му вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ „Словѣ?"

„*Внукъ Дажь-божь*" могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба.

Въ свою очередь авторъ „Слова", найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей.

Здѣсь мы уже прямо видимъ безотчетное заимствованіе и надѣемся подтвердить это объясненіе другими данными.

Велесъ. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче. Здѣсь снова видимъ, что авторъ воспользовался именемъ языческаго божества, какъ украшающимъ эпитетомъ. Какъ герой его поэмы называется внукомъ Дажь-бога, такъ пѣвецъ Боянъ, идеалъ автора, называется внукомъ Велеса. Неужели и здѣсь авторъ взялъ названіе божества на прокатъ изъ какого нибудь болгарскаго произведенія, хотя божество это хорошо извѣстно на Руси?

Дѣйствительно, это предположеніе кажется намъ вѣроятнѣе, нежели другое, что авторъ повторилъ русское народное убѣжденіе въ происхожденіи Бояна отъ Велеса, скотія бога.

Обратимъ вниманіе на самую форму имени. Какъ относятся между собою формы Велесъ и Волосъ? Отвѣтъ находимъ немедленно, лишь только заглянемъ въ тексты, сохранившіе ту или другую форму. *Русская* форма, извѣстная русскому лѣтописцу не Велесъ, а Волосъ. Олегъ и дружина его клялись „Перуномъ богомъ своимъ и *Волосомъ* скотіимъ богомъ" (подъ годомъ 907); Русскіе при Святославѣ,

заключая миръ говорили: да имѣемъ клятву... въ Перуна и въ *Волоса,* скотія бога (971); монахъ Яковъ говоритъ, что по возвращеніи Владиміра изъ Корсуни въ Кіевъ, идолъ *Волоса* стащили въ рѣку Почайну.

Съ другой стороны *Велесъ* упоминается въ Хожденіи Богородицы по мукамъ, извѣстномъ по рукописи XII вѣка, произведеніи болгарскаго происхожденія, хотя рукопись и русскаго правописанія. *Хожденіе* имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе для насъ, что въ немъ, какъ извѣстно, найденъ былъ и богъ Троянъ, сближаемый съ темнымъ Трояномъ „Слова“: „нъ забыша бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работу створилъ, то они все богы прозваша солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, то сетьнѣе и человѣчь окамената утрія [1]) Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша“ [2]). Форма Veless и Velles встрѣчается еще въ Mater Verborum и въ Житіи Авраамія Ростовскаго. Не касаясь этимологіи имени Велеса, замѣтимъ, что фонетическое отличіе обѣихъ формъ сводится къ извѣстному пристрастью русскихъ славянъ къ *о* вмѣсто *е,* являющаго въ соотвѣтствующихъ словахъ въ другихъ славянскихъ на-

---

[1]) Мѣсто испорченное; вѣроятно было человѣчьска имена.

[2]) См. Тихонравова—Памятники отреченной русской литературы, II 23. Дринова—Заселеніе балканскаго полуострова славянами, 76. Archiv f. Slav. Philol. I 137.

рѣчіяхъ. Всего замѣтнѣе это явленіе въ началѣ словъ: олень=елень, Олена=Елена, озеро=езеро, Остапъ=Евстафій, Овдотья (Авдотья)=Евдокія, одинъ=единъ, одва=едва и т. д. [1]). Но къ той же категоріи явленій фонетики принадлежитъ и *о* вм. *е* въ срединѣ словъ: бобръ и бебръ, волотъ и велетъ, полынь и пелынь, Волосъ и Велесъ. Хотя во всей строгости и нельзя провести это явленіе въ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами памятники, въ которыхъ является та или другая форма, позволяютъ намъ отличить русскую съ *о* отъ церковно-славянской съ *е*. Указанное отличіе подтверждается и топографическими названіями. У южныхъ славянъ находимъ гору Велесъ въ Босніи, городъ Велесъ въ Болгаріи; у насъ встрѣчаемъ Волосовъ яръ въ винницкомъ повѣтѣ, село Волосово и станцію по Балтійской желѣзной дорогѣ, Волосову улицу въ Новгородѣ, Волосовъ-Никольскій монастырь (Влад. губ. и уѣзда), упоминаемый въ Актахъ XIV-го вѣка.

Если наше соображеніе вѣрно, является вопросъ, почему авторъ „Слова“, конечно хорошо знакомый съ русской формой Волосъ, которая употребляется

[1]) См. Miklosich — Vergl. Lautlehre, 1852, p. 376; Буслаевъ — Ист. Грам. § 26, 3 б. Колосовъ—Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русс. языка, стр. 15. Потебня—къ исторіи звуковъ русскаго языка. Филолог. Зап. 1876. I, стр. 17.

въ лѣтописи и была въ живой памяти народа [1]), употребилъ форму книжную, болгарскую? Вѣроятно потому, что нашелъ ее въ замышленіи Бояна, который самъ называется Велесовымъ внукомъ. Откуда Боянъ, оттуда и Велесъ, а гдѣ искать перваго увидимъ ниже. Но почему именно Волосъ выбранъ въ праотцы пѣвцу Бояну? Изслѣдовать значеніе Волоса въ нашей миѳологіи завело бы насъ слишкомъ въ сторону отъ нашей задачи. Замѣтимъ только, что мнѣніе Аѳанасьева о тождествѣ Волоса съ громовникомъ Перуномъ намъ кажется неосновательнымъ [2]) и что это божество по всей вѣроятности соотвѣтствовало богу *пастырю,* солнечному Аполлону (νόμιος), извѣстному музыканту, предводителю хора музъ [3]). Въ Греціи всѣ поэты считали себя подъ покровительствомъ бога музыканта и многіе пѣвцы древности возводили свой родъ къ

---

[1]) Вспомнимъ обычай въ южной Россіи завивать В о л о с у бороду во время жатвы, обычай, соблюдаемый еще доселѣ и конечно тѣмъ болѣе соблюдавшійся въ XII вѣкѣ.

[2]) Поэт. Воззрѣнія I 694 слѣд.

[3]) Мы раздѣлнемъ мнѣніе, высказанное пр. Срезневскимъ еще въ 1846 г. о солнечной природѣ Велеса. Велесова страна гдѣ-то за моремъ, куда погружается солнце. У Чеховъ говорится: zaletĕt nĕkam za moře k Welesu т. е. пропасть невѣдомо куда. Вацерадъ сравниваетъ Велеса со скотьимъ богомъ Паномъ: Veles, veless pan, ymago hircina 237. Velles, pan primus calamos cera conjungere plures instituit, pan curat oves oviumque magistros 238. (См. Ж. М. Н. Пр. часть LI отд. II стр. 52)

нему (Орфей, Линъ). Въ состязаніи Гомера и Гесіода потомкомъ Аполлона называется первый поэтъ.

Думаемъ, что въ томъ-же смыслѣ, какъ въ наше время поэтъ назывался внукомъ Аполлона, называется и Боянъ внукомъ Велеса. Приравненіе Аполлона Велесу, славянскому богу, возможно было у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношеніямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческой миѳологіей. Такими Славянами были безъ сомнѣнія Болгаре и если болгарскій переводчикъ Малалы могъ сопоставить греческаго Геліоса съ Даждьбогомъ, то вѣроятно нашелся и другой, который не затруднился классическій титулъ поэта—внукъ Аполлона — передѣлать согласно съ славянской миѳологіей во внука Велеса. Этотъ ославяненный титулъ въ его болгарской формѣ авторъ „Слова" перенесъ и въ свое произведеніе, почерпнувъ его въ томъ же, намъ неизвѣстномъ, источникѣ, гдѣ онъ нашелъ Даждьбожа внука, Бояна, Трояна, дива, дѣву обиду и друг.

Хорсъ. „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови вл́ъкомъ путь прерыскаше".

Личности князя Всеслава придаетъ авторъ Слова замѣтный миѳическій колоритъ. Слухъ у него таковъ, что изъ Кіева онъ слышитъ звонъ заутрени

въ Полоцкѣ, а быстрота ѣзды такова, что онъ обгоняетъ солнце и, выбѣжавъ ночью изъ Кіева, раньше солнечнаго восхода прибѣгаетъ въ Тмутаракань. Очевидно, всѣ эти черты относятся къ области поэтической гиперболы, которою авторъ пересыпаетъ историческіе факты изъ жизни Всеслава. Очевидно, что передъ авторомъ носится не воспоминаніе о дѣйствительномъ историческомъ лицѣ, а о какомъ то вѣщемъ богатырѣ, въ родѣ Вольги Святославича.

Въ этой связи, среди поэтическихъ гиперед болъ, находимъ мы Хорса, миѳологическое имя солнца, и этого то бога богатырь обгоняетъ въ бѣгѣ. Очевидно, что богъ, обгоняемый смертнымъ, уже пересталъ быть богомъ (хотя и названъ „Великимъ") и упоминается ради поэтическихъ цѣлей. Чтобъ герой могъ состязаться со свѣтиломъ, нужно чтобъ это свѣтило было олицетворено и поэтъ естественно, по общему свойству своихъ собратій, прибѣгнулъ къ миѳологіи и предпочелъ имя *хорсъ* имени *солнце*. Труднѣе другой вопросъ, выбралъ ли авторъ этого бога самостоятельно, или нашелъ его тамъ же, гдѣ Велеса и Даждьбога. Хорсъ, повидимому, былъ такъ же извѣстенъ у насъ, какъ и Болгарамъ [1]),

[1]) Ср. хожденіе Богородицы (выше) и Слово и Откровеніе святыхъ Апостолъ. — Древности. I Археол. Словарь стр. 13. Лѣтоп. Русс. Лит. V, Отд. II, 5. Ж. М. Н. Пр. 1846 VII 49—51. II 31—37. Аѳанасьевъ—Поэт. Воззр. III 538. Чтен. Общ. Ист. и Др. I кн. 2.

хотя, быть можетъ, и не былъ исконнымъ славянскимъ именемъ солнечнаго бога, а заимствованъ Славянами съ востока (ср. зенд. hvare khšaeta, пехлевійск. kharšêt, парсійск. qarsêṭ, новоперсид. khvaršêd). Все же въ виду болгарской формы *Хрьсъ* въ „Словѣ“ (а не русской Хърсъ или Хорсъ) и окружающихъ словъ, отзывающихся болгарщиной, мы болѣе склонны думать, что этотъ богъ также занесенъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому выговору.

Для самаго факта, — что богатырь перегоняетъ солнце,—считаемъ не лишнимъ привесть одну болгарскую *колядскую* пѣсню, сохранившую хотя и въ новыхъ формахъ весьма древнее, быть можетъ, преданіе. Беремъ ее изъ изданія Безсонова II, 5 слѣд.

Похвалился добрый юнакъ,—
Ей Коледо мой, Коледо [1]!—
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Передъ парнями и передъ дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонитъ онъ ясное солнце.
Услышала его *солнцева сестра,*
Солнцева сестра, красавица,
И говоритъ брату:

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха; Коледа—праздникъ Р. Хр.

6*

„Леле варе [1]), солнце-братецъ!
Похвалился добрый юнакъ,
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Спозаранку на кладенцѣ,
Передъ парнями и дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонитъ онъ ясное солнце“.
Солнце сестрѣ отвѣчаетъ:
Леле варе, милая сестра!
Иди къ нему и скажи,
Чтобы онъ шелъ ранымъ-рано,
Чтобъ онъ шелъ туда далеко,
Туда далеко, на востокъ,
Чтобъ мы оба перегонялись;
Если меня онъ перегонитъ,
Пусть возьметъ мою милу сестру,
Еслижъ я его перегоню,
То возьму у него добра коня.
Подоспѣла солнцева сестра
Ранымъ-рано на кладенецъ,
Нашла добраго юнака
И тихо ему говорила:
„Леле варе, добрый юнакъ!
Осѣдлай ты добраго коня,
И иди туда далеко,

---

[1]) Междометія, употребляемыя въ припѣвахъ и обращеніи съ родными.

Туда далеко, на востокъ,
Перегони ясное солнце,
Возьми у него милу сестру,
Милу сестру красавицу".
Послушалъ ее добрый юнакъ,
Вскочилъ на добраго коня,
Отправился на востокъ
И оба они погнались.
Пока солнце дошло до обѣда,
Добрый юнакъ ровно на полдень [1]).
Закликало ясное солнце:
Стой, подожди, добрый юнакъ,
Тутъ меня прямо у полудня,
Подъ стволистымъ орѣшникомъ.
Соскочилъ добрый юнакъ,
Воткнулъ копье, привязалъ коня,
Легъ и захрапѣлъ.
Миновало его ясно солнце,
Миновало прямо полдень
И достигаетъ уже *икиндію* [2])
А юнакъ крѣпко спитъ.
Конь его ржетъ [3]), ногою бьетъ:
Встань, встань, добрый юнакъ!
Потерялъ ты добраго коня.

---

[1]) Время обѣда обыкновенно раньше полудня у Болгаръ.

[2]) Турец. икиндит — третья молитва между полднемъ и закатомъ солнца.

[3]) Цвили.

Юнакъ встаетъ путы сбираетъ,
Путы сбираетъ, слезы роняетъ.
Добрый конь говоритъ:
Молчи, молчи, добрый юнакъ!
Сунь руку въ пазуху
И вынь тонкіе платки,
Перевяжи черныя очи,
Черныя очи, удалое сердце,
Чтобы лѣсъ ихъ не задѣлъ.
Пока солнце на заходѣ,
Добрый юнакъ солнцу въ ворота.
Встрѣтила его солнцева сестра,
Солнцева сестра, красавица,
Прихватила его добраго коня
И проводитъ его по двору [1]).

Пѣсня содержитъ, повидимому, какую то миѳологическую подкладку. Отношенія между *солнцемъ* его сестрою и людьми-богатырями затрогиваются, во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ.

---

[1]) Пѣсня оканчивается обращеніемъ колядующихъ къ хозяевамъ:

На здравіе тебѣ, хозяюшка!
Отъ Бога тебѣ много здоровья!
Сколько здравецъ [1]) по планинѣ,
Столько здравья въ этомъ домѣ,
Въ этомъ домѣ, въ этой дружинѣ,
По дружинѣ, по людямъ.
Вамъ здравіе и на вашъ скотъ!
Ей Колядо мой, Колядо!

[1]) Игра словъ: здравецъ—растеніе амарантъ.

Какъ украшающій эпитетъ вѣтровъ употреблено въ „Словѣ“ выраженіе „Стрибожи внуци“. Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени и нѣтъ основанія думать, чтобы авторъ „Слова“ зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы. Замѣтимъ, что въ плачѣ Ярославны при обращеніи къ вѣтру поэтъ миновалъ этотъ эпитетъ, и, называя вѣтръ *господиномъ*, не счелъ возможнымъ назвать его богомъ. Причину мы предположили выше.

Странно, что авторъ, перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ — Даждьбога, Велеса, Хръса, Стрибога — нигдѣ не обронилъ ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, которымъ прежде клялись русскіе язычники, о громовникѣ Перунѣ. Нельзя же думать, чтобъ этотъ богъ былъ ему неизвѣстенъ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою миѳологію.

Дивъ. „Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ.—Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеся дивь на землю“. Кажется со времени Дубенскаго большинство комментаторовъ колеблется въ выборѣ для слова *дивъ* между двумя значеніями—ночной птицы, удода и какого то миѳическаго существа. Хотя первое значеніе и могло бы подойти къ первому

мѣсту—дивъ кличетъ връху древа,—но едва ли оно подходитъ ко второму. Когда авторъ упоминаетъ неблагопріятныя знаменія природы, онъ рисуетъ обыкновенно *рядъ* картинъ, потому что для него важно, чтобы всѣ предметы природы — деревья, вѣтръ, звѣри, птицы—выражали одно и тоже предчувствіе бѣды. „Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць по добію, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты". Но въ нашемъ мѣстѣ—връжея дивъ на землю—такихъ картинъ изъ царства звѣрей нѣтъ, и упоминовеніе *о птицѣ, почему то бросившейся на землю*, было бы неумѣстно. Итакъ *дивъ* не зловѣщая ночная птица, а какое то миѳическое существо. Каковы же его свойства? Оно живетъ въ лѣсу, на вершинахъ деревьевъ и летаетъ надъ землею, какъ злой духъ. Это существо пагубное, злое и, спускаясь на землю, среди людей, причиняетъ бѣду. Послѣднее ясно изъ обстановки, при которой *дивъ* бросился на землю: тогда позоръ смѣнилъ славу и бѣдствіе вырвалось на волю. *Дивъ* и по имени и по миѳической роли живо напоминаетъ персидскихъ *дивовъ*, злыхъ духовъ Шахнаме, и восходитъ къ дэвамъ (daêva), упоминаемымъ уже въ Зендавестѣ. По корню, какъ извѣстно, слово дивъ тождественно съ индоевропейскими названіями бога—deus, литов. dëwas, санскрит. deva и означало

первоначально существо свѣтлое (корень *div*—свѣтить), а не демоническое. Переходъ отъ значенія свѣтлаго бога къ демону произошелъ на почвѣ Эрана, вслѣдствіе религіозной реформы, низведшей нѣкоторыхъ древнихъ народныхъ боговъ на степень злыхъ духовъ—процессъ часто повторявшійся въ исторіи религій. Замѣчательно, что у Славянъ, такъ же какъ у Эранцевъ, *дивъ* имѣлъ значеніе демона, между тѣмъ какъ у Литвы, столь близкой къ Славянамъ націи, dëwas, слово вполнѣ соотвѣтствующее диву, означаетъ бога.

Туже противоположность находимъ въ другомъ важномъ имени—богъ. Большинство индоевропейскихъ народовъ имѣютъ названіе, происходящее отъ первоначальнаго корня div. Эранцы и Славяне взяли для этого понятія другой корень, первоначальное bhag — чтить: др. персид. baga Auramazdā—богъ Ормуздъ въ клинообразныхъ надписяхъ Ахеменидовъ, слав. богъ. Литовцы снова расходятся съ самымъ близкимъ имъ народомъ: богъ у нихъ dëwas и славянское названіе совершенно неизвѣстно. Этотъ важный фактъ языка указываетъ повидимому на какое то древнее религіозное вліяніе эранскихъ вѣрованій на Славянъ (ср. Хорсъ и перс. Хуршидъ), вліяніе вполнѣ понятное по географической близости обоихъ племенъ и замѣтное въ нѣкоторыхъ фактахъ языка и миѳологіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ

трудномъ и почти не початомъ вопросѣ [1]) и мы затронули его лишь съ цѣлью объяснить, какимъ образомъ *дивъ*, древнее названіе бога, стало у Славянъ именемъ категоріи злыхъ духовъ. Отыскивая родственниковъ дива, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ славянскихъ преданіяхъ, немедленно приходимъ къ южнымъ Славянамъ. Поэзія Сербовъ и Болгаръ можно сказать наполнена дивами и самодивами. Сербскіе богатыри бьются съ *дивами,* которые живутъ на дивской горѣ, въ пещерахъ и повинуются дивскому старѣйшинѣ [2]). Богатырямъ помогаютъ иногда свѣтлыя *вилы.* Болгарская загадка объясняетъ бурный вихрь гонкою и борьбою дивовъ: дивъ дива гони, дивъ дива съ зѫби гризе, дивъ диву гозба готви (кушанье готовитъ), дивъ съ дива гозба ѣде [3]).

Самодивы, существа въ родѣ нашихъ русалокъ, собираются на игрище (самодивско играло), у нихъ своя жрица (самодивска попадя) и часто самодивы похищаютъ смертныхъ дѣвушекъ [4]). Онѣ населяютъ лѣсъ и нападаютъ на неосторожныхъ пастуховъ. Одна пѣсня разсказываетъ, как Стоянъ пастухъ былъ убитъ въ лѣсу.

---

1) Ср. нашу статью Arijský Mitra a Slovansky mír, въ Časop. Musea Kral. českeho. 1874. pp. 319—343.

2) Срп. Нар. Пjесме II № 8.

3) Аѳанасьевъ Поэт. Воззр. II 617.

4) Dozon—Българскн народни пѣсни. № 1, стр. 3 и 4.

Стоянъ матери не послушалъ,
Но погналъ свое стадо
По самодивской дубравѣ;
Онъ игралъ на свирѣли
И вызывалъ самодиву,
Чтобъ пришла она бороться,
Самодива показалась,
Какъ косматый ребенокъ,
Они ударились и схватились
И три дня боролись,
Стоянъ уже ее побораетъ,
Какъ самодива прокричала:
Стихіи сестры и вихри,
Днесь меня Стоянъ поборетъ.
Стихіи спустились,
И вихри закрутились,
Они подняли Стояна,
Положили на сукъ дерева,
Уносили съ верхушки на верхушку,
Кусали кусокъ за кускомъ
И стадо его разсѣяли [2]).

Какъ *дивъ* „Слова" живетъ въ лѣсу и сидитъ на верху дерева, такъ и здѣсь дивы унесли тѣло Стояна на верхушки.

Въ другой пѣснѣ [1]) самодивы пляшутъ подъ

---

[1]) Ibid. № 2, стр. 4 и 5.

[2]) Ibid. № 1.

игру Стояна, затѣмъ улетаютъ промежъ зеленыхъ сосенъ къ цвѣтистому лугу и купаются въ ручьѣ, снявъ самодивскую куртку [2]) и зеленый дѣвственный поясъ. Стоянъ овладѣваетъ этой одеждой и женится на одной самодивѣ, единственной дочери у матери. Три года жила съ нимъ она и родила ему ребенка. На крестинахъ по просьбѣ кума, св. Ивана, Стоянъ возвратилъ Марійкѣ ея самодивскую одежду, чтобъ она проплясала по самодивски. Тогда Марійка выскочила въ трубу, сѣла на крышу, засвистала какъ самодивы и говорила Стояну:

> Не говорила ли я тебѣ, Стоянъ,
> Что самодива домъ не устроитъ?
> Всплеснула она руками, всплеснула
> И высоко полетѣла,
> И далеко отлетѣла
> Въ проклятые зеленые лѣса,
> Въ самодивскія селища,
> На дѣвственный кладенецъ,
> Тамъ Марійка выкупалась,
> Къ ней вернулось дѣвство,
> И къ матери она возвратилась.

Отсылая за другими примѣрами къ пѣснямъ болгарскимъ въ сборникахъ Верковича, Дозона и Без-

---

[1]) Самодивско забунче.

сонова, замѣтимъ, что дивъ „Слова“ по всей вѣроятности вошелъ въ него изъ того же болгарскаго источника, какъ и вся прочая миѳологія.

По поводу *дива* нельзя не остановиться еще на одномъ мѣстѣ „Слова“, именно, на такъ называемой дѣвѣ Обидѣ.

„Уже бо, братіе, невеселая година въстала: уже пустыни силу прикрыла; въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи...

Обыкновенно полагаютъ что Обида есть какое-то миѳическое существо, имѣющее видъ дѣвы съ лебедиными крыльями, нѣчто въ родѣ Валкирій съ лебедиными сорочками. Одинъ кн. Вяземскій въ противоположность общепринятому мнѣнію видитъ въ Обидѣ прекрасную Елену, за которую Греки бились подъ Троей. Не останавливаясь на этомъ своеобразномъ толкованіи, спросимъ себя, въ какомъ значеніи употребляетъ авторъ „Слова“ выраженіе *обида?* Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно привесть то мѣсто, гдѣ про Ольгово храброе гнѣздо говорится, что оно не было порождено обидѣ. Послѣ пораженія Игоря время измѣнилось: гнѣздо, не рожденное для обиды, подверглось ей отъ Половцевъ, и эту мысль выражаетъ авторъ въ словахъ: обида въстала въ силахъ Дажьбожа внука, т. е. князя Игоря. Здѣсь, на нашъ

взглядъ, вполнѣ законченный смыслъ. Дальше находимъ уже присутствіе какой-то миѳической личности, какую-то дѣву, вступающую на землю Трояню и плещущую крылами на морѣ. Для выясненія этой дѣвы слѣдуетъ вспомнить два обстоятельства.

Во-первыхъ она является на землѣ Трояновой, которую мы найдемъ ниже у южныхъ славянъ.

Во-вторыхъ эта дѣва, повидимому, соотвѣтствуетъ уже знакомому намъ существу *диву,* упоминаемому въ томъ же „Словѣ“. Съ мѣстомъ о миѳической дѣвѣ сравнимъ дальнѣйшее о дивѣ. И тамъ сначала упоминаются абстрактныя понятія, соотвѣтствующія *обидѣ:*

Уже снесеся *хула* на *хвалу*
Уже тресну *нужда* на волю.

И затѣмъ является миѳологическая личность: уже връжеся *дивъ* на землю. Какъ въ этомъ мѣстѣ главнымъ признакомъ бѣдствія обозначается тотъ, что *дивъ бросился на землю,* такъ и въ разбираемомъ мѣстѣ находимъ признакъ бѣды: настала обида и вступила *дѣва на землю.* Допускаемъ, что *обида*, какъ понятіе грамматически женское, могло быть олицетворено поэтомъ въ видѣ женщины; но откуда поэтъ могъ почерпнуть другія детали: это дѣва, съ лебедиными крыльями и пребываетъ она на синемъ морѣ и плещется и вступаетъ на землю Троянову?

Эти черты не являются сами собою воображенію, если оно поэтически олицетворяетъ такое понятіе, какъ *обида*. Быть можетъ, намъ недостаетъ поэтическаго чувства, но на нашъ взглядъ для *обиды* естественнѣе образъ злой старухи вѣдьмы, нежели дѣвы съ лебедиными крыльями, почему-то плещущей на синемъ морѣ. Появленіе этого нѣсколько неожиданнаго образа, кажется, можно объяснить изъ того же источника, откуда мы вывели *дива*, тѣмъ болѣе что въ параллельномъ мѣстѣ именно *дивъ* соотвѣтствуетъ нашей *дивѣ*.

Въ болгарской народной поэзіи трудно найти различіе между разными злыми существами, которыя то называются дивами и самодивами, то вилами и самовилами, то юдами, то юдами-самовилами. Всѣ они женскаго рода, всѣ враждебны людямъ, хотя иногда подчиняются чувству любви къ земнымъ юнакамъ; всѣ стараются воспрепятствовать героямъ овладѣть земными красавицами, зорко стерегутъ послѣднихъ, бьются съ юнаками и живутъ преимущественно на моряхъ или вообще на водѣ. Мы уже приводили пѣсни, въ которыхъ упоминаются самодивы, летающія по деревьямъ. Теперь приведемъ *морскихъ* юдъ-самовилъ. Въ одной изъ пространныхъ пѣсенъ, изданныхъ Верковичемъ подъ заглавіемъ „Веда Словена“, находимъ пѣсню, (№ VII) воспѣваюшую женидьбу Талатинска краля на дочери Ситска краля. Сынъ, родившійся отъ

этого брака, краль Сада, хочетъ похитить дочь царя Ричча, прекрасную Дуриду. Онъ садится на чудеснаго коня, умѣющаго плавать какъ рыба, прибываетъ къ берегу моря и переплываетъ на ту сторону въ царство царя Ричны. Но вотъ являются на берегу двѣ юды-самовилы: лица ихъ сіяютъ какъ солнце, одежда на нихъ бѣлая, съ пестрымъ и покрытая золотомъ, брови чорны, какъ морскія піявицы, а косы ниспадаютъ до земли. Сначала Сада принимаетъ ихъ за дочерей царя Ричны, вышедшихъ за водою, и проситъ у нихъ напиться. Но онѣ сами обличаютъ себя, говоря:

Какой врагъ тебя принесъ,
Что ты пришелъ на наше пустынное море?
Мы не двѣ царскія дочери,
И не беремъ студеной воды,
Чтобы принесть ее царю Ричнѣ,
Мы двѣ Юды Самовилы,
Стережемъ пустынное море,
Чтобъ человѣкъ не перешелъ его,
Ни человѣкъ, ни птица,
Чтобъ никто не ходилъ въ землю Ричны,
Не полюбилъ трехъ царскихъ дочерей.
Кто же приходитъ на берегъ моря,
Тотъ назадъ не возвращается:
Мы бросаемъ его въ темную темницу.

и т. д.

Такъ поступаютъ морскія дѣвы и съ Садой, но онъ избавляется затѣмъ и достигаетъ своего желанія.

Въ другой пространной пѣснѣ (№ XV Женитьба Орфеія на дочери арабскаго царя), музыкантъ Орфеинъ подходитъ къ черному морю, чтобъ перейти на ту сторону, къ своей невѣстѣ, дочери Фейска краля. Изъ чернаго моря выходятъ девять *юдъ* и препятствуютъ ему переходъ. Орфеинъ поетъ жалобную пѣснь, въ которой проситъ вышняго бога послать ему ангела на помощь. Является старикъ съ бородою до земли, садится на берегъ, бросаетъ косой взглядъ на девять юдъ и онѣ скрываются на днѣ моря. Орфеинъ благополучно переходитъ на тотъ берегъ и добываетъ невѣсту. Въ той же пѣснѣ другія три юды, юды живущія на какомъ-то полѣ, являются покровительницами героя и даютъ ему совѣтъ какъ похитить дочь Фейска краля. Въ другихъ пѣсняхъ упоминается черный годъ (църна година), когда юды носятъ черные платки на головахъ и свѣтлый, бѣлый годъ, когда онѣ одѣты въ бѣлое и купаются въ озерѣ [1]).

Эти миѳическія существа болгарскихъ пѣсенъ, эти, дѣвы плещущіяся на морѣ и летающія по воздуху, живо напоминаютъ нашу миѳическую дѣву, плещущую на морѣ и вступающую на землю

1) Ibid. p. 317.

Трояню. Какъ болгарскія морскія юды, эта дѣва злая: ея появленіе знаменіе обиды, постигшей силы Дажь-божа внука и плескъ ея крыльевъ на морѣ вѣроятно выражаетъ радость несчастію людей. Образъ такой дѣвы-юды могъ авторъ „Слова“ найти тамъ же, гдѣ нашелъ землю Трояню, на которую эта дѣва вступаетъ, тамъ гдѣ нашелъ дивовъ, Дунай, Бояна и многое другое. Если онъ въ поясненіе земли Трояновой прибавилъ отъ себя *у Дону,* то поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ другихъ подобныхъ и мы конечно не станемъ искать этой сказочной земли около устья Дона въ Азовское море. Быть можетъ, и *дѣва* была передѣлана авторомъ изъ *дивы,* или же собственное имя этой миѳической дѣвы опущено, а признаки ея оставлены какъ пригодные, по взгляду автора, къ пластическому изображенію обиды. Это предположеніе можетъ объяснить появленіе въ „Словѣ“ дѣвы съ характерными признаками болгарскихъ морскихъ юдъ, и представляется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что рядомъ съ дѣвою являются и другіе образы изъ болгарскаго источника—Дажьбожій внукъ и земля Трояня.

Глава пятая.

Троянъ. Это слово встрѣчается въ 4-хъ мѣстахъ:

1. О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы.

2. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Олга Святьславличя.

3. Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

4. На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу: тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго.

О Троянѣ высказываемы были нашими учеными разныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ римскаго императора Траяна, другіе считаютъ его древнимъ богомъ у Славянъ, третьи узнаютъ въ этомъ имени тѣхъ Троянъ, противъ которыхъ Греки сражались

подъ Троей. Наконецъ пр. Тихонравовъ замѣняетъ Трояна Бояномъ въ трехъ мѣстахъ (1, 2, 4). Послѣдняя поправка уясняетъ весьма мало и мы вполнѣ согласны съ доводами гг. Буслаева и Дринова противъ нея. Всего вѣроятнѣе соображенія г-на Дринова, который старается согласить божество Троянъ, упоминаемое въ „Хожденіи Богородицы“ и въ „Откровеніи святыхъ Апостолъ“ съ императоромъ Траяномъ. Занятіе Дакіи императоромъ Траяномъ, сооруженіе знаменитаго Траянова вала, и моста на Дунаѣ должно было отразиться, по взгяду Дринова, на народномъ сознаніи придунайскихъ Славянъ. Столкновеніе Римлянъ со Славянами, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ и имя Траяна облеклось какимъ-то миѳическимъ ореоломъ въ народныхъ сказаніяхъ, причемъ какъ это часто бываетъ, къ исторической личности и имени пріурочились миѳологическія черты, которыя прежде облекали другія личности. Въ болгарской пѣснѣ является царь Троянъ, обладающій огромными богатствами, золотомъ и серебромъ: въ 70 водоемахъ течетъ у него золото и серебро, но не было въ его городѣ воды, потому что змѣй залегалъ источники. Св. Георгій, являясь на конѣ, спасаетъ отъ этого змѣя дочь краля Трояна и повелѣваетъ ему расплавить серебрянаго бога, которому христіане должны были кланяться въ его городѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта замѣчательная пѣснь говоритъ объ императорѣ Троянѣ, такъ какъ называетъ его *кралемъ* и *латиномъ* [1]). Значеніе ея, въ связи съ сербской сказкой о царѣ Троянѣ съ козьими ушами, для Слова о Полку Игоревѣ прекрасно выяснено Ѳ. И. Буслаевымъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться и съ г-мъ Дриновымъ, что въ миѳическомъ образѣ сербско-болгарскаго Трояна сказывается историческая личность, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ [3]). Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное славянское населеніе Дакіи и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооруженіями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ, Славяне должны были одно время воздавать почести статуямъ Трояна; можетъ быть, Римляне увѣрили ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культъ истукана намекаетъ болгарская пѣсня, въ которой Св. Георгій является разрушителемъ идолослуженія. Какъ бы то ни было,

---

1) Български народни пѣсни, брат. Миладиновцевъ, № 38.

2) Истор. очерки, I 385.

3) Заселеленіе etc p. 77.

едва ли Троянъ, упоминаемый въ обоихъ *болгарскихъ* памятникахъ въ числѣ языческихъ боговъ — Перуна, Хорса, Дыя, Велеса—кто нибудь другой, а не обоготворенный императоръ, тѣмъ болѣе, что „Откровеніе“ само поясняетъ: Троянъ бяше царь въ Римѣ.

Одно изъ удачнѣйшихъ сближеній, проливающихъ свѣтъ на Трояна въ Словѣ о Полку Игоревѣ было сдѣлано Ѳ. И. Буслаевымъ [1]). Уважаемый профессоръ привелъ изъ словаря Вука Караджича сербскую сказку, или вѣрнѣе легенду, пріуроченную къ развалинамъ города Трояна, выше Двориштa на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Въ этомъ городѣ, говоритъ преданіе, правилъ краль Троянъ, который каждую ночь ѣздилъ въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ѣздилъ же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У любовницы Троянъ краль оставался до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдятъ кормъ и пока не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ или братъ его любовницы вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ конямъ трояновымъ песку вмѣсто овса. Не слыша пѣнія пѣтуховъ, Троянъ замѣшкался долѣе обыкновеннаго и на возвратномъ пути былъ застигнутъ солнечнымъ восходомъ. Опасаясь быть растопленнымъ, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна; но по-

---

[1]) Очерки, I 387.

дошли коровы [1]), растрепали стогъ и солнце растопило Трояна.

Трояна сербской сказки, какъ и болгарскихъ пѣсенъ, проф. Буслаевъ совершенно справедливо приводитъ въ соотношеніе съ загадочными мѣстами „Слова". Но изъ той же сказки можно сдѣлать еще нѣкоторыя заключенія. Намъ кажется, что личность юго-славянскаго Трояна послужила автору „Слова" прототипомъ для тѣхъ миѳическихъ деталей, которыми онъ облекаетъ Всеслава, или иначе, что на мѣсто Трояна былъ поставленъ полоцкій князь. Что разсказывается о Всеславѣ? Это былъ князь, который днемъ „людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ *ночь* влъкомъ рыскаше". Тоже дѣлалъ и сербскій Троянъ; днемъ царилъ, ночью рыскалъ. Замѣтимъ кстати, что въ выраженіи „влъкомъ рыскаше", мы не можемъ видѣть намека на волкодлачью натуру Всеслава. *Волкъ* употребляется въ „Словѣ" просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга: Всеславъ не перекидывался волкомъ, какъ не перекидывались волкомъ Гзакъ [2]), Игорь [3]), Влуръ [4]) и Куряне [5]). Онъ

---

[1]) Солнечные лучи, какъ извѣстно, уподобляются въ Ведахъ коровамъ.

[2]) Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ.

[3]) Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ.

[4]) Тогда Влуръ влъкомъ потече.

[5]) Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ (Куряни). Сравненіе дружины съ волками обычно и болгарскимъ пѣснямъ:

такой же оборотень, какъ всѣ эти личности. Другая черта, сближающая Трояна съ Всеславомъ та, что и тотъ, и другой имѣютъ свою любу: Троянъ мчится къ ней ночью въ Срѣмъ, Всеславъ връже жребій о дѣвицю себѣ любу и сжавъ коня *шенкелями* „скочи къ граду". Троянъ избѣгаетъ солнца (Хорса) и спѣшитъ домой въ городъ Троянь съ пѣніемъ пѣтуховъ: Всеславъ дорыскиваетъ *до куръ* до Тмутараканя и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу.

Соображая эти аналогіи, невольно приходимъ къ предположенію, не было ли въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго авторъ „Слова" черпалъ нѣкоторыя „старыя словеса" преданія о Троянѣ, похожаго на то, которое донесла до насъ мѣстная сербская легенда. Авторъ воспользовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава и слѣды подобной спайки, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ „Слова", гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій и дѣвицю себѣ любу". Какое отношеніе можетъ имѣть Троянъ, если это исто-

---

Колё заигралъ на волынкѣ
И собралися юнаки,
Юнаки, какъ волки,
До триста и тридцати,
Триста новой дружины.

См. Dozon — Български народни пѣсни № 28.

рическое лицо, къ русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно положительно сказать, что авторъ „Слова“ зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, не понявъ его и, быть можетъ, даже исказивъ. Эпическое число *семь* показываетъ, что мы не придемъ ни къ какому результату, дѣлая математическія выкладки, отъ какого времени слѣдуетъ считать этотъ седьмой вѣкъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ, какъ и въ другихъ славянскихъ, не трудно указать много примѣровъ употребленія *семи* какъ эпическаго числа: у Болгаръ упоминаются часто въ пѣсняхъ какіе-то семь кралей (седумъ кралéи) [1], семь башенъ (седумъ кули) [2], семь снохъ (седумъ снахи) [3] и т. д. Иногда вмѣсто семи кралей является семьдесятъ или семьдесятъ семь [4]. Поэтому, отказываясь отъ надежды найти смыслъ въ седьмомъ вѣкѣ трояно-

---

[1]) Миладиновцы № 142.

[2]) Ibid. № 156.

[3]) Ibid. № 232.

[4]) См. Верковича Веда Словена passim. О семи, какъ объ эпическомъ числѣ срав. Mannhardt Götterwelt, I 56, 127, 138, 143, 204, 213. Hahn—Griech. Märchen I 29. Аѳанасьевъ—Н. Р. Ск. VIII 5. Grohmann—Sagenbuch p. 23, 28. Kelly—Indoeur. Trad. and Folklore p. 25. Lenormant—Premières Civil. II 84 и мн. др.

вомъ, обращаемся къ другимъ мѣстамъ, гдѣ упоминается та же личность. Выраженіе, въ которомъ авторъ характеризуетъ полетъ рѣчи Бояновой — рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы—понимаютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, что здѣсь топографическое указаніе на via Trajana въ древней Dacia Trajana. Уже г. Дриновъ справедливо замѣтилъ, что толкователи „Слова" вообще дѣлали ошибку, принимая реченіе „тропа" въ современномъ русскомъ его значеніи, именно, въ значеніи „*дороги, пути*" [1]). Г. Дриновъ даетъ этому слову значеніе рва и видитъ въ этомъ мѣстѣ „Слова" указаніе на ровъ „вырытый вдоль знаменитаго Троянова вала и вмѣстѣ съ нимъ тянувшійся на протяженіи ста и болѣе верстъ". Но, соглашаясь съ проф. Дриновымъ въ первой части его замѣчанія, въ томъ, что *тропа* не есть дорога [2]), мы все же далеко не увѣрены, что *тропа* Трояня былъ *ровъ* у Троянова вала. Г. Дриновъ указываетъ на родственныя слова въ слав. нарѣчіяхъ: польск. trop, чешск. trop, словин. trop, troplja и trap, traplja= *слѣдъ*, далматинск. trap—solum alte fossum, т. е. дно глубоко вырытое (что̀ г. Дриновъ невѣрно передаетъ словомъ *ровъ*), серб. трап—fovea adser-

---

[1]) Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. 1873. стр. 70 и слѣд.

[2]) Въ „Словѣ" тропа употреблена сознательно въ отличіе отъ дороги (неготовами дорогами) и пути (упоминается 5 разъ).

vandis rapis, т. е. яма для сохраненія рѣпы, болгар. трапъ—яма, *ровъ вообще,* въ особенности ровъ, вырытый съ военною цѣлью (tranchée).

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти слова восходятъ къ одному корню, но этого недостаточно для рѣшенія вопроса о точномъ значеніи „тропы", и послѣднему слову конечно нельзя придать значеніе *рва* на томъ основаніи, что болгар. или серб. *трап* значитъ яма (или ровъ). Наше *тропа* стоитъ гораздо ближе къ польск. trop, чешск. trop, словин. troplja, словамъ, означающимъ *слѣдъ,* нежели къ болгарско-сербскому *трап*—яма. Въ малорусскомъ *тропа* значитъ именно стезя, слѣдъ и *въ тропу пойти* значитъ идти *по слѣду* [1]). Такъ понимаемъ и мы *рища въ тропу Трояню.* Не видя здѣсь никакого географическаго указанія, какъ нѣтъ его и въ предыдущихъ образахъ—*скача, славію, по мыслену древу и летая умомъ подъ облакы,* мы находимъ здѣсь лишь поэтическое продолженіе той же мысли: рыская по слѣду Троянову чрезъ поля на горы. Боянъ, рыскавшій сѣрымъ волкомъ по землѣ, рыскалъ на подобіе Трояна, о которомъ ходитъ еще доселѣ мѣстное преданіе, что онъ рыскалъ по ночамъ изъ города своего въ Срѣмъ. Съ тою же быстротою, какъ Троянъ или Всеславъ, дорыскивавшій изъ Кіева до Тмутаракани раньше пѣтуховъ, рыщетъ и воображеніе

---

[1]) Тоже что выражаетъ польскій глаголъ tropić—слѣдить.

пѣснотворца Бояна, чрезъ поля на горы. Поэтому авторъ легко могъ сказать, что Боянъ рыщетъ по слѣдамъ Трояновымъ [1]).

Гдѣ находилась *земля* Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѳическаго лица, конечно не зналъ и авторъ „Слова". Здѣсь снова нѣтъ ни топографическаго, ни хронологическаго указанія. Земля Троянова, гдѣ владычествовалъ этотъ миѳическій царь, вѣкъ его совпадаетъ съ временемъ нашего сказочнаго царя *Гороха*.

Продолжаемъ разборъ мѣста о тропѣ Трояновой: „Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви *того* внуку". Первые издатели „для большей ясности рѣчи", поставили послѣ *того* въ скобкахъ Олега. На ошибочность этой вставки уже было указываемо многими издателями и на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ. Герой поэмы Игорь называется внукомъ Трояна. Какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть. Какъ же намъ осмыслить этотъ эпитетъ? Вспомнимъ, что Боянъ называется внукомъ Велеса и что князь (въ одномъ мѣстѣ именно Игорь) называется внукомъ Дажьбога. Въ параллель съ этимъ въ разбираемомъ

---

[1]) Наше толкованіе, повидимому, подкрѣпляется винит. пад: съ предлогомъ въ: рища въ тропу, т. е. устремляясь в о с л ѣ д ъ. При обозначеніи мѣстности мы ожидали бы предлога п о: по тропѣ (дорогѣ, пути).

мѣстѣ тоже князь названъ внукомъ Трояна. Въ прежнихъ мѣстахъ мы усомнились, чтобъ эти эпитеты возникли на русской почвѣ, и старались объяснить ихъ заимствованіемъ изъ болгарскаго источника. Тоже объясненіе можно приложить и ко внуку Трояна.

Преданія о какомъ-то *царѣ* Троянѣ, жившемъ въ глубокой древности, какъ мы видѣли, пріурочиваются къ южнымъ славянамъ. Потомкомъ этого прародителя царя могъ быть названъ скорѣе какой нибудь болгарскій князь, чѣмъ русскій Игорь, внукъ Олега. Но, заимствуя „старыя словеса" изъ болгарскаго источника, почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ: О Бояне, соловію стараго времени—до словъ: не буря соколы занесе и т. д. словомъ, выписавъ изъ болгарскаго памятника все это лирическое отступленіе, авторъ „Слова" подставилъ *Игоря* на мѣсто какого-то другаго лица и такимъ образомъ русскій князь оказался внукомъ болгарскаго миѳическаго царя Трояна.

Здѣсь тоже безотчетное сопоставленіе болгарскаго имени съ русскимъ, какъ сопоставленіе того же Трояна съ Всеславомъ или Дуная съ Каялой [1]). Дѣйствительно, въ употребленіи Дуная

[1]) На фантастическомъ мнѣніи о Троянѣ г-на Забѣлина, который видитъ въ немъ миѳическаго представителя трехъбратняго рода, не считаемъ нужнымъ останавливаться. См. Исторія русской жизни. I, стр. 520 слѣд.

находимъ такое же безотчетное перенесеніе чужаго въ свое.

Разсмотримъ мѣста, гдѣ упоминается эта рѣка.

1. Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ *горы угорскыи* своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная.

2. Копіа поютъ на Дунаи; Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

3. Дѣвици поютъ на Дунаи: вьются голоси чрезъ море до Кіева.

Въ первомъ мѣстѣ Дунай очевидно та рѣка, которая и нынѣ носитъ тоже имя. Онъ течетъ между горами карпатскими, угорскими, и галицкій князь можетъ на немъ загораживать путь венгерскому королю. Итакъ пѣвецъ Игоревъ знаетъ хорошо, гдѣ искать эту рѣку. Что же мы находимъ далѣе? Поэтъ говоритъ, что копія поютъ на Дунаѣ, что Ярославна хочетъ полетѣть на Дунай и омочить бебрянъ рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, чтобъ утереть раны Игорю, разбитому на этой рѣкѣ. Эта географія напоминаетъ географію Шекспира? Ярославнѣ нужно попасть на Каялу, а она летитъ,

по дорогѣ, къ Дунаю. Для объясненія этой странности ссылаются на наши былины:

Протекла Дунай рѣка
Ко городу ко Кіеву (Рыбн. II. 50).
Или: Отъ краснаго града отъ Волынца,
По привольной рѣкѣ по Дунаеви,
Иде удалъ добрый молодецъ,
Боярьскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
Со своей ли со дружиной боярьскоей,
Ко святому граду ко Кіеву.

Но изъ того, что наши простонародныя былины относятся безсознательно къ географіи, нельзя заключить что такъ же равнодушенъ былъ къ ней авторъ „Слова", который знаетъ хорошо, гдѣ течетъ Дунай, гдѣ горы угорскія, по какимъ городамъ сидятъ какіе князья, знаетъ Нѣмцевъ, Венедицевъ и Мораву, знаетъ что въ Крыму живутъ Готы и т. п. Для него Дунай не эпическая рѣка, и если онъ въ плачѣ Ярославны какъ бы забылъ географію, это происходитъ не отъ незнанія, а отъ безотчетнаго сохраненія географическаго названія, найденнаго въ болгарскомъ образцѣ.

Рѣка Дунай, какъ извѣстно, постоянно упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ: если гдѣ либо дѣло происходитъ на рѣкѣ, можно сказать навѣрно, что эта рѣка Дунай. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перелистать

извѣстные сборники болгарскихъ пѣсенъ. Эту югославянскую рѣку слѣдуетъ видѣть и въ плачѣ Ярославны, и появленіе ея объясняемъ мы себѣ слѣдующимъ образомъ. Весь поэтической плачъ воспроизведеніе какого-то иного, не русскаго, а болгарскаго плача, въ которомъ прототипъ Ярославны оплакивалъ милаго ладу, полегшаго на берегу Дуная въ кровавой битвѣ. „Копіа поютъ на Дунаи" такъ начиналась эта пѣснь, и голосъ ихъ слышитъ дѣвица. Очевидно нельзя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми издателями, отдѣлять слова—*Ярославнынъ гласъ слышитъ*—отъ предшествующихъ—*копіа поютъ на Дунаи*. Послѣдовательность пѣсни, нарушенная искаженіемъ *Ярославнынъ* вмѣсто *Ярославна*, требуетъ, чтобъ плачъ начинался со звука копій на Дунаѣ, которыхъ голосъ слышитъ Ярославна. Услыхавъ эту пѣснь копій на Дунаѣ, прототипъ Ярославны говоритъ: полечу зегзицей по Дунаеви и омочу *бебрянъ* рукавъ [1]). Она летитъ туда, откуда несется голосъ. Авторъ, сохранивъ начало болгарской пѣсни съ Дунаемъ, долженъ былъ немедленно поправиться, чтобъ „старыя словеса" согласить съ *былинами* своего времени и прибавилъ—*въ Каялъ рьцѣ*,—вслѣдствіе чего получилась географическая несообразность.

---

[1]) Замѣтимъ болгар. слово бебръ вм. русс. бобръ, ср. Велесъ и Волосъ. Въ Болгаріи есть село Беброво.

Такимъ же литературнымъ заимствованіемъ кажется намъ и третье мѣсто, гдѣ упоминается Дунай: „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ русской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи: вьются голоси чрезъ море до Кіева“. Какъ раньше коньи *пьли* на Дунаѣ, такъ здѣсь *поютъ* дѣвицы. Обѣ картины должны быть возведены къ одному источнику и этотъ источникъ едва ли русскій.

Мы согласны, что наше толкованіе плача Ярославны можетъ показаться фантастично. Но къ счастью народная поэзія Болгаръ, къ которой мы старались пріурочить образъ тоскующей княгини, сохранила доселѣ замѣчательную пѣсню, представляющую самый лучшій комментарій къ этому образу. Пѣсня изображаетъ и богатыря, изнемогающаго отъ ранъ, и рѣку Дунай, и дѣву, черпающую воду изъ Дуная, чтобъ исцѣлить раны витязя, и превращеніе въ кукушку, т. е. всѣ поэтическія черты Ярославнина плача. Эта пѣсня, помѣщенная въ сборникѣ Миладиновцевъ (№ 19), носитъ названіе *Яна кукавица.*

Что бѣлѣетъ, что лилѣетъ
На верху бѣлой Бѣлашицы?
Снѣга ли это глубокіе,
Или это бѣлые лебеди?
То не снѣга глубокіе,
То не бѣлые лебеди;

А то бѣлый шатеръ,
Подъ шатромъ младой Стоянъ,
Младой Стоянъ боленъ лежитъ,
Своей сестрѣ онъ говоритъ:
„Милая сестра, бѣлая Яна!
Пойди, Яна, принеси мнѣ
Съ бѣлаго Дуная студеной воды!"
Яна брату говорила:
„Ой ли, братъ, милый Стоянъ,
Вѣдь я пути не знаю,
Какъ идти на бѣлый Дунай,
Какъ пойти и дойти".
Стоянъ велитъ и говоритъ:
„Милая сестра, печальная Яна!
Посѣки себѣ малый пѣрстъ,
Чтобъ потекла черная кровь,
Когда пойдешь ты внизъ горой (лѣсомъ),
Окрась ты дерево и камень.
Какъ придешь на бѣлъ Дунай,
Ты налей студеной воды,
И снова назадъ возвращайся".
Яна брата послушала,
Порѣзала малый палецъ,
Отправилась внизъ горою (лѣсомъ),
Дерево, камень окрасила,
На бѣлый Дунай пришла,
Студеной воды налила
И снова назадъ вернулась.

Эхъ Яна, бѣдная Яна!
Заросила чистая роса,
Смыла она мѣтки,
Тѣ мѣтки, черную кровь,
Что окрасила дерево, камень.
Эй, Яна, бѣдная Яна!
Она стала искать дорогу,
И заскиталась по лѣсу (горѣ).
Три дня она ходитъ, три дня бродитъ,
Никакъ слѣда не найдетъ,
Какъ идти къ ея брату,
Къ своему брату, больному Стояну.
Тогда Яна, бѣдная Яна
Печально Бога просила:
Ей Боже, милый Боже!
Сдѣлай меня, Боже, малой птицей,
Сизой птицей кукушкою,
Чтобъ я летала по букамъ,
Чтобъ искала моего брата,
Моего брата, больнаго Стояна!"
И Господь ее услышалъ,
И сдѣлалъ ее сизой птицей,
Сизой птицей кукушкой,
Что̀ кукуетъ и до нынѣ [1]).

---

[1]) Съ приведенною болгарскою пѣснью о Янѣ кукавицѣ ср. другую подобнаго же сюжета въ сборникѣ Миладиновцевъ № 261.

Сличая нѣкоторыя черты этой народной болгарской пѣсни съ началомъ „плача Ярославны", невольно приходишь къ вопросу, не нашелъ ли авторъ „Слова" образъ тоскующей женщины кукушки, летающей за водою на Дунай, въ измышленіяхъ Бояна, т. е. въ какомъ-то болгарскомъ источникѣ? Этому не противорѣчитъ то, что мы выше сказали о византійскихъ книжныхъ аналогіяхъ обращенію Ярославны къ предметамъ природы, потому что болгарскій источникъ въ свою очередь могъ быть воспроизведеніемъ чего нибудь византійскаго, причемъ болгарскій поэтъ могъ такъ же вносить черты своей національной поэзіи, какъ и русскій его подражатель.

Теперь приступаемъ къ самому трудному вопросу въ „Словѣ", къ вѣщему пѣвцу Бояну.

Що ми бѣлеи, лелеитъ?
Ели ми е бѣли шаторъ?
Ель ми е грутка снежовца?
Ель ми е соколово пиле?
Ели ми е бѣло платно?
Ели ми е руди овенъ?
Да е грутка снежовица,
Отъ сѫнце ке скотнеше;
Дà да ми е бѣло платно,
Лель ке го девойка зберитъ;
Да е соколово пиле,
Даль ке пиле отлеташе;
Дà да ми е овенъ руди,
Дà лели ке въ поле слезитъ;
Туку било бѣли шаторъ,
А потъ него боленъ Дойчинъ;
Край него сестр' Ангелина:—
„Айти сестро Ангелино,
Земи сѫда, та начекай,
Начекай отъ мои-те рани,
Тà растури по пѫтища,
По пѫтища, по све друмя,
Донеси леко'ита вода,
Да измiамъ мой-те рани".

Упоминаніе Бояна считаютъ фактомъ въ высшей степени важнымъ для *исторіи* русской литературы. „Слово“ открываетъ намъ предшествующій литературный періодъ, періодъ, когда пѣлъ княжескій пѣвецъ Боянъ о древнихъ русскихъ князьяхъ и о своихъ современникахъ. Словарь свѣтскихъ писателей митр. Евгенія уже давно внесъ имя Бояна въ число русскихъ поэтовъ и историки литературы распространяются о характерѣ его пѣснопѣній. Боянъ жилъ въ XI вѣкѣ, былъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава, о которомъ сказалъ извѣстную припѣвку, воспѣвалъ по памяти, какъ по грамотѣ, стараго Ярослава, бой Мстислава съ Редедею и прекраснаго Романа Святославича. Пѣсни его отличались высокимъ полетомъ воображенія, припѣвки или изреченія мѣткостью выраженій и глубокимъ смысломъ житейской мудрости. Авторъ „Слова“ воспитался на Боянѣ, онъ поклонникъ его и усвоилъ себѣ и характеръ его замышленій и старыя словеса.

Считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть эти *избитыя* истины, вошедшія уже давно въ исторіи литературы и учебники. Прежде всего спросимъ себя, имѣемъ ли достаточное основаніе видѣть въ Боянѣ историческое лицо—*русскаго* поэта, современника Всеслава?

Вотъ всѣ мѣста, упоминающія Бояна:

1) Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо

вѣщій, аще кому хотяше *пѣснь творити,* то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть ї соколовь на стадо лебедѣй; который дотечаше, та преди пѣснь пояше—старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовь на стадо лебедѣй пущаше, *нъ своя вѣщіа пръсты* на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

2) О Бояне, соловію стараго времени! абы ты *сіа пълкы ущекоталъ,* скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы; пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспѣти было *вѣщей Бояне, Велесовь внуче:* комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ и т. д.

3) Тому вѣщей Боянъ *и пръвое* припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути.

4) Рекъ Боянъ исходы на Святъславля *пѣснтворца* стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти: „тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, руской земли безъ Игоря.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя слова и выраженія. Авторъ даетъ пѣвцу Бояну эпитетъ *вѣщій,* о значеніи котораго можно судить по другимъ мѣстамъ. Всеславъ полоцкій, этотъ князь, рыскавшій съ быстротою волка, перегонявшій Хорса, имѣлъ *вѣщую* душу; персты, которые возлагалъ Боянъ на живыя струны, были *вѣщіе,* т. е. *чародѣйные,* ибо оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости; точно также надо быть чародѣемъ, надо имѣть чародѣйную душу, чтобъ рыскать какъ Всеславъ. Итакъ Боянъ носитъ эпитетъ мудраго чародѣя, тотъ эпитетъ, который въ устахъ народа получилъ, по свидѣтельству лѣтописца, князь Олегъ, за свои необыкновенные подвиги подъ Византіей. Умѣстенъ ли этотъ эпитетъ для пѣвца, для историческаго лица, которое жило при Всеславѣ и разсказы о которомъ могли быть въ свѣжей памяти у автора „Слова?"

Далѣе авторъ называетъ Бояна внукомъ Велеса, т. е. внукомъ солнечнаго бога-пастыря. Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на такой эпитетъ, отовсюду онъ представляется несообразнымъ. Могъ ли историческій дѣятель, жившій съ небольшимъ за два поколѣнія до автора, хотя бы и стяжавшій талантомъ высокую славу, быть названъ внукомъ божества? Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, не-

ужели люди книжные, современники автора „Слова“ могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи.

Далѣе Боянъ носитъ эпитетъ *соловья стараго времени.* Если онъ жилъ при Всеславѣ, этотъ эпитетъ непонятенъ и такъ же страненъ, какъ еслибъ мы называли Державина древнимъ поэтомъ.

Изъ третьяго мѣста (3) выводятъ, что Боянъ былъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава: этому князю онъ сказалъ припѣвку. Но этотъ выводъ слишкомъ поспѣшенъ: слова—тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смыслену [1]) рече—могутъ быть понимаемы иначе. Авторъ разсказалъ примѣры ловкости и хитрости Всеслава и затѣмъ выводитъ мораль. Какъ ни хитёръ былъ князь, однако онъ бѣды страдалъ и къ нему приложима припѣвка, нѣкогда сказанная вѣщимъ Бояномъ: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа (т. е. смерти) не минути. Слова *тому рече* еще не значатъ необходимо, что Боянъ сказалъ припѣвку лично князю. Приводя пословицу, мы часто говоримъ: для такого-то лица сказана пословица, вовсе не думая при этомъ, что пословица была сочинена кѣмъ нибудь именно для этого лица. Что такъ по-

---

[1]) Смыслену припѣвку—вм. смысленый Боянъ—такъ читаемъ мы согласно съ замѣчаніемъ кн. Вяземскаго (Замѣчанія на Слово о П. И. 1876, стр. 380 и 381.

нималъ это и авторъ „Слова"—видно изъ прибавленнаго имъ слова *пръвое* (πρῶτον), т. е. древле, нѣкогда: еслибъ изреченіе Бояна не было старѣе Всеслава, это *пръвое* было бы неумѣстно.

Обратимъ вниманіе на характеристику Бояна въ „Словѣ" и спросимъ себя, могъ ли бы въ такихъ фантастическихъ чертахъ авторъ характеризовать недавняго поэта, какъ бы послѣдній ни былъ геніаленъ. Когда онъ воспѣвалъ кого, то пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; то не десять соколовъ, а десять вѣщихъ перстовъ; то не стадо лебедей, а живыя струны; его мысль растекалась по деревьямъ, онъ рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и сизымъ орломъ носился подъ облаками. Еслибъ авторъ могъ такъ пѣть, какъ Боянъ, соловей, онъ долженъ былъ бы скакать по мыслену древу соловьемъ, летать умомъ подъ облаками, рыскать по слѣду Троянову чрезъ поля на горы. Но всемъ этомъ нѣтъ ни одной черты, которая могла бы быть реальной характеристикой историческаго пѣвца и притомъ русскаго, предшественника автора „Слова". Такими чертами можно изобразить какого нибудь миѳическаго пѣвца, Орфея, Лина, Амфіона, пожалуй нашего Садко, а никакъ не дѣйствительнаго народнаго рапсода въ родѣ нашихъ онежскихъ „сказителей". Одно изъ двухъ: либо это восторженное отношеніе къ Бояну искренно, либо оно литературный пріемъ. Предположимъ первое. Въ

такомъ случаѣ пѣвецъ, возбуждающій такія чувства въ несомнѣнно талантливомъ авторѣ „Слова“, служащій ему музой вдохновенія, долженъ былъ быть дѣйствительно геніаленъ и широко извѣстенъ. Слава Бояна, воспѣвшаго рядъ князей, вѣроятно донеслась бы и до насъ, если не въ видѣ какого нибудь произведенія, то въ видѣ хоть краткой замѣтки, оброненной какимъ нибудь лѣтописцемъ. Вѣдь знаемъ же мы о словутномъ Митусѣ, знаемъ о нѣкоемъ книжникѣ Тимофеѣ, сказавшемъ ѣдкое слово о мучителѣ Бенедиктѣ, знаемъ изъ Галицко-Волынской лѣтописи о какомъ-то гудцѣ Орѣ, пѣвшемъ пѣсни половецкія, — о Боянѣ нигдѣ нѣтъ и помину. Но положимъ, что время совершенно вычеркнуло изъ народной памяти имя этого великаго пѣвца, положимъ, что ни одинъ изъ лѣтописцевъ не счелъ достойнымъ внести это имя въ свои записки, положимъ наконецъ, что это имя и было упомянуто, но до насъ не дошло такое произведеніе—и продолжаемъ гадать: былъ ли Боянъ книжный человѣкъ или народный „сказитель“, пѣвшій историческія былины? Судя по словамъ автора, конечно Боянъ не былъ книжникомъ: онъ *пѣлъ* о усобицахъ первыхъ временъ по памяти и игралъ при этомъ на какомъ-то струнномъ инструментѣ, вѣроятно на гусляхъ. Историческія пѣсни малоруссовъ и наши сѣверныя былины хорошо извѣстны: какъ бы ни подновлялся ихъ языкъ подъ

вліяніемъ времени, общій характеръ ихъ не измѣнился и едва ли пѣсни *народнаго* пѣвца XI вѣка носили совершенно иной характеръ, нежели наши сѣверныя былины. Спрашивается, могъ ли бы одного изъ такихъ *неграмотныхъ* пѣвцовъ, какъ бы онъ ни пѣлъ свои пѣсни, поставить на столь высокій пьедесталъ авторъ „Слова", человѣкъ книжный, близкій ко двору и одаренный высокимъ художественнымъ чувствомъ, могъ ли бы онъ назвать такого „сказителя" и чародѣемъ (вѣщимъ) и внукомъ Велеса и такими восторженными чертами изобразить его „замышленія?" Замѣтимъ также то книжное имя, которое даетъ авторъ Бояну. Для него Боянъ *пѣснотворьць* (переводъ греческ. ᾠδοποιός), который *творитъ пѣсни* (аще кому хотяше пѣснь творити). Такъ могли бы Греки назвать Гомера, Гезіода, но странно это литературное названіе встрѣтить въ примѣненіи къ народному сказителю. Словомъ, если мы примемъ Бояна за историческое лицо, за русскаго поэта XI вѣка, мы встрѣчаемъ рядъ задрудненій, которыя никакія комбинаціи не помогутъ устранить. Не лучше ли поэтому отказаться отъ русскаго поэта, о которомъ ровно ничего положительнаго не знаемъ, и, помирившись съ такой утратой для русской словесности, постараться объяснить другимъ путемъ упоминанія этой загадочной личности въ „Словѣ".

Боянъ замѣняетъ автору „Слова" музу эпиче-

скихъ поэтовъ. Мы уже указали на литературный характеръ начала и сравнили нѣкоторыя черты exordium'a съ аналогическимъ въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ. Желая воспѣть походъ Игоря, авторъ ищетъ вдохновенія въ Боянѣ и въ выспреннихъ чертахъ живописуетъ его манеру пѣнія. Послѣ патетическаго вступленія, онъ переходитъ далѣе къ простому разсказу—тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и т. д., и снова, какъ бы увлеченный мужественною рѣчью князя Игоря къ дружинѣ, вспомнилъ о Боянѣ. „О Боянъ! соловей стараго времени! Какъ бы ты воспѣлъ этотъ походъ? Ты, который скачешь соловьемъ по мыслену древу, летаешь умомъ подъ облаками, рыщешь по слѣду Троянову. Какъ мнѣ начать мою пѣснь на твой ладъ? Начать ли ее такъ:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галицы стады бѣжать къ Дону великому".

Или лучше начну такъ, о Боянъ, Велесовъ внукъ: „Комони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кыевѣ, трубы трубятъ къ Новѣгородѣ" и т. д. Второе начало очевидно понравилось автору болѣе и онъ уже, не пробуя третьяго, продолжаетъ свою повѣсть. Очевидно, что авторъ разыгрываетъ изъ себя пѣвца въ родѣ Бояна, что начало „Слова" нѣчто въ родѣ прелюдіи, которая изображаетъ колебаніе виртуоза, полнаго мыслями и образами,

и подавляемаго богатствомъ матерьяла. Очевидно, что Боянъ здѣсь введенъ какъ піитическое украшеніе, а не какъ историческое лицо: имя вѣщаго поэта, потомка божества, должно украсить произведеніе автора, возвысить его въ глазахъ читателей. Если онъ самъ восторженно увлекается образомъ поэта, здѣсь должно проскакивать авторское желаніе, вызвать своимъ произведеніемъ подобный же восторгъ въ слушателяхъ или читателяхъ.

Такую же роль играетъ Боянъ и въ концѣ „Слова“. Начавъ во вкусѣ Бояна, авторъ долженъ былъ выдержать направленіе и кончить тѣмъ же почтеннымъ именемъ. Посмотримъ какъ же онъ кончаетъ свою повѣсть?

Авторъ избавилъ героя своего изъ плѣна и пустилъ его бѣжать на родину. За нимъ гонятся Гзакъ съ Кончакомъ, но видятъ безплодность усилій и разсуждаютъ другъ съ другомъ:

Млъвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ къ Гзѣ: „Аже соколъ ко гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ“.

Этимъ поэтическимъ разговоромъ *дѣйствіе,* собственно говоря, кончается: Игорь ушелъ, преслѣ-

дователи вернулись ни съ чѣмъ. Но, опустивъ занавѣсъ на поляхъ половецкихъ, авторъ хочетъ еще разъ приподнять его, чтобъ показать, что дѣлается на Руси и этой свѣтлой картиной закончить повѣсть. Здѣсь онъ снова воспоминаетъ изреченіе Бояна, которое можетъ служить его поэтической цѣли и самъ признается предъ читателемъ: рекъ Боянъ исходы [1]) на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти.

Сказалъ Боянъ и исходъ для (меня) пѣснотворце Святославова, Ярославова стараго времени, Олегова и княжеской жены. Вотъ что онъ сказалъ:

„Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю,
Зло ти тѣлу, кромѣ головы!"

Такъ же тяжко и русской землѣ безъ Игоря. Но горе смѣняется радостью: солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли и т. д.

---

[1]) Переводъ и толкованіе наши основаны на поправкѣ безсмысленные иходы въ исходы, соотв. греч. ἔξοδος. Авторъ могъ себя назвать пѣснотворцемъ Святослава, потому что разсказалъ его сонъ и патріотическія рѣчи князьямъ, пѣвцомъ стараго времени Ярослава и Олега, потому что упоминаетъ объ обоихъ — о первомъ съ сочувствіемъ о другомъ съ укоризной,—пѣснотворцемъ княжеской жены—именно Ярославны, потому что изобразилъ ея плачъ по мужѣ. Впрочемъ, быть можетъ, слова: на Святъславля, пѣснотворца и т. д. испорчены и мы не стоимъ за наше объясненіе. Увѣрены мы только въ томъ, что въ подлинникѣ было исходы, и что имя Бояна внесено, чтобъ украсить начало повѣсти и ея исходъ.

Итакъ самое мѣсто Бояна въ „Словѣ“ указываетъ, что упоминаніе „соловья стараго времени“ не болѣе какъ литературный пріемъ, имѣющій цѣлью украсить поэтическое произведеніе.

Но быть можетъ третье мѣсто, гдѣ упоминается Боянъ, противорѣчитъ нашему заключенію? Боянъ здѣсь упомянутъ вслѣдъ за Всеславомъ, какъ его современникъ, и потому не можетъ быть фантастическимъ лицомъ... Напротивъ, это мѣсто, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Боянъ не историческое лицо, а маска. Какія слова приписываются ему? Ему приписывается пословица, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ изреченій житейской мудрости, которыхъ авторы никому неизвѣстны. Считать именно Бояна авторомъ пословицы—ни хитру ни горазду, суда Божія не минути—имѣемъ мы такое же право, какъ считать его же авторомъ другихъ пословицъ: суженнаго конемъ не объѣхать, плохо не клади не вводи вора въ грѣхъ и т. п. Если въ древнія времена подобныя изреченія приписывались мудрецамъ — Гомеру, Солону, Эзопу, Федру, Локману, то въ наше время историки литературы уже давно отказались отъ мысли искать личныхъ авторовъ пословицъ и поговорокъ. Замѣтимъ кстати, что то же изреченіе Бояна, якобы выдуманное имъ по поводу судьбы Всеслава, повторяется у Даніила Заточника, безъ намека на его принадлежноснь Бояну.

Отказываясь отъ историческаго Бояна, горазнаго въ Кіевѣ гудца, какъ называетъ его „Повѣданіе", и считая его имя поэтическимъ украшеніемъ, мы тѣмъ самымъ уже указываемъ почву, на которой его слѣдуетъ искать. Это имя должно было войти въ „Слово" изъ того же книжнаго византійско-болгарскаго источника, откуда проникнули Троянъ, Дивы, Велесъ, Дунай въ извѣстномъ мѣстѣ, и этотъ выводъ подтверждается другими доказательствами.

Имя Боянъ народное болгарское. Многіе Бояны, извѣстные по памятникамъ, были Болгаре. Въ Болгаріи, гдѣ мы указали городъ Троянъ и городъ Велесъ, извѣстна рѣка Бояна. Въ пѣсняхъ болгарскихъ это имя встрѣчается въ мужскомъ и женскомъ родѣ (Боянъ и Бояна [1]). Въ исторіи упоминаются слѣдующіе Бояны или Баяны: 1) Баянъ, аварскій хаканъ создавшій аварское могущество, завоевавшій венгерскія равнины и подчинившій себѣ вѣтви славянскаго племени, здѣсь обитавшія. Это было въ половинѣ VII-го вѣка; 2) Болгарскій князь Боянъ, (Βαϊανός иначе Παγανός), воевалъ съ Греками и убитъ въ 766 г. 3) Боянъ (Веніаминъ), сынъ болгарскаго царя Симеона, 4) Боянъ болгарскій воевода, управлявшій въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія въ Савской Хорватіи (нынѣш. Сла-

[1]) Народ. Песме Македонск. Бугаръ 335. Dozon—пѣсня 24. Сборникъ Миладиновцевъ—стр. 528—529.

вонія и Австрійская Кроація), зависѣвшей въ это время отъ болгарскаго царства [1]). Βαάνην τὸν ῥυπαρὸν (грязнаго) 6-го учителя у Павликіанъ называетъ Георгій Монахъ. Βαάνης πραιπόσιτος (praepositus), имя христіанское, встрѣчается у Льва Грамматика. Во влахо-болгарскихъ грамотахъ Боянъ упоминается подъ годами 1572 и 1654 [2]). Наконецъ звуковой видъ имени Боянъ напоминаетъ общеупотребительныя у Болгаръ имена на *анъ:* Велянъ, Траянъ, Кърстанъ, Драганъ, Вълканъ, Вратанъ, Върбанъ, Първанъ, Китанъ, Стоянъ и т. п.

Но кто же этотъ болгарскій Боянъ? Былъ ли это дѣйствительно болгарскій знаменитый пѣвецъ или и въ болгарское произведеніе, послужившее въ отдѣльныхъ чертахъ образцомъ русскому, Боянъ попалъ книжнымъ путемъ, какъ подстановка славянскаго имени вмѣсто иноземнаго?

Первый, кто въ Боянѣ „Слова“ видѣлъ болга-

---

[1]) См. Гильфердинга—Ист. Серб. и Болгаръ 1868 стр. II. 159.

[2]) См. Именословъ Морошкина s. v. Мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ эго имя вовсе не могло употребляться у русскихъ Славянъ, но лѣтописныя извѣстія не даютъ возможности судить о его употребительности. Въ лѣтописяхъ Боянъ упоминается, кажется, только въ двухъ мѣстахъ: въ новгород. первой подъ годомъ 1300: того же лѣта срубиша 4 церкви: святыя Богородица въ монастыри въ звѣринци и святого Лазоря и святого Дмитріи на Бояни улкѣ и святою Бориса и Глѣба на Подолѣ; и подъ 1533 (Полн. Собр. Р. Л. VIII 283), гдѣ говорится, что какой-то Боянъ изъ Орды пріѣзжалъ отъ Крымскаго царевича Ислама къ В. Кн. Вас. Іоанновичу съ грамотою.

рина — былъ Венелинъ. Въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи Болгаръ (1849), онъ выставляетъ предположеніе, что въ Боянѣ слѣдуетъ видѣть Бояна, сына царя Симеона (стр. 264).

„Достовѣрно, говоритъ Венелинъ, что Боянъ Владиміровичъ могъ рискать по тропѣ или дорогѣ Трояновой, ибо она находилась въ Болгарской державѣ; былъ ли Боянъ пѣвецъ на Руси, не знаю; если же былъ, и его то подразумѣваетъ пѣвецъ Игоревъ, то не понимаю, зачѣмъ онъ заставилъ его рискать въ Болгаріи, по дорогѣ Трояновой, на горы Балканскія. Кромѣ сего, онъ называетъ его пѣвцомъ *стараго времени;* сіе же старое время, въ отношеніи къ Игоревому пѣвцу, падаетъ именно на Бояна Владиміровича. Онъ называетъ его *вѣщимъ*, что̀ значитъ *предсказателя, колдуна, волшебника,* что именно приписывается Болгарскому Бояну, который, говорятъ, владѣлъ мощнымъ искусствомъ Цирцеи".

Мнѣніе Венелина, какъ и слѣдовало ожидать, не нашло отголоска у нашихъ изслѣдователей. Съ своей стороны признается, что намъ оно кажется вѣроятнѣе, нежели общепринятыя гаданія о Боянѣ, княжемъ пѣвцѣ XI вѣка. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ сказать, чтобы мы вполнѣ раздѣляли мнѣніе Венелина: мы не увѣрены, что Боянъ „Слова" именно сынъ царя Симеона, но убѣждены что Боянъ лицо болгарское и попалъ въ „Слово" изъ болгарскаго источника.

Въ пользу сына Симеонова можно привесть слѣдующее мѣсто у Ліутпранда [1]): qui (sc. Simeon) duos filios habuit, unum nomine *Baianum,* alterum, qui nunc usque superest potenterque Bulgariis principatur nomine Petrum. Baianus autem adeo fertur magicam didicisse, ut ex homine subito fieri lupum et quamcunque aliam cerneres feram т. е. у него (Симеона) было два сына, одинъ именемъ Баянъ, другой, который и донынѣ живъ и мощно властвуетъ надъ Болгарами, именемъ Петръ. Баянъ, говорятъ, такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любаго другаго звѣря.

Не напоминаетъ ли кудесникъ царевичъ Боянъ, обращавшійся по произволу въ волка, нашего *вѣщаго* Бояна, рыскавшаго волкомъ по земли? Но въ какую связь привести болгарскаго и русскаго Бояна? Кн. Вяземскій полагаетъ, что „едва ли этотъ Славянскій князь не останется нѣмымъ лицомъ для объясненія воззванія къ Бояну и его изреченій, приведенныхъ въ пѣснѣ о Полку Игоревомъ“; но мы все же попытаемся связать обоихъ Бояновъ.

Внутреннее состояніе царства болгарскаго по смерти Симеона (927 г.) далеко не ясно. Неизвѣстно, почему старшій сынъ Симеона, Михаилъ, былъ еще при жизни отца устраненъ отъ престола и постри-

---

[1]) Antapodosis III 29.

женъ въ монахи. Симеону наслѣдовалъ слабый и безхарактерный Петръ, подчинявшійся во всемъ своему дядѣ и опекуну Георію Сурсовулу. О двухъ братьяхъ Петра, Іоаннѣ и Боянѣ (иначе Веніаминѣ) также не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Государство истощается происками Византіи, боярскими распрями и внутренней борьбою съ богомильствомъ. Слѣдуетъ думать, что ученіе этой секты пользовалось сильнымъ сочувствіемъ въ двоевѣрномъ народѣ. Обличеніе ереси смѣшиваетъ заблужденія богомильскія съ языческими суевѣріями, обрядами и обычаями, державшимися въ народѣ наперекоръ стараніямъ церкви. „Смѣшеніе чисто народнаго вѣрованія, говоритъ г. Дриновъ [1]), съ вѣрованіями еретиковъ могло произойти единственно вслѣдствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или, покрайней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа“. Едва ли мы ошибемся, если будемъ смотрѣть на свидѣтельство Ліутпранда именно съ точки зрѣнія той внутренней ожесточенной борьбы между церковью и язычествомъ, а также ересью, которая раздирала Болгарію въ первой половинѣ X-го вѣка. Царевичъ, сидящій на престолѣ, благочестивый Петръ, вѣрный сынъ церкви, избѣгаетъ *мірскія докуки* въ бесѣдахъ съ иноками и путешествіяхъ по обителямъ

---

[1]) Южные Славяне и Византія въ X в. 1876 стр. 75.

Болгаріи. Церковь причислила Петра къ лицу святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ преподобнаго отца. Родной братъ святаго Петра, царевичъ Боянъ, занимается кудесничествомъ, какъ представитель народныхъ суевѣрій, и пріобрѣтаетъ таинственную силу обертываться волкомъ. Если уже въ Константинополѣ, изъ устъ византійцевъ, Ліутпрандъ узнаетъ о кудесахъ бояновыхъ, какъ же должно было гремѣть его имя въ Болгаріи, въ устахъ народа, глубоко пропитаннаго языческими суевѣріями? Прежде чѣмъ проникнуть въ Константинополь, до какихъ необычныхъ размѣровъ должна была стоустая молва довести вѣщую мудрость царевича? Его репутація, какъ чародѣя, была конечно пріобрѣтена рядомъ вѣщихъ дѣлъ, которыхъ къ сожалѣнію не донесла до насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція.

Какъ бы то ни было, въ болгарскомъ народѣ слава Бояна, какъ вѣщаго чародѣя и оборотня, была широко распространена—и ничего о Боянѣ неизвѣстно намъ отъ древней Руси. Неужели же слишкомъ смѣло искать и Бояна „Слова“ на той почвѣ, гдѣ дѣйствительно жилъ Боянъ чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили мѣстныя преданія о Троянѣ, гдѣ звучало и звучитъ имя Велесъ и ходятъ разсказы о дивахъ, самодивахъ? Неужели слишкомъ смѣло объяснять появленіе Бояна въ „Словѣ“ такъ же, какъ мы выше объяснили миѳологію „Слова“

и другія заимствованныя черты? Намъ представляется дѣло такъ: съ теченіемъ времени народная фантазія въ Болгаріи овладѣла историческимъ Бояномъ: историческія черты были забыты и стерты, преданія о Боянѣ слились съ другими, по общему закону, господствующему повсюду въ устныхъ произведеніяхъ; быть можетъ уже черезъ нѣсколько поколѣній является болгарскій книжникъ, воспитанный на красотахъ византійской литературы и усвоиваетъ какое то византійское произведеніе своимъ соотечественникамъ. Находя въ византійскомъ произведеніи миѳологическіе эпитеты, онъ передѣлываетъ ихъ въ славянскіе, замѣняя, какъ переводчикъ Малалы, Геліосовъ, Аполлоновъ, Эоловъ—Даждь-богами, Велесами и Стрибогами; находя тамъ же воззваніе къ какому нибудь пѣвцу древности—Гомеру, онъ подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ. Подобное болгарское произведеніе переходитъ вмѣстѣ съ рядомъ другихъ на русскую почву. Прельщенный византійско-болгарскими красотами, русскій авторъ черпаетъ отсюда „старыя словеса", иногда не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать неизвѣстному пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ

Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли здѣсь намѣренная травестія или наивное смѣшеніе чужаго съ своимъ — рѣшить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщеніи авторъ не былъ послѣдователенъ и устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напримѣръ, пѣвцомъ русскихъ князей, онъ заставляетъ его рыскать *въ тропу Трояню,* и называетъ внукомъ Велеса, а не Волоса...

Понятно, что указывая на передѣлки иноземнаго въ „Словѣ", мы не обвиняемъ автора въ плагіатѣ. Такого понятія вовсе не существовало въ средніе вѣка не только въ русской, но и въ западной литературѣ. Позволимъ себѣ привести справедливое замѣчаніе г-на Пыпина: „любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ романическимъ разсказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала старославянская, потомъ русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расходившихся въ то же время и въ западно-европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ вовсе не съ той точки зрѣнія,

какъ смотрятъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ, отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія и, считая переводъ за русское сочиненіе, также легко и чисто-русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ І. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ иноземную внѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло“.

Съ этой точки зрѣнія авторъ „Слова“ не нуждается въ оправданіи. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ разсказъ о историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя эти событія для гражданской цѣли и облекая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія

лица. Если, при несомнѣнныхъ достоинствахъ разсказа, кое гдѣ замѣтно подражаніе, оно только свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣньи пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія.

Уже было указано нѣкоторыми изслѣдователями на замѣчательное родство языка Галицко-Волынской лѣтописи съ языкомъ „Слова". Въ этой лѣтописи часто находимъ поэтическія сравненія, живо напоминающія „Слово". Разсказъ оживленъ и полонъ картинъ: особенно картинно разсказывается, напримѣръ, набѣгъ Ростислава Михайловича съ Уграми и Ляхами на Галичъ и битва подъ Ярославлемъ. Событія церковныя, аскетическія легенды, занимающія столь видное мѣсто въ кіевской лѣтописи, почти не входятъ въ Галицко-Волынскую. Все обличаетъ въ составителѣ человѣка мірскаго, граждански развитаго и хорошо образованнаго для своего времени. Составитель, повидимому, принадлежалъ къ людямъ того же направленія, какъ авторъ „Слова". При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи невольно чувствуется что то близкое къ „Слову", невольно припоминаешь подобные же образы и приходишь къ предположенію, не знакомъ ли былъ составитель лѣтописи съ этимъ произведеніемъ и не подражалъ ли ему? Авторъ „Слова" не представляется уже необычайнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе

представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи.

Конечно въ лѣтописи, требующей точности, вѣрности и полноты изложенія, нельзя было всегда изображать событія тѣми бойкими и широкими штрихами, какими начертаны они въ „Словѣ“. Надо было сдерживать воображеніе, приковывать его къ реальнымъ чертамъ дѣйствитености. Надо было разсказывать событія въ послѣдовательной связи, сочетать крупное, важное, съ мелкимъ и неважнымъ, не останавливаясь только на такихъ, которыя говорили сердцу и воображенію. При характеристикѣ историческихъ дѣятелей нельзя было прибѣгать къ смѣлымъ метафорамъ, къ гиперболѣ, ибо лѣтописи ставились не тѣ требованія, какъ поэтической повѣсти.

Но при всемъ этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынской лѣтописи прорываются какъ бы мелькомъ черты и краски, далеко необычная этому роду произведеній. Мысль какъ бы окрыляется, языкъ наполняется поэтическими метафорами, стиль становится силенъ, энергиченъ и драматиченъ. Всѣми этими чертами запечатлѣны строки, занесенныя подъ 1201 годомъ, т. е. дошедшій до насъ

отрывокъ отъ утраченнаго начала Галицко-Волынской лѣтописи въ Ипатск. спискѣ.

Въ лѣто 6709.—Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичкого.—По смерти же великого князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ, *ума мудростью* ходяща по заповѣдемь Божиимъ: *устремилбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ.* Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, *рыбою оживъшю;* тогда Володимеръ Мономахъ *пилъ золотомъ шоломомъ Донъ* и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: „Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, *пой же ему пѣсни половѣцкия;* оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ“. Оному же не восхотѣвшю обратитися, не послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: „*да луче есть въ своей землѣ костью лечи, нели на чюже славну быти*“. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Кончаку, иже *снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на пле-*

чеву; Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьники. Велику мятежю воставшю в земл̂ѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, єдинъ 4 лѣть, а другий дву лѣтъ".

Со слѣдующаго года 1202 уже начинается связный разсказъ о событіяхъ на Волыни по смерти Романа [1]). Не трудно замѣтить, что приведенный разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописью. Хотя онъ, пріуроченъ къ 1201 году, но всѣ событія относятся къ другимъ временамъ и приведены изъ какого-то нелѣтописнаго источника. Охарактеризовавъ Романа поэтическими чертами изъ царства животныхъ, разсказщикъ припоминаетъ дѣда его Владиміра Мономаха, который губилъ Половцевъ и пилъ золотымъ шеломомъ Донъ. Затѣмъ припоминаетъ какого-то гудца Оря и разсказываетъ преданіе о зельѣ *евшанъ*. Далѣе является половецкій ханъ Кончакъ, изображаемый въ гиперболическихъ чертахъ какого-то миѳическаго богатыря: онъ вычерпалъ рѣку Сулу, нося котелъ на плечахъ. Всѣ характерныя черты разсказа живо напоминаютъ „Слово". Сравненіе съ звѣрями (туръ), выраженіе *пить шеломомъ Донъ*, славный гудецъ, пѣсни

---

[1]) Какъ извѣстно, хронологія Галицко-Волынской лѣтописи пере путана и примѣнена къ хронологіи Кіевской лѣтописи. Романъ былъ убитъ въ 1205 г., а Волынская лѣтопись относитъ его смерть на 1200 г., такъ какъ Кіевская кончается 1199 годомъ. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, стр. 26.

половецкія, и гиперболическое изображеніе Кончака. Съ послѣднимъ можно сравнить выраженія „Слова" о Всеволодѣ: ты бы можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; про Ярослава Осмомысла: меча бремены чрезъ облаки; или про Святослава грознаго, великаго Кіевскаго: наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, *иссуши потоки и болота.* Всѣ эти картины, попавшія въ лѣтописный разсказъ и плохо съ нимъ вяжущіяся, заимствованы очевидно изъ какой нибудь героической повѣсти въ родѣ „Слова о Полку Игоревѣ". Быть можетъ, эта повѣсть была частью извѣстнаго намъ „Слова", вышла изъ подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ. Вспомнимъ, что авторъ говоритъ въ началѣ: „начнемъ, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря" и затѣмъ прямо переходитъ къ послѣднему. Едва ли это пустое обѣщаніе. По всей вѣроятности была написана и первая часть „Слова", посвященная раннимъ князьямъ, но къ сожалѣнію до насъ она не дошла. Не изъ нея ли почерпнулъ лѣтописецъ нѣкоторыя черты, которыми онъ характеризуетъ Владиміра Мономаха? По поводу Романа лѣтописецъ могъ припомнить его дѣда и нѣкоторыя мѣста изъ поэтическаго „Слова". Не изъ того ли источника взятъ и Кончакъ, исчерпавшій Сулу и пѣвецъ Орь,

пѣвшій пѣсни половецкія? Словомъ изъ строкъ, внесенныхъ въ галицко-волынскую лѣтопись подъ 1201 годомъ можно, повидимому, вывесть заключеніе, что внесшій ихъ былъ знакомъ со „Словомъ“ и что въ то время оно, быть можетъ, было полнѣе, чѣмъ дошедшее до насъ въ пушкинской рукописи.

Глава шестая.

Печатая ниже текстъ „Слова", мы имѣли главнымъ образомъ въ виду удобство для читателя, ибо прикрѣпляемъ къ этому тексту небольшой комментарій. Въ послѣднее время для критики текста было сдѣлано болѣе, чѣмъ когда нибудь. Проф. Тихонравовъ старательно сличилъ пушкинское изданіе со спискомъ, найденнымъ недавно въ бумагахъ императрицы Екатерины II, который былъ сдѣланъ для нея съ пушкинской рукописи раньше изданія 1800 года. Этотъ списокъ, изданный акад. Пекарскимъ [1]), изданіе графа Мусина-Пушкина [2]) и нѣкоторыя выписки изъ подлинной рукописи, сдѣланныя Малиновскимъ и найденныя

---

[1]) Слово о Полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. Приложеніе къ V-му тому записокъ имп. академіи наукъ № 2. Санктпетербургъ 1864.

[2]) Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новогорода сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ преложеніемъ на употряемое нынѣ нарѣчіе. Москва 1800.

Е. В. Барсовымъ [1])—вотъ весь критическій апаратъ, которымъ можно располагать при возстановленіи текста. Нечего и говорить, что этотъ матеріалъ крайне недостаточенъ: неопытность первыхъ издателей не подлежитъ сомнѣнію, екатерининскій списокъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ графа Мусина-Пушкина раньше 1800 г., когда текстъ былъ для него еще менѣе ясенъ, чѣмъ впослѣдствіи, а выписки Малиновскаго обнимаютъ не болѣе 15 мѣстъ изъ подлинной рукописи. Тѣмъ не менѣе изученіе всѣхъ нашихъ критическихъ средствъ не лишено извѣстнаго значенія. Недостаточно знать, что первые издатели сдѣлали не вполнѣ удовлетворительное изданіе утраченной впослѣдствіи рукописи: нужно знать, въ чемъ именно оказывается неточность и нѣтъ-ли возможности ее исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи екатерининскій списокъ и выписка Малиновскаго оказываютъ нѣкоторое подспорье.

Свѣдѣнія наши о пушкинской рукописи, сгорѣвшей при Московскомъ пожарѣ въ 1812 году, весьма скудны. На палеографическія запросы объ ней Калайдовича, графъ не съумѣлъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ: „рукопись эта писана на лощеной бумагѣ, въ *концѣ лѣтописи*, довольно чистымъ почеркомъ. По почерку письма и по бумагѣ

[1]) См. Жур. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь стр. 19 слѣд.

должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ... Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно ясными характеромъ была написана*, но разобрать ее было весьма трудно, потому что *не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ*, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія"... Таковы были *палеографическія* показанія бывшаго владѣльца рукописи. Его приблизительное опредѣленіе вѣка, конечно, не имѣетъ для насъ никакого значенія.

Гораздо важнѣе показанія другихъ лицъ, видѣвшихъ рукопись,—Карамзина и Малиновскаго. Первый говоритъ, что рукопись *Слова* была писана не въ концѣ XIV в. и не въ началѣ XV, а развѣ въ концѣ сего столѣтія. Второй, принимавшій главное участіе въ первомъ изданіи, пишетъ къ графу Н. П. Румянцеву, что *Слово* было издано съ рукописи XVI вѣка [1]). Къ такому же опредѣленію вѣка пришелъ на основаніи палеографическихъ признаковъ, объясняющихъ ошибки первыхъ издателей, и проф. Тихонравовъ. „Конечно въ ясномъ и опредѣленномъ уставномъ письмѣ XIV в., говоритъ Н. С. Тихонравовъ, или же въ полууставѣ

---

[1]) См. Статью Е. В. Барсова l. c. стр. 19.

начала XV вѣка, не начинавшемъ еще сбиваться на скоропись, нельзя было смѣшать ъ съ ь, ѣ съ ы, ѣ съ ъ и т. п. А между тѣмъ первые издатели почти *постоянно* принимаютъ *ъ* рукописи за *ь* и наоборотъ, хотя въ екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и большею частію правильнѣе“ [1]). Смѣшивая кое гдѣ эти буквы, первые издатели впадали въ ошибки также въ выводѣ словъ изъ подъ титлъ, при разстановкѣ знаковъ препинанія и при дѣленіи словъ; вслѣдствіе чего, по мнѣнію того же ученаго, только открытіе новаго списка можетъ возстановить вполнѣ смыслъ донынѣ загадочныхъ мѣстъ *Слова* [2]). Мѣста, выписанныя *вполнѣ точно* изъ подлинной рукописи Малиновскимъ, еще ярче выставляютъ неудовлетворительность перваго изданія въ соблюденіи особенностей языка. Изъ нихъ видно, что 1) въ подлинной рукописи встрѣчалось обыкновенно двойное начертаніе у (оу), какъ, напримѣръ, въ словахъ: строужіе, тоутнетъ, оу доноу; 2) въ ней употреблялось также начертаніе буквы ѕ, какъ, напримѣръ, въ словѣ: *поѕрузи;* 3) въ ней удерживался ѵ̑, какъ, напримѣръ, въ словѣ: излоукѵ̑; 4) употреблялся малый юсъ ѧ вмѣсто я, напр. расcоушѧ; 5) нѣкоторыя слова были писаны подъ

---

1) Слово о Полку Игоревѣ, изд. 2-е 1868 стр. V.

2) Тамъ же, стр. VIII.

титлою: 6) нѣкоторыя слова были недописаны, сокращены, напримѣръ, *кн.* вмѣсто *князи;* 7) предложенія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками [1]).

Замѣтимъ далѣе, что хотя графъ Мусинъ-Пушкинъ и утверждаетъ, что подлинникъ былъ писанъ *довольно яснымъ характеромъ*, можно усомниться въ разборчивости письма. Уже Карамзинъ замѣтилъ, что въ почеркѣ рукописи были сходны по начертанію буквы *в* и *с* и полагалъ, что вмѣсто *вѣчи трояни* слѣдуетъ читать *сѣчи*. Одна выписка Малиновскаго (*грояхнуть* вм. *граяхуть*) показываетъ, что иногда и *а* сбивалось на *о* и это подтверждается екатерининскимъ спискомъ, представляющимъ иногда родительные на *ого* вмѣсто *аго*, принятаго въ первомъ изданіи. Ср. также екатер. косожьскыми вм. Пушк. касожьскыми: носады вм. насады, поскачи (екат.) поскочи (Пуш.). Наконецъ и буква к въ начертаніи была похожа на в и н: такъ вмѣсто: *не было къ обидѣ*, издатели прочли *не было нъ обидѣ*, а вмѣсто: *въ* Путивлѣ—*къ* Путивлѣ.

Впрочемъ мы все-таки не можемъ согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, который испорченность текста 1-го изданія ставитъ *исключительно* въ вину неопытности издателей въ чтеніи рукописей. Изъ нѣкоторыхъ фактовъ, почерпаемыхъ изъ сравненія

---

[1]) См. Барсова, въ Ж. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь, стр. 20 и 21.

архивнаго списка съ пушкинскимъ изданіемъ, можно заключить, что найденный Пушкинымъ списокъ „Слова“ былъ плохъ и главныя искаженія въ смыслѣ слѣдуютъ отнести на его счетъ, а не на счетъ Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, главныхъ редакторовъ изданія, и, прибавимъ, Карамзина, который, по словамъ Тимковскаго, увѣрялъ Калайдовича, что „по сдѣланному имъ сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря со всею точностію напечатана противъ подлинника“.

Нѣтъ сомнѣнія, что рукопись была бы издана современными учеными точнѣе въ палеографическомъ отношеніи, что современный издатель свято сохранилъ бы, напримѣръ, оба начертанія буквы *у*, малый *юсъ, зѣло* и т. п.; но всеже можно сомнѣваться, чтобы тѣ мѣста, которыя до сихъ поръ темны, стали намъ вполнѣ ясны. Не отъ искаженія первыми издателями зависитъ, напримѣръ, темнота такихъ мѣстъ, какъ: свивая славы оба полы сего времени; тьмутороканьскый блъванъ; на казатину (каниу) зелену; съ тоя же Каялы Святопълкъ повелѣя; карна и жля; одѣвахъте мя; поганыхъ тлъковинъ; бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю; съ Татраны, Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Олбѣры; и схотію на кроватъ и рекъ и т. п. Темнота „Слова“ зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ трехъ причинъ: отъ того, что въ самой рукописи XVI-го вѣка произведеніе

XII-го было уже значительно искажено, отъ того, что русскій авторъ XII-го вѣка внесъ въ свое произведеніе нѣкоторыя иноземныя черты (Боянъ, Троянъ) и наконецъ отъ того, что мы мало знакомы еще съ историческими обстоятельствами того времени и не всегда понимаемъ бытовыя черты.

Словомъ, палеографически-правильное изданіе позволило бы намъ вѣрнѣе судить о рукописи XVI в., но едва ли разъяснило бы намъ во многомъ поэтическое произведеніе XII-го вѣка.

Дѣйствительно, въ чемъ заключается неудовлетворительность перваго изданія и какъ оно относится къ екатерининскому списку?

Первое впечатлѣніе отъ архивнаго списка таково, что, при изготовленіи его для императрицы, Мусинъ-Пушкинъ понималъ отдѣльныя мѣста хуже, нежели впослѣдствіи. Это видно изъ сличенія перевода съ тѣмъ, который приложенъ къ первому изданію:

„Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць подобію влъцы въсрожатъ по яругамъ...“

Въ архивномъ спискѣ: Игорь вои ведетъ къ Дону, который несчастіе ему готовитъ. Волки, на подобіе птицъ, своимъ воемъ по яругамъ предвѣщаютъ неудачу.

Въ 1-мъ изданіи: Игорь къ Дону войска ведетъ; даже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ.

Орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло.

Къ арх. спискѣ: *Ортмами, япончицами* (плащами) и кожухами (шубами) начали мостить мосты по болотамъ и *другимъ* грязнымъ мѣстамъ. *Всѣ узорочья* (уборы) половецкіе, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребреное *стружіе* достались храброму Святославичу. *Дремлютъ въ полѣ. Ольгово храброе гнѣздо далеко залетѣло.*

Въ 1-мъ изданіи: Охабнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебреное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ.

Изъ подобнаго сличенія видно, что при изготовленіи перевода для императрицы многія слова еще были неясны переводчику и оставлены безъ перевода, многія грамматическія формы еще затрудняли его (твор. пад. узорочьи, причаст. прош. страд. залетѣло) и связь предложеній была ему неясна.

Меньшее пониманіе текста отразилось и на интерпункціи архивнаго списка, и на отдѣльныхъ сло-

вахъ. Такъ, многія нарицательныя имена, вслѣдствіе непониманія ихъ, попали въ собственныя: Шеломомь, Галицы (3 раза), говоръ Галичь, Бѣсови, Харалузѣ. Раздѣленіе словъ также часто ошибочное: ужедъ скы (уже дьскы. Пуш.), о дне пресловутицу (о Днепре словутицю. Пуш.), на ю (вм. наю), утръже вознистри кусы (утръ же воззни стрикусы), много вои (многовои). Относительно тщательности арх. списокъ значительно уступаетъ 1-му изданію, которое, какъ извѣстно, печаталось очень медленно и подвергалось нѣсколькимъ корректурамъ [1]). Въ спискѣ встрѣчаются описки: халужными (вм. харалужными), за не землю (вм. за землю) и пропуски: такъ, пропущено слово *живыми* при *шереширы*, и слова *свистъ звѣринъ въ стазби*, которыя, впрочемъ, переданы въ переводѣ.

Немногія разночтенія между спискомъ и изданіемъ говорятъ въ пользу послѣдняго: такъ,

въ 1-мъ изданіи:	*въ екат. спискѣ:*
съ ты плъкы	въ ты полкы
самаю	самого [2])
рядяше	радяше
рече Гзакъ	рекъ Гзакъ

---

[1]) Первую корректуру держалъ Малиновскій, вторую Бантышъ-Каменскій, а третью самъ Мусинъ-Пушкинъ. Участіе послѣдняго до того было ограничено, что онъ не имѣлъ даже права помарывать корректуру. Ж. М. Н. Пр. Сентябрь, стр. 10.

[2]) Въ текстѣ стояло вѣроятно: самою.

Къ такому же выводу прійдемъ, если сравнимъ подробно списокъ съ изданіемъ, относительно варіантовъ въ буквахъ.

1. 1-е изданіе соблюдаетъ ту особенность фонетики „Слова", что послѣ группы согласныхъ, изъ коихъ вторая плавный *р* и *л*, стоитъ *ъ*, какъ въ древне-болгарскомъ, или же *ъ* предшествуетъ звукамъ плавнымъ: млъвити, наплънився, влъци, пълку, вълкомъ и т. д. Въ архивномъ спискѣ эта особенность стерта: *ъ* замѣненъ буквой *о*: полку, волкомъ, первыхъ (Пуш. първыхъ), черный (Пуш. чръный), молвити и т. д.

2. Пушкинское изданіе сохраняетъ мягкость гласнаго послѣ звуковъ *ч* и *ш*: начяти, рассушясь, тучя, потручяти, поскочяше, Святьславличя, давечя, сыновчя, Брячяслава, начясте. Это *я* иногда передаетъ малый юсъ (ѧ), какъ видно изъ выписокъ Малиновскаго (рассушѧ), иногда простое ѣ (поскочяше, давечя, сыновчя). Въ архивномъ спискѣ *я* замѣненъ чрезъ *а*, согласно съ русской современной орѳографіей: начати, рассушась, туча, потручати, поскочаше, давеча, сыновча.

3. И списокъ, и изданіе неточны въ сохраненіи полугласныхъ въ серединѣ словъ, но бóльшая точность за 1-мъ изданіемъ. Оно въ 11 случаяхъ сохраняетъ полугласныя (въступи, тъмою (bis), чръленыя, орьтъмами, тьмутороканѣ (bis), иноходьцы, ингъварь, мьглами, мъглами), гдѣ они не соблю-

дены въ спискѣ, который въ свою очередь сохранилъ ихъ въ 8 мѣстахъ, гдѣ они не сохранены въ 1-мъ изданіи (угорьскыи, салътани, утрънѣ, кіевьскаго, Полотьскѣ, Святьславъ, Святъславлича (bis).

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колебаніе въ выборѣ *ъ* и *ь* замѣтно въ спискѣ и изданіи, причемъ трудно сказать, которая изъ обѣихъ буквъ была въ рукописи, такъ какъ въ ней, конечно, ороографія не была выдержана. Такъ, въ изданіи однажды: *мъгла*, тамъ гдѣ въ спискѣ мьгла, и въ нѣкоторыхъ словахъ *ь* (тьмутороканскій, чрьлеными, тльковинъ, шельбиры), гдѣ въ спискѣ *ъ*.

5. Что касается до *ъ* и *ь* на концѣ словъ, то нельзя согласиться съ г. Тихонравовымъ, что большинство случаевъ ихъ смѣшенія зависитъ отъ того, что начертанія обѣихъ буквъ были сходны въ рукописи. Такое предположеніе можетъ объяснить лишь немногіе случаи. Изъ сличенія списка съ изданіемъ видно, что въ окончаніи 3-го лица един. и множ. числа наст. времени или прошед. на *ть* рукопись не была послѣдовательна въ употребленіи *ъ* и *ь*. Такъ въ пуш. изданіи читается: ***помняшеть, скачють, текуть, кають,*** гдѣ въ екат. спискѣ стоитъ твердый знакъ. Но гораздо чаще въ пушкинскомъ изд. мягкое окончаніе замѣнено твердымъ (35 разъ) и въ этомъ, кажется, слѣдуетъ ***отчасти*** видѣть руку редакціи. Но есть и много случаевъ, гдѣ колебанія между спискомъ и изда-

ніемъ нѣтъ и гдѣ находимъ равно въ обоихъ твердое окончаніе.

Едва-ли палеографически можно объяснить и конечное *ь* послѣ *губныхъ м* и *в* въ пушкин. изданіи: былинамь, умь (трижды), имь (дважды) трудомь, Велесовь, соколовь (дважды), Святъславь [1]), дивь, щитовь, гдѣ въ архивномъ находимъ *ъ*. Въ употребленіи *ь* послѣ *в* слѣдуетъ видѣть особенность языка рукописи, такъ же какъ въ словѣ *умь* [2]); *ь* въ твор. един. (трудомь) и т. п. архаизмъ, чаще соблюдаемый арх. спискомъ, нежели 1-мъ изданіемъ. ср. въ архив. *мечемь, за нимь, бологомь, болотомь, волкомь*—гдѣ въ изд. *ъ*, такъ же какъ въ отець (арх.), птиць (арх.); *ь* въ окончаніи Святоплъкь (пуш.) вѣроятно опечатка или описка. Объясненіе Н. С. Тихонравова могло бы быть приложено только, къ *ь* вм. *ъ* въ дат. множ.: человѣкомь (пуш.)=человѣкомъ (арх.), намь (арх.)=намъ (пуш.), князем (арх.)=княземъ (пуш.); но и здѣсь находимъ указанія на то, что мягкое окончаніе составляетъ черту фонетическую, которую сохранилъ въ своихъ выпискахъ изъ той же рукописи Карамзинъ. Въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ Дѣянія Девгеніева можно отмѣтить слѣ-

---

[1]) *ь* въ словѣ Святъславь въ одномъ мѣстѣ (грозный, великый) находится и въ спискѣ и въ изданіи.

[2]) умь читается въ одномъ мѣстѣ и въ арх. спискѣ, вм. умъ пушк. изданія (носить васъ умь на дѣло).

дующія формы: 1) дат. пад. множ. ч. на *мь:* дамъ ти свободу и *сыномь твоимь;* 2) род. пад. мн. ч. на *вь: у сыновь* его: *кожуховь* 20: *фаревь; поясовь;* 3) архаич. твор. пад. ед. числа на *мь:* съ *каменіемь,* съ *драгымь; сухымь златомь* 4) болгар. групу *ръ:* кръмилицы, пръвый, бръзости. Зная происхожденіе повѣсти о Девгеніи, естественно видѣть въ послѣдней чертѣ слѣды болгарскаго оригинала, уцѣлѣвшіе въ русскомъ переложеніи. Тоже объясненіе прилагаемъ мы къ этому же и нѣкоторымъ инымъ *болгаризмамъ* „Слова".

5. Колебаніе между архив. спискомъ и 1-мъ изданіемъ замѣтно далѣе въ употребленіи *ы* и *и* послѣ гортанныхъ: но это колебаніе было и въ пушкинской рукописи, такъ что нельзя выставить закономъ, что цслав. употребленіе *ы* послѣ гортанныхъ было въ ней строго проведено. Ошибка первыхъ издателей состоитъ въ томъ, что они хотѣли внести однообразіе и замѣнили *ы* чрезъ *и* въ нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ арх. списокъ сохранилъ орѳографію подлинника. Такъ мы читаемъ въ 1-мъ изд.: рѣки, рускія, великихъ, половецкихъ, половецкія, аки, готскія, великій, облаки, латинскими, многи, похитимъ, ляцкіи, литовскія, кіевскимъ.

6. Въ пушк. изданіи род. пад. ед. числа прилаг. тверд. оканчивается постоянно на *аго* [1]). Въ архивн.

---

[1]) Кромѣ одного случая—поганого кощея.

спискѣ въ 7 случаяхъ изъ 19 находимъ *ого*. Спрашивается, какъ было въ подлинной рукописи? Было ли въ ней постоянно *ого*, которое издатели согласно съ современной орѳографіей поправили въ *аго*, между тѣмъ какъ писецъ, писавшій архив. списокъ, внесъ эту поправку только кое-гдѣ, случайно, или и въ подлинной рукописи существовало колебаніе? Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Если мы припомнимъ притомъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, *а* и *о* въ рукописи иногда бывали сходны, то затруднимся опредѣлить насколько ошиблись первые издатели прочитавъ въ 7 случаяхъ *аго* вм. *ого*.

7. Къ поправкамъ, внесеннымъ редакторами перваго изданія, слѣдуетъ отнести вставку мягкаго знака послѣ *л* въ словахъ: Ольгово (Арх. Олгово), Ольга, сильными (Арх. силными), крильца (крилца), Ольберы (Арх. Олбѣры), нельзѣ (Арх. нелзѣ), только (Арх. толко). Въ этихъ случаяхъ *ь* былъ вѣроятно выраженъ надстрочнымъ знакомъ, и если такіе знаки иногда отсутствовали, то это свидѣтельствуетъ лишь о небрежности писца. Конечно въ живомъ языкѣ не было произношенія *толко, крилца,* почему и поправки редакторовъ могутъ возмущать развѣ только крайній палеографическій пуризмъ.

8. Къ такимъ же маловажнымъ въ сущности поправкамъ принадлежитъ замѣна *ѣ* чрезъ *е* и обратно въ нѣкоторыхъ словахъ: залетѣло (Арх. залѣтѣло), телѣгы (Арх. тѣлѣгы), видѣ (Арх. виде), разшибе

(Арх. бѣ), стрѣлами (Арх. стрелами). Поправка эта неудачна только въ словахъ: въ жестоцемъ (Арх. жестоцѣмъ), на небесѣ (Арх. небесе), гдѣ употребленіе того или другаго звука представляетъ архаизмъ, который слѣдовало удержать. Впрочемъ, такія неудачныя поправки находимъ чаще въ архив. спискѣ: на синемь (пуш. синѣмъ), златовръсемъ (пуш. ѣмъ), златокованиемъ (пуш. ѣмъ), кресити (пуш. крѣсити), слѣдовательно и въ этомъ отношеніи архив. списокъ уступаетъ въ точности 1-му изданію.

9. Что въ двухъ случаяхъ надстрочный знакъ равносильный *ъ*-ру былъ переданъ этой буквой— конечно также не можетъ быть вмѣнено въ вину редакторамъ. Эти слова: съ (Арх. с'), въ друзѣ (Арх. в' друзѣ). Въ слогахъ: *въ моемъ* (пуш. вмоемъ) и бесъ щитовъ (пуш. бес щитовь), архив. списокъ дѣлаетъ тоже самое.

10. Трудно допустить чтобъ первые издатели были такъ невнимательны къ выведенію словъ изъ подъ титлъ, какъ утверждаетъ проф. Тихонравовъ. „Выводя нѣкоторыя слова изъ подъ титлъ, говоритъ этотъ ученый, первые издатели произвольно ставятъ ь или ъ и тамъ, гдѣ ихъ, конечно, не было въ подлинникѣ. Такъ они печатаютъ *трудомь*, гдѣ въ Екат. спискѣ *трудо*"; *умомь*, гдѣ въ Екат. спискѣ *умо*"“ [1]). Но начертаніе этихъ словъ въ Екат. спискѣ

---

[1]) Слово о П. И. изд. Тихонравова, стр. V.

вовсе не указываетъ на то, что они были подъ титломъ въ подлинникѣ: буква *м* надъ строкою встрѣчается только какъ сокращеніе, которое переписчикъ дѣлалъ для избѣжанія переноса окончанія слова въ другую строку [1]). Слѣдовательно редакторы 1-го изданія не сами измыслили окончаніе *мь* въ твор. пад., а нашли его въ подлинникѣ. Что касается слова *рече*, которое было неправильно выведено изъ подъ титла, то и здѣсь есть различіе между 1-мъ изданіемъ и архив. спискомъ. Въ 1-мъ изданіи стоитъ *речь* вм. рече только въ одномъ мѣстѣ: помняшеть бо *речь* първыхъ временъ усобіцѣ, гдѣ это слово дѣйствительно легко могло быть принято за существит. имя; въ архивномъ же спискѣ находимъ: и *речь* ему Буй Туръ Всеволодъ; *речь* Кончакъ ко Гзѣ; и *рекъ* Гзакъ къ Кончакови. Слѣдовательно со времени Екат. списка издатели кое чему уже научились. Но г. Тихонравовъ идетъ дальше и утверждаетъ, что надстрочныя буквы большею частію *выпускались* издателями и они печатали: въ шумѣ (вм. въ^с^шумѣ), втроскоташа (в^с^троскоташа), поклониша (вм. по^д^клониша), пѣстворца (вм. пѣ^с^-творца).

Намъ кажется, что это обвиненіе слѣдуетъ значительно ослабить. Въ приведенныхъ словахъ дѣйствительно пропущены нѣкоторыя согласныя, вѣ-

[1]) См. изд. Пекарскаго, предисл. стр. 8.

роятно *когда-то* стоявшія надъ строкою; но пропустили ли ихъ издатели, или ихъ не было уже въ пушкинскомъ спискѣ? Неужели между лицами, видѣвшими рукопись, а въ числѣ ихъ былъ Карамзинъ, не нашлось никого, кто бы разъяснилъ издателямъ тайну титлъ, если она дѣйствительно была для нихъ тайною? Вѣроятнѣе предположить, что въ приведенныхъ словахъ надстрочныя буквы уже раньше были пропущены какимъ нибудь малограмотнымъ переписчикомъ и что редакторы, старавшіеся печатать *въ букву*, не сочли себя въ правѣ мудрствовать лукаво, поправляя текстъ. Это замѣтно при сличеніи Арх. списка съ 1-мъ изданіемъ: лицо списавшее списокъ, не преслѣдуя палеографическихъ цѣлей и притомъ пишучи подъ наблюденіемъ одного изъ редакторовъ, списало: *пѣсньми, пѣснотворца*. Неужели же съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ этотъ списокъ, редакторы разучились читать титла и напечатали *пѣсьми, пѣстворца*, выпустивъ надстрочную букву, которую умѣли прочесть раньше? Очевидно, что надстрочной буквы вовсе не было, и что чтенія 1-го изданія показываютъ болѣе внимательное отношеніе къ буквѣ, нежели чтенія архивнаго списка.

Думаемъ, что слѣдуетъ съ издателей снять и другое обвиненіе, именно то, что они не умѣли различить буквъ ѣ и ы. Факты, приводимые г. Тихонравовымъ, могутъ быть объясняемы иначе.

Такъ г. Тихонравовъ поправляитъ усобiцѣ на *усобiцы* (помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобiцѣ), измѣняя вполнѣ правильный для древне-русскаго языка вин. пад. мн. числа на *ѣ* въ позднюю форму і а *ы*. Въ плачѣ Ярославны въ словахъ: на *ладѣ вои* — *ладѣ* есть дат. пад. употребленный согласно съ древне-русскимъ синтаксисомъ вм. родительнаго и не нуждается въ измѣненiи. Въ словахъ: ищучи себе чти, а князю слав*ѣ* — слав*ѣ* вѣроятно описка рукописи, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ далѣе читается правильно: ищучи себѣ чти, а князю слав*ы*. Сохраненiе *описки* также говоритъ въ пользу тщательности 1-хъ издателей. Наконецъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ—уже бо выскочисте изъ дѣдней слав*ѣ;* тяжко ти голов*ы* кромѣ плечю—мы скорѣе склонны видѣть, вмѣстѣ съ г. Колосовымъ, смѣшенiе падежныхъ окончанiй, нежели смѣшенiе *буквъ* издателями.

Остается еще одно обвиненiе противъ первыхъ издателей: они въ двухъ мѣстахъ приняли одно слово за два и болѣе (сице и вм. сицеи, му жа имѣ ся вм. мужаимѣся) и не вездѣ согласно со смысломъ разставили знаки препинанiя. Едва ли можно строго судить издателей за послѣднее: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Слова“ даже въ настоящее время можно колебаться въ интерпункцiи и дѣйствительно такое колебанiе замѣтно въ новѣйшихъ изданiяхъ. Промахи же въ родѣ *му жа имѣ ся* слу-

чаются и въ наше время: такъ еще въ изданіи 1871 г. Ипат. списка Археографич. коммисіей, находимъ *слѣпаго* Акуна вмѣсто *лѣпаго:* и бѣ Акунъ слѣпъ вм. *сь лѣпъ* [1]).

Впрочемъ, мы конечно не будемъ стоять за удовлетворительность перваго изданія; но было бы неумѣстно обвинять издателей въ томъ, въ чемъ они неповинны. Благодаря выпискамъ Малиновскаго, палеографическая неточность пушкинскаго изданія стала ясна· но вмѣстѣ съ тѣмъ можно сказать съ увѣренностью, что и *фотографическое* изданіе пушкинской рукописи не подвинуло бы насъ ни на шагъ въ пониманіи „Слова". Промахи первыхъ издателей стали ясны и потому безвредны: мы давно уже перестали читать *му жа имъ ся* и *сице и;* но сколько осталось темныхъ мѣстъ, въ которыхъ мы не имѣемъ никакого права заподозрить искаженіе издателей? Эти мѣста были искажены уже въ рукописи и искаженія являются результатомъ четырехъ-вѣковой переписки произведенія XII-го вѣка.

При нашемъ изданіи мы руководились слѣдующими правилами:

1. Въ основаніи положенъ текстъ 1-го изданія, причемъ внесены изъ архивнаго списка тѣ ва-

---

[1]) См. стр. 104. Въ послѣднемъ изданіи Лаврен. списка (1872) это чтеніе уже исправлено.

ріанты, которые намъ казались болѣе правильными.

2. Мелкія поправки внесены въ текстъ всюду съ обозначеніемъ чтенія 1-го изданія (Пуш.) и Архивнаго списка (Арх.).

3. Мѣста, гдѣ требуются болѣе крупныя поправки обозначены курсивомъ. Не рѣшаясь внести собственныя догадки въ текстъ, мы помѣстили ихъ въ комментаріяхъ.

4. Для удобства при справкахъ мы раздѣлили текстъ на 12 отдѣловъ.

Слово о плъку Игоревѣ,

Игоря Святъславля, внука Ольгова.

I. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь [1]) творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть

---

[1]) пѣснѣ Арх.

бо, рече [1]), пьрвыхъ времёнъ усобіцѣ: Тогда пущашеть і соколовь на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснѣ [2]) пояше—старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ї соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже и стягну [3]) умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

II. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону". *Спала князю умь похоти* и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици,—хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону". О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа

---

[1]) речь Пуш. Арх. [2]) пѣсь Пуш. пѣснѣ Арх. [3]) истягну Пуш. Арх.

плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, *свивая,* славію [1]), оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы: пѣти было пѣснь [2]) Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому"... Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче: „Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; Стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата, Всеволода... И рече ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорю! оба есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети [3]): подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копія въскръмлени; пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы" [4]). Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ *въ стазби* дивъ кличеть връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Помо-

---

[1]) славы Пуш. Арх. [2]) пѣсь Пуш. пѣснѣ Арх. [3]) къ мети Пуш. Арх. [4]) славѣ Пуш. Арх.

рію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. Крычатъ тѣлѣгы полуноцы, рци лебеди роспужени [1]). Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубію; влъци грозу *вътрожать* по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрълены щиты. О Руская земле! уже за шеломянемъ еси... Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ *запала;* мгла поля покрыла; щекотъ славій *успе,* говоръ галичь *убуди.* Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

III. С' заранія въ пят'къ потопташа поганыя плъкы Половецкыя и рассушя стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе—храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо далече залетѣло. Не было *къ* [2]) обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ

---

[1]) роспущени Пуш. Арх. [2]) небыло нъ Арх. небылонъ Пуш.

сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому... Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д солнца; а въ нихъ трепещутъ *синіи* млъніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская земле [1])! Уже за [2]) шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша [3]). Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ-туре Всеволоде [4])! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, яръ-туре Всеволоде. Кая *раны дорога братіе,* забывъ чти и живота, и града Чрънигова — отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая.

---

[1]) землѣ Пуш. [2]) не шеломянемъ Пуш. Арх. [3]) отступиша Пуш. Арх. [4]) Всеволодѣ Пуш. Арх.

IV. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Олга Святъславлича. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ: тоже звонъ слыша давный великый, Ярославль [1]) сынъ, Всеволодъ [2]); а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на *канину* зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же *Каялы* Святопълкъ *повелья* отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ [3]) ты плъкы,—а сицеи [4]) рати не слышано.

V. Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещать копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію

---

[1]) Ярославь Пуш. Арх. [2]) Всеволожь Пуш. Всѣволожъ Арх. [3]) съ Пуш. [4]) сице и Пуш. Арх.

польяна: тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давечя рано, предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата, Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудню надоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

VI. Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила [1]) дѣвою [2]) на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземь на поганыя погыбе: рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же". И начяша князи про малое „се великое" млъвити, а сами на себе [3]) крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья,—къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимь кликну *Карна,* и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Руския [4]) въсплакашась, а ркучи: „Уже намь своихъ милыхъ

---

[1]) вступилъ Пуш. Арх. [2]) двою въ выпискахъ Малиновскаго Ж. М. Н. П. 1876. Сентябрь, стр. 20. [3]) себѣ Пуш. [3]) Рускія Пуш.

ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра, нимало того *потрепати*. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговь напастьми. Тоска разліяся по Руской земли. Печаль жирна тече [1]) средѣ [2]) земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убуди*, которую *то* бяше успилъ отець ихъ, Святъславь грозный, великый Кіевскый: грозою бяшеть притрепалъ [3]) своими силными плъкы и харалужными мечи. Наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, в̓змути рѣкы [4]) и озеры, иссуши потокы [5]) и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря [6]), отъ желѣзныхъ, великыхъ плъковъ Половецкыхъ [7]), яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя [8]), Рускаго злата насыпаша ту; Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

---

[1]) утече Арх. [2]) средь Пуш. [3]) притрепеталъ Пуш. Арх. [4]) рѣки Пуш. [5]) потоки Пуш. [6]) излоукоу моря въ выпискахъ Малиновскаго. [7]) великихъ Половецкихъ Пуш. [8]) Половецкія Пуш.

VII. А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ, на горахъ. „Си ночь съ вечера *одѣвахъте мя,* рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино,. съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ Тлъковинъ великый женчюгь на лоно и нѣгують мя; уже дьскы безъ кнѣса в'моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера *босуви* врани възграяху у Плѣсньска на болони *бѣша дебрь кисаню* и несоша ю [1]) къ синему морю". И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону; уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помьркоста [2]), оба багряная стлъпа погасоста, а съ нима [3]) молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста *и* въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста [4]) хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса дивь на землю. Се бо Готьскыя [5]) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поють время

---

[1]) не сошлю Пуш. Арх. [2]) помѣркоста Пуш. померкоста Арх. [3]) съ нимъ Пуш. Арх. [4]) подасть Пуш. Арх. [5]) Готскія Пуш.

Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселіа". Тогда великый [1]) Святъславъ изрони злато слово, с' слезами [2]) смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Олбѣры; тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „мужаимѣся [3]) сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си [4]) сами подѣлимъ". А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. *Нъ се зло княже ми не пособіе;* наниче ся годины обратиша": се у *Римѣ* [5]) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову.

VIII. Великый княже, Всеволоде! Не мыслію ти

---

[1]) великій Пуш. [2]) слезами Пуш. Арх. [3]) мужа имѣся Пуш. мужа имѣся Арх. [4]) ся Пуш. Арх. [5]) Римъ Пуш. ури^{м} Арх.

прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремена [1]) за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича. Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены [2]) чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салътани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича. А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить *васъ* умь на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзніи *папорзи* подъ шеломы латиньскыми: тѣми тресну земля и многы страны

---

[1]) стремень Пуш. Арх. [2]) времены Пуш. Арх.

Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша [1]) подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже Игорю, утръпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомь листвіе срони: по Рсі и [2]) по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулицы ляцкыи, и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

IX. Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь течеть онымъ грознымъ Полочяномъ [3]) подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи *и с хотию на кровать и рекъ:* „Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша". Не бысть [4]) ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони

---

[1]) поклониша Пуш. Арх. [2]) Рсіи Пуш. Роси Арх. [3]) Полочаномъ Пуш. Польчянамъ Арх. [4]) не бысь Пуш. небы Арх.

жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубять Городеньскіи. Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизите [1]) стязи свои, вонзите [2]) свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы [3]). Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю, которою [4]) бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи. На седьмомъ вѣцѣ Трояни [5]) връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ; утръ же *воззни стрикусы*, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни,—посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше [6]), а самъ въ ночь влъкомь рыскаше. Исъ Кыева дорискаше, до куръ, Тмутороканя; великому Хръсови влъкомь путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ

---

1) понизить Пуш. Арх. 2) вонзитѣ Пуш. Арх. 3) славѣ Пуш. Арх. 4) которое Пуш. Арх. 5) Зояни Арх. 6) радяше Арх.

колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа в' друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку *смысленый* рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути“. О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ роз'но ся [1]) имъ хоботы пашуть.

X. Коніа поютъ на Дунаи; *Ярославнынъ* гласъ слышить, зегзицею *незнаемь* рано кычеть. „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи: „О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ [2]) подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Ярославна рано плачеть Путивлю городу, на забороле, а ркучи: „О Днепре словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине,

---

[1]) нъ рози нося Пуш. Арх. [2]) горъ Пуш. Арх.

мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано". Ярославна рано плачеть въ [1]) Путивлѣ на забралѣ а ркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ, жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче?"

XI. Прысну море полунощи; идуть сморци мъглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи... Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти: князю Игорю не быть. Кликну,—стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; *въвръжеся* на бръзъ комонь и скочи съ него *босымъ* влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня. Донець рече: „Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа". Игорь рече: „О Донче! Не мало

[1]) къ Путивлѣ Пуш. Арх.

ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу єго теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше его [1]) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ. „Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, *и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь* темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ; уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось" [2]). А не сорокы въстроскоташа,—на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, *по лозію* ползоша толко, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Млъвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами". Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею". И рече [3]) Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ".

XII. Рекъ Боянъ *иходы* на Святьславля пѣснотворца

---

[1]) с Пуш. Арх. [2]) прѣклонило Пуш. преклонило Арх. [3]) рекъ Арх.

стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти: „Тяжко ти, головѣ [1]), кромѣ плечю,—зло ти, тѣлу, кромѣ головы“; Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесе, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: слава Игорю Святъславличю [2]), буйтуру Всеволоду [3]), Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава и [4]) дружинѣ. Аминь.

---

[1]) головы Пуш. Арх. [2]) Святъславлича Пуш. Святъславличъ Арх. [3]) Всеволодѣ Пуш. Всеволоде Арх. [4]) а Пуш. Арх.

Примѣчанія.

I

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Большинство изслѣдователей и издателей принимаютъ слова *трудныхъ повѣстій* за дополненіе къ глаголу *начяти:* - не прилично ли намъ, братья, начать печальный разсказъ о походѣ Игоря... *старыми словесы,* т. е. словами старинной пѣсни (См. Изд. Н. С. Тихонравова, стр. 25). Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться, ибо при немъ родит. падежъ *трудныхъ повѣстій* не находитъ объясненія. Нѣтъ основанія объяснить его какъ genitivus partitivus, такъ какъ нѣсколько строкъ далѣе находимъ правильно винит. пад. послѣ того же глагола: почнемъ же, братіе, *повѣсть сію.* Съ другой стороны нельзя объяснить родит. *трудныхъ повѣстій* и вліяніемъ отрицанія, такъ какъ послѣднее (*не* лѣпо ли ны бяшетъ) стоитъ слишкомъ далеко и относится не къ *начяти.* Наконецъ, чѣмъ могли бы мы объяснить множественное число *трудныхъ повѣстій?* Авторъ разсказываетъ не много по-

12*

вѣстей о походѣ Игоря, а только одну: *почнемъ же, братіе, повѣсть сію.* Эти грамматическія затрудненія устраняются, если мы конструируемъ: *не лѣпо ли ны бяшетъ начяти о пълку Игоревѣ... старыми словесы трудныхъ повѣстій.* Такъ понималъ это мѣсто уже Дубенскій. *Трудная* повѣсть значитъ повѣсть о *трудахъ,* а *трудъ* употребляется въ значеніи *борьбы, подвига, дѣянія.* Сравн. напр. заглавіе въ лѣтописи Галицко-Волынской подъ 1227 г.: начнемь же сказати бесчисленыя *рати,* и великыя *труды,* и частыя войны и т. д., гдѣ *труды* помѣщены между *ратями* и *войнами.* Слѣдовательно въ первыхъ строкахъ «Слова» авторъ спрашиваетъ, не начать ли ему разсказъ о полку Игоревѣ старымъ языкомъ и складомъ (старыми словесы), свойственнымъ *труднымъ,* т. е. воинскимъ, ратнымъ, повѣстямъ. Но эта мысль тѣсно связана съ дальнѣйшею: *начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню.* Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о *содержаніи* замышляемаго разсказа, какъ въ предыдущемъ дѣло шло о его *формѣ.* Въ языкѣ и складѣ произведенія (формѣ) авторъ считаетъ приличнымъ слѣдовать воинскимъ повѣстямъ, но содержаніе его повѣсти должно быть исторически вѣрно, должно соображаться съ событіями (былинами) и не уподобляться замышленіямъ поэта Бояна. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ «Слова» находимъ указаніе, что авторъ во внѣшней сторонѣ своего произведенія слѣдовалъ литературнымъ образцамъ, воинскимъ повѣстямъ византійско-болгарскаго происхожденія.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Здѣсь выраженіе *мыслію* возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, на что было указано уже г. Макушевымъ. Растекаясь сѣрымъ *волкомъ* по землѣ и *орломъ* подъ облаками, Боянъ долженъ былъ бы растекаться по древу не мыслью, а чѣмъ то инымъ, соотвѣтствующимъ волку и орлу. Это чувствуется само собою и невольно напрашивается предположеніе, не стояло ли въ оригиналѣ XII в. *мышію* или *мысію* вмѣсто *мыслію?* Мышью могло называться животное, быстро скачущее по дереву—бѣлка или какая нибудь разновидность этой породы. Не различая зоологическихъ оттѣнковъ, народъ даетъ названіе мыши вообще мелкимъ грызунамъ: *vespertilio* называется летучей *мышью,* бѣлка въ Псковской губ. Опочецкомъ уѣздѣ называется *мысью,* въ бѣлорусскомъ парѣчіи есть дѣтское слово *мышека,* означающее мышь и всякое небольшое мохнатое животное (см. сл. Носовича). Можетъ быть *мысь* означало не простую бѣлку, а ту разновидность, которая снабжена перепонкой; идущей вдоль всего тѣла, отъ передней къ задней лапкѣ. Эта разновидность, скачущая съ особенной быстротою и на бо́льшее разстояніе, называется у насъ *полетушей, летягой* или просто *летучей бѣлкой.* Трудно опредѣлить, разумѣется ли здѣсь обыкновенная бѣлка или иная, но во всякомъ случаѣ смыслъ требуетъ какого нибудь звѣрка, быстро скачущаго по деревьямъ. *Мыслію* вѣроятно искаженіе, принадлежащее какому нибудь пере-

писчику, не знакомому съ областнымъ названіемъ этого звѣрка.

Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ. Усобіцѣ винит. пад. множ. числа. Малый юсъ ѧ въ род. пад. ед. числа и винит. множ. въ именахъ мягкаго склоненія жен. р. обыкновенно переходитъ въ *ѣ* уже въ памятникахъ XII вѣка. Срав. въ Житіи Ѳеодосія: владыцицѣ нашея богородицѣ; ис тьмьницѣ; доушѣ. Напротивъ форма на *ы* была еще неупотребительна въ этомъ столѣтіи.

Тогда пущашеть ї соколовь на стадо лебедѣй; которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше — старому Ярославу и т. д. Въ словѣ *которыи* видятъ именит. падежъ муж. рода т. е. который соколъ; дальнѣйшее *та* относится къ лебеди. При такомъ толкованіи замѣчается нѣкоторая безсвязность, которая устраняется весьма легко. Въ *которыи* слѣдуетъ видѣть не именит. пад. муж. р., а родительный ед. ч. женск. рода и переводить: которой лебеди (соколъ) достигалъ, та прежде пѣла пѣснь. Форма *которыи* (а не который) древне-русскій родит. пад. жен. р., смѣнившій уже рано древнѣйшую форму на *ыѧ*. Глаголы же, сложенные съ предлогомъ *до*, какъ извѣстно, не требовали въ старину повторенія этого предлога при родит. падежѣ; срав. дошъдъ ше же мѣста (Супр.); доплоути града (слов. Миклошича); яко не мощи имъ дострѣлити цръкве (Жит. Ѳеод.); досѣкошася дроугаго стяга (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 214); Прокопья убытка не довести (Юрид. Акт. 1583); Слухъ дошелъ воеводы (1615), и т. п.

Относительно самой картины выпусканія десяти соко-

ловъ т. е. десяти перстовъ на стадо лебедей т. е. струнъ, трудно сказать, была и она создана авторомъ «Слова» самостоятельно или почерпнута изъ книжнаго источника.— Конечно соколиная охота, хотя и занесенная къ нашимъ князьямъ и боярамъ вѣроятно съ западу или изъ Византіи [1]), была въ ходу во времена автора «Слова», и вѣроятно ему приходилось самому слышать пѣніе лебедей, которое прежде считали миѳомъ; но въ его картинѣ есть и другія черты: лебедь поетъ предсмертную пѣснь и эта пѣснь прославляетъ князей. Едва ли такія черты лебеди можно найти въ нашей народной поэзіи.

Наши богатыри стрѣляютъ гусей-лебедей, рушатъ за столомъ Владиміра лебедь бѣлую, иногда лебедь оказывается дѣвицей и вѣщаетъ человѣчьимъ голосомъ; но въ хвалебномъ пѣніи лебеди «Слова» слышится что то книж-

---

[1]) Während des Mittelalters stand diese Jagd (т. е. соколиная) im ganzen feudalen Europa in Blüte und wanderte von Deutschland und von Byzanz nach dem Osten der Welttheils zu den Völkern Asiens, an die Höfe der Grossfürsten und Czaren, der Emire, Scheikhs, Chagane und Schahs, bis zu den Nomaden der Steppe und den Beduinen der Wüste. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, 1874, p. 329. Мы уже видѣли, что названіе мыть охотничій терминъ латинскаго происхожденія. Таково же происхожденіе нашего имени соколъ. Греческое названіе ἱέραξ (соб. священный) было передано латинскимъ Sacer и нѣмец. Weihe, древне-верхненѣм. wîo, wîgo, wiho. Средневѣковое латинское названіе сокола sacer перешло въ роман. языки, итал. sagro, франц. и испан. sacre, затѣмъ средне-верхне-нѣм. Sackers (Sackerfalk), средне-греч. σάκρε. Тоже слово проникло и на востокъ, араб. sakr, персидск. sonkor, курдск. sakkar, литов. sakalas, наше соколъ.

ное и притомъ классическое. Лебедь у Грековъ считалась птицей бога музыканта Аполлона; она служитъ ему, знаетъ будущее и прославляетъ своего покровителя [1]). У Аристофана (Aves v. 768 слѣд.) говорится, что лебеди сидятъ стаями на холмахъ у рѣки Геброса, машутъ крыльями и поютъ гимнъ Аполлону. Каллимахъ (Hymnus in Delon v. 249) упоминаетъ, что при рожденіи Аполлона на островѣ Дэлосѣ, явились пѣвцы бога, лебеди, покинувъ мэонійскій Пактолъ и семь разъ облетѣли островъ, оглашая воздухъ пѣніемъ. О пѣніи лебеди говорятъ многіе писатели древности: Ѳеокритъ, Цицеронъ, Виргилій, Овидій. Горацій, Марціалъ. Лукрецій и друг. У Эліана (11,1) находимъ слѣдующее свидѣтельство о сѣверныхъ народахъ: писатель Гекатей изъ Абдеры говоритъ о Гиперборейцахъ и о чествованіи у нихъ Аполлона. Три исполинскіе сына Борея и Хіонэ (1) суть жрецы этого бога. Когда они совершаютъ жертвоприношеніе, изъ горъ прилетаютъ цѣлыя тучи лебедей, облетаютъ храмъ и опускаются на землю близъ него. Когда пѣвцы поютъ гимнъ богу, и киѳаристы ударяютъ по струнамъ, тогда и лебеди поютъ полнымъ хоромъ и никогда не слышно разлада. Когда люди окончатъ пѣснь, лебеди улетаютъ, почтивъ бога, обрадовавъ людей и насладившись сами ихъ пѣснями.

Такое же сопоставленіе пѣнія лебедей и звука струнъ киѳары поэта находимъ въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону (Hymn. 20 in. Apoll.): о Фебъ, тебя громко вос-

---

[1]) Слѣдовательно сыновья бога сѣвернаго вѣтра и снѣжной богини.

пѣваетъ между пернатыми лебедь, спустившись на берегъ пучиннаго Пенея; тебя и сладкогласый пѣвецъ, имѣя звонкую киѳару, тебя поетъ онъ перваго тебя и послѣдняго.

Итакъ на почвѣ Греціи не только было распространено убѣжденіе въ музыкальности пѣнія лебеди, но это пѣніе считалось осмысленнымъ, возглашающимъ славу божества-покровителя. У Платона (Phaedo 35) Сократъ объясняетъ ученикамъ, что предсмертная пѣснь лебеди выражаетъ радость, а не печаль, ибо лебедь птица вѣщая Аполлона и знаетъ, умирая, какое счастье ожидаетъ ее въ загробномъ мірѣ.

Нельзя ли видѣть отраженіе этихъ представленій классическаго міра въ нашемъ мѣстѣ «Слова?» Не могъ ли найти авторъ подобную картину у своего византійско-болгарскаго образца, который въ свою очередь почерпнулъ ее изъ классической литературы или создалъ ее во вкусѣ послѣдней? Если, какъ мы выше видѣли, Боянъ Велесовъ внукъ, замѣнилъ какого-то иного поэта, Аполлонова внука, немудрено, что вмѣстѣ съ этимъ внукомъ Аполлона явились и вѣщія птицы этого бога, причемъ произошло смѣшеніе картины соколиной охоты съ классическимъ образомъ лебеди, поющей хвалебную пѣснь передъ смертью.

Старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Ярославъ Владиміровичъ † въ 1054, его братъ Мстиславъ † въ 1036, Романъ Святославичъ Тмутороканскій † въ 1079. Слѣдовательно, Боянъ

воспѣвалъ князей XI-го вѣка. Выше мы высказали предположеніе, что Боянъ поставленъ на мѣсто какого-то другаго пѣвца древности, и князья, которыхъ онъ воспѣвалъ, замѣняютъ другія лица, упоминавшіяся въ произведеніи, послужившемъ образцомъ «Слову». Нельзя думать, чтобы Боянъ, если онъ былъ дѣйствительно княжимъ пѣвцомъ XI вѣка, воспѣлъ только этихъ трехъ князей, изъ которыхъ послѣдній едва ли былъ особенно знаменитъ, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ его только вскользь, по поводу его смерти [1]). Вѣроятно авторъ «Слова» указалъ только на трехъ князей ради художественныхъ соображеній, такъ какъ перечисленіе *цѣлаго ряда княжескихъ именъ* вредило бы сжатости и красотѣ разсказа. Тѣже соображенія руководили имъ и въ выборѣ эпитетовъ къ именамъ князей: Боянъ пѣлъ и *стараго*, и *храбраго*, и *краснаго*, т. е. былъ пѣвцомъ *древнихъ* событій, личнаго *мужества* и красоты *тѣлесной*. Замѣтно, что авторъ «Слова» не столько заботится о перечисленіи сюжетовъ пѣсенъ историческаго лица, сколько объ общей поэтической характеристикѣ *поэта* вообще. Для подобной характеристики ему достаточно трехъ князей съ ихъ тремя эпитетами, характеризующими разнообразіе предметовъ пѣснопѣній бояновыхъ, совершенно такъ же, какъ

[1]) В лѣто 6587. Приде Романъ с Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с Половци; и възвратися Романъ с Половци въспять (и) убиша и Половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ (лежаче тамо) сына Святославля, внука Ярославля. Лѣт. по Лавр. сп. Изд. 1872, стр. 198.

выше, ради тѣхъ же художественныхъ соображеній, онъ заставляетъ Бояна растекаться въ *трехъ* направленіяхъ: бѣлкой по древу, волкомъ по землѣ, орломъ подъ облаками. Эпическое *три* сказалось и въ именахъ князей и въ направленіяхъ поэтическаго воображенія, какъ это же число является обязательнымъ вообще въ произведеніяхъ народнаго творчества. Срав. въ былинѣ о Вольгѣ:

Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболака,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.
(Рыбн. I, 17).

При замѣтномъ господствѣ *эпическихъ* пріемовъ въ введеніи «Слова», намъ кажется празднымъ вопросъ, почему именно этихъ *трехъ* князей, а не какихъ нибудь другихъ, выбралъ авторъ.

Боянъ же, братіе, не ї соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

На книжность выраженія —*живая* струны, указалъ г. Тихонравовъ (См. изд., стр. 26). «Въ *Словѣ о пророцѣхъ* Господь говоритъ: пущу слово мое на землю, да спасу люди ото льсти сотонины; ему же глаголаше Давидъ, сѣдѧ въ преисподнемь ӑдѣ, накладая многоочитая персты на *живыя* струны: а въспоемъ пѣсни тихіа и веселыя дружина моя».

Иже и стягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ...

Эти вычурныя слова понимаемъ мы такъ, какъ понимали ихъ прежде, когда читали *и стягну* вмѣсто *истягну* и род. пад. *сердца* относили къ слову *мужествомъ*. Значеніе глагола *стягну* не было понято авторомъ Сказан. о Дм. Иван., гдѣ нашему мѣсту соотвѣтствуютъ слова: *истезавше умъ свой крѣпкою крѣпостію и поостриша сердца свои мужествомъ и наполнися ратнаго духа.* Глаголъ *истязати* значитъ выспрашивать, вытребовать, вымогать, выпытывать, а что бы значило: истязать свой умъ крѣпостію? На сколько странно выраженіе *вытянуть* (истягнути) умъ, на столько естественно *стянуть* (сътягнути) его. Сътѧгнѫти встрѣчается въ цслав. и въ собственномъ значеніи *связать* (наприм. *узами*) и въ переносномъ значеніи *укрѣплять.* Срав. въ словарѣ Миклошича: *стѧгноу* (аог.) *расслаблена.* Слѣдовательно связать умъ крѣпостью значить—*укрѣпить, закалить* его. Таже мысль развивается дальше: укрѣпивъ умъ, Игорь еще изострилъ его мужествомъ своего сердца. Крѣпость (тѣла?) и мужество сердца были слѣдовательно тѣ силы, которыя направили умъ князя къ твердому и непреклонному рѣшенію—воевать за землю русскую.

Родит. пад. *сердца своего* предшествуетъ слову *мужествомъ,* отъ котораго онъ зависитъ, совершенно такъ же, какъ нѣсколько выше род. пад. *пьрвыхъ временъ* предшествуетъ слову *усобіцѣ.*

II

Спала князю умь похоти. Всѣ издатели согласны въ томъ, что это предложеніе искажено: вопросъ въ томъ, какія изъ предлагаемыхъ поправокъ болѣе вѣроятны. Нѣкоторые считаютъ нужнымъ измѣнить *спала* въ *спалъ*, считая подлежащимъ этого глагола *умъ*. При этой поправкѣ читаютъ не *похоти*, а *по хоти* и переводятъ: спала (т. е. пропала) князю *мысль* о женѣ. Кн. Вяземскій, принимая тоже дѣленіе *по хоти*, придаетъ однако предложенію иной смыслъ: *спала князю умь по хоти* выражаетъ, что князь при видѣ знаменія, *хотя* и *вспомнилъ* (спала умь) о женѣ своей (по хоти), но сильное желаніе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменіе. (Замѣч. на Слово о П. И., стр. 93). Г. Тихонравовъ читаетъ *спалъ князю умъ похоти*, но не разъясняетъ, какъ должно понимать его текстъ. Противъ первыхъ двухъ объясненій можно сказать слѣдующее: нѣтъ никакихъ данныхъ принимать *умъ* въ значеніи *мысль. Умъ,* какъ способность, и *мысль,* какъ результатъ ея, различаются въ *Словѣ:* храбрая *мысль* носитъ васъ (?) *умъ* на дѣло. *Умъ* по комъ нибудь, вмѣсто *мысль* по комъ нибудь, было бы такимъ же страннымъ выраженіемъ въ древне-русскомъ, какъ и въ современномъ языкѣ. Затѣмъ выраженіе про *мысль,* что она *спадаетъ* (т. е. падаетъ сверху внизъ), при искусственности, далеко не поэтично. Такою неумѣлостью въ выборѣ словъ авторъ

не отличается. Нельзя согласиться и съ объясненіемъ, одобреннымъ кн. Вяземскимъ. Нельзя изъ славянской грамматики вывесть, что выраженіе *спала умь* значитъ *вспомнилъ* и что союзъ *и* (жалость ему знаменіе заступи...) значитъ *но*. Нужно думать, что это мѣсто болѣе искажено, нежели кажется, и что безъ болѣе существенныхъ поправокъ не доберешься до удовлетворительнаго смысла Чувствуется, что въ параллель съ слѣдующимъ предложеніемъ — желаніе испить Дону заставило его пренебречь знаменіемъ — должно въ разбираемомъ ожидать мысли: вожделѣніе овладѣло умомъ князя. Но едва эту мысль станемъ отыскивать въ словахъ, безъ коньектуръ дѣло не обойдется. Предлагаемъ въ видѣ опыта слѣдующія поправки: *вспала* (или *впала*) *князю у умь похоть* и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.

Звукъ *в* предлога, по неясности произношенія передъ *с*, могъ быть опущенъ писцомъ. Сравн. въ *Словѣ: въступи*... въ златъ стремень и *ступаетъ* въ златъ стремень. Столько же вѣроятно чтеніе *впала*, если вѣрно замѣчаніе Карамзина, что *в* по начертанію въ рукописи было похоже на *с* (вѣчи—сѣчи). Предлогъ *у*, т. е. *въ* въ южно-русскомъ выговорѣ (Срав. далѣе у Римѣ), въ лѣтописномъ языкѣ нерѣдко выпадаетъ передъ словами, начинающимися съ того же звука; такъ мы читаемъ въ Ипат. спискѣ лѣтописи: а Судиславъ иде Угры, вм. у Угры (подъ годомъ 1234); а Ярослава посла Угры (ibid. p. 177); а тако приидѐ Угры (ibid. 509); тоже замѣчается *послѣ* словъ, кончающихся на *у:* поиде ко тъстю своем*у* Киевъ, т. е.

у Кіевъ (ibid. 514). Наконецъ *похоти* описка вмѣсто *похоть*, при чемъ *и* вмѣсто ь могло явиться подъ вліяніемъ слѣдующаго *и*, бывшаго въ мысли писца, когда онъ писалъ *похоть*.

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славію, оба полы сего времени...

Послѣднія слова этого воззванія къ Бояну порождали рядъ гаданій. Что разумѣется подъ обѣими полами, половинами сего времени, т. е. того времени, въ которое жилъ авторъ *Слова?* Какимъ образомъ эти двѣ половины можно свивать? Дубенскій видитъ въ обѣихъ половинахъ *настоящее* и *прошедшее*, хотя половины далеко не равны, ибо прошедшее обнимаетъ съ точки зрѣнія автора *Слова* рядъ столѣтій, а настоящее длится лишь одинъ мигъ, постоянно переходя въ прошедшее. Притомъ, что значило бы свивать настоящее съ прошедшимъ? Боянъ — пѣснотворецъ *стараго времени*, весь жилъ въ прошедшемъ, а настоящее принадлежитъ пѣвцу Игореву. Еще загадочнѣе становится это мѣсто, если вмѣстѣ съ первыми издателями будемъ читать *славы* вмѣсто *славію*.

На нашъ взглядъ мѣсто испорчено и безъ небольшой поправки едва ли добьемся какого нибудь смысла. Кажется, въ оригиналѣ было такъ:

Свивая҃ славію оба полы сего времени.

Вмѣсто дѣйств. залога стоялъ средній—*свиваться*, но возвратное мѣстоименіе *ся*, стоявшее вѣроятно подъ тит-

лою, было опущено или конечное *с* поглощено буквою *с*, начинающей слѣдующее слово *славію*. Если мы допустимъ эту незначительную поправку, смыслъ будетъ ясенъ. Какъ глаголъ *взвиваться* (възвиватисѧ) употребляется о птицѣ, взлетающей кверху, такъ глаголъ *свиваться* означаетъ *спускаться* стремглавъ внизъ, низринуться, какъ соколъ или ястребъ падаетъ на добычу. Мы не можемъ указать этого глагола въ цслав. текстахъ, но онъ доселѣ употребляется, напримѣръ у Сербовъ. Караджичь переводитъ савитисе (цслав. съвитисѧ) словами: herabrollen, devolvi и приводитъ изъ одной пѣсни стихъ: *сави се* (свился, спустился) соко са града [1]). Въ малорусскомъ *звйтись* употребляется въ значеніи *сойти* [2]). При такомъ пониманія глагола *свиваясь, обаполы* оказывается обычнымъ въ древнерусскомъ и цслав. нарѣчіемъ мѣста, означающимъ *по обѣ стороны* — ἑκατέρωθεν, utrinque. Объ употребленіи этого нарѣчія можно судить изъ слѣдующихъ примѣровъ: приде Ярославъ и сташа противу себ. *оба полы* Днѣпра (Жит. Бор. и Гл., изд. Срезневскаго, стр. 61); и сташа *оба полы* рѣкѣ(ы) Буга (ibid., столбе 62). Такимъ образомъ въ разбираемомъ мѣстѣ мы видимъ продолженіе той же метафоры, которая начата въ предыдущемъ: О Боянъ! соловей стараго времени! Еслибъ ты воспѣлъ эти полки, скача, о соловей! по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о соло-

---

[1]) См. Сербск. Слов. подъ словомъ савити и пѣсню въ сборникѣ Караджича, I, стр. 568.

[2]) См. Словарь Малоросс. Идіомовъ, Закревскаго, s. v.

вей! по обѣ стороны сего времени. — Рѣка времен течетъ внизу: ее видитъ Боянъ à vol d'oiseau и, паря подъ облаками, можетъ спуститься по ту или другую сторону ея.

Его мысль знаетъ *ту сторону*, т. е. прошедшее и предугадываетъ другую сторону—будущее. Боянъ—внукъ Велеса, онъ вѣщій, онъ знаетъ все и — прошедшее, и будущее, т. е. знаетъ обѣ стороны *сего* времени.

Замѣтимъ кстати, что мы не видимъ достаточнаго основанія мѣнять чтеніе Пушкинск. изд. и Арх. списка—*умомъ*, на чтеніе *орломъ*, предложенное Максимовичемъ. Хотя разбираемое мѣсто и напоминаетъ выраженія *вступленія* о Боянѣ, который «растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы»,—но не представляетъ ихъ дословнаго повторенія. Растеканіе *мыслію по древу* замѣнено скаканіемъ по *мыслену древу*, рысканіе волкомъ по землѣ—рысканіемъ по слѣду Трояну; потому нѣтъ необходимости вносить и въ это мѣсто *орла*, который сознательно былъ замѣненъ *умомъ*. Авторъ называетъ Бояна *соловьемъ* стараго времени и хотя подъ этимъ эпитетомъ понимаетъ пѣснотворца, но все же эпитетъ повліялъ на дальнѣйшія слова, и, назвавъ разъ пѣвца соловьемъ, авторъ не счелъ уже умѣстнымъ тутъ же рядомъ назвать его орломъ и волкомъ. Про *пѣвца-соловья* умѣстно сказать, что онъ летаетъ умомъ подъ облака, но неумѣстно было бы сказать, что *соловей* летаетъ *орломъ* или рыщетъ волкомъ.

Въ словахъ *абы ты сіа плъкы ущекоталъ* и т. д. до

словъ *того внука* — видимъ мы условный періодъ и согласно съ этимъ разставляемъ знаки препинанія. *Повышеніе* отъ *абы* до словъ *чресъ поля на горы; пониженіе* отъ словъ *пѣти было*. Т. е. еслибъ ты, Боянъ, воспѣлъ эти полки, скача по мыслену древу, летая и т. д., *то* такъ надо было бы пѣть пѣснь Игорю, Троянову внуку: «не буря соколовъ занесла» и т. д.

Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы см. выше стр. 106—109.

«*Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому*»... Запѣвъ во вкусѣ нашей народной поэзіи. Такъ какъ во второй половинѣ (галици стады бѣжать...) нельзя видѣть антитезы отрицательному сравненію (не буря соколы...), то, кажется, можно предположить, что передъ *галици* выпало отрицаніе *не:* не буря соколовъ (Русскихъ) занесла чрезъ поля широкія, *не* галки (Половцы) стадами спѣшатъ къ Дону великому...

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — *ты, Игорю!* см. выше стр. 54—55.

А мои ти Куряни свѣдоми къмети. Слово *къметъ*, повидимому, не было въ широкомъ употребленіи на Руси и сохраняло свой иноземный характеръ. Оно происходитъ отъ греч. визант. κομήτης, заимствованнаго съ латинскаго comes, itis. Въ лѣтописи оно встрѣчается не часто. Вотъ нѣкоторыя мѣста, позволяющія судить о его употребленіи. Подъ годомъ 6583 (1075): В се же лѣто придоша сли из Нѣмець къ Святославу, Святославъ же, ве-

личаяся, показа имъ богатство свое; они же видѣвше бещислепое множьство, злато и серебро, и паволокы, и рѣша: «се ни чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть *кметье* луче, мужи бо ся доищють и болше сего (Лавр.). Итакъ здѣсь посолъ нѣмецъ употребляетъ это выраженіе для обозначенія *дружинниковъ*. Въ Духовной Владиміра Мономаха, этотъ князь называетъ *кметями* половецкихъ предводителей. Подъ годомъ 6658 (1150) находимъ въ Ипат. спискѣ: «тогда же Угре на фарехъ и на скокохъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кияне же дивяхутся Угромъ множеству, и *кметьства* ихъ, и комонемъ ихъ». Въ *Дѣяніи Девгеніевомъ* нѣсколько разъ упоминаются *сильные* и *храбрые кмети,* какъ дружинники, рыцари. Можно думать, что это слово имѣло въ древне-русскомъ такое же почетное значеніе, какъ позднѣйшее, тоже иноземное, *лыцарь* у Запорожскихъ казаковъ.

Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы. Сравненіе дружины удальцовъ съ волками обычно болгарскимъ народнымъ пѣснямъ:

Колё заигралъ на волынкѣ,
И собралися юнаки,
Юнаки, *какъ волки*,
До триста и тридцати,
Триста новой дружины [1]).

[1]) Dozon, Български народни пѣсни, № 28.

Пощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби...

Слово *стазби* остается совершенно темнымъ, не смотря на всѣ гаданія. Кажется, придется оставить его и предположить искаженіе изъ глагола *въста* и какого-то другаго слова, относившагося, повидимому, къ слѣдующему *диву*. Свистъ звѣринъ *въста,* т. е. поднялся. *Зби* не искажено ли изъ ꙁълъ, т. е. злой, эпитета дива? Буква б (к) могла явиться изъ ъ подъ перомъ малограмотнаго писца, не разобравшаго подлинникъ и не ожидавшаго ъ послѣ ꙁ въ словѣ ꙁълъ; буква л могла исказиться въ и.

Дивъ кличетъ връху древа. О значеніи слова *дивъ* см. выше стр. 87—98.

Уже бо бѣды его пасетъ птиць подобію. Мы понимаемъ *бѣды,* какъ род. пад. един. ч., *пасетъ* въ смыслѣ *стережетъ, блюдетъ, предостерегаетъ, его* какъ прямое дополненіе къ глаголу *пасетъ, птичь,* какъ именит. падежъ ед. ч. муж. рода, *подобію,* какъ искаженіе изъ *по дѹбію.* Глаголъ *пасти* въ смыслѣ *стеречь, оберегать* употребляется съ родительнымъ-отложительнымъ, заступившимъ въ слав. нарѣчіяхъ мѣсто утраченнаго aBlativ'а: *друга* пасись, а ворогъ на виду; *худыхъ дѣлъ* паситесь; *я дождя* пасусь (Яросл.). Управленіе этого глагола подпадаетъ подъ аналогію тѣхъ, которые выражаютъ понятіе *удаленія, освобожденія, спасенія* и т. д., какъ-то: избавити, съвободити, съхранити, боятися и т. п. Кьто ны избавить *силы* его (Mikl.); съвобождавъшоу *работы* (ib.); съхранитися *порока* (ib.); *нечистоты житѣйскые* избави

(ib.); оукланяйся *мънoги смьхa;* блоуда ся въздрьжите; *мънoгoсловiя* себе съблюди и т. п. [1]). Слово *птиць* именит. ед. ч. соотвѣтствующій цсл. пътишть, пътищь—στρουθίον, ὄρνις. Конечное *ч* перешло въ *ц* въ силу смѣшенія обоихъ звуковъ, замѣтнаго и въ другихъ словахъ *Слова* (ср. вѣчи, чепи). Непонятное *подобiю* легко исправляется предположеніемъ, что какой нибудь писецъ написалъ ѵ сходно съ о; въ оригиналѣ было по доубію, т. е. по деревьямъ. Какъ *дивъ* предостерегаетъ князя, клича *връху древа,* такъ здѣсь *птиць* блюдетъ его же отъ бѣды, сидя *по дубiю.* О значеніи слова *доубiе* можно судить по Еван. 1307 г. Синод. Библіотеки, въ которомъ читается: вижю человѣкы акы *доубье* ходѧще; въ исправ. яко *древiе* (Ев. отъ Марка 8, 24. См. Буслаева, Палеограф. и Филологич. матеріалы и т. д., стр. 33).

Въ Супрасл. рукоп. (р. 221 ed. Miklos.) читаемъ: аште ли кто мѣнитъ *дѫбие* малааго манастыра, еже при пѫти естъ, то да вѣстъ, яко же то молитвами быстъ блаженааго Савы. Тамъ же р. 322: Адама .. присно зеленыимъ *дѫбиемъ* веселѧшта сѧ. Въ Синод. рукоп. *Сильвестра и Антонія вопросы и отвѣты* (перев. съ греч. съ признаками болгарскими) греческое δένδρον переведено словомъ *дубiе* (см. Горскаго и Невостр. II, 2, 147). Не представляетъ ли *дубiе* болгаризмъ и въ «Словѣ?»

Влъци грозу въсрожатъ по яругимъ. Издатели и ком-

[1]) См. примѣры изъ всѣхъ слав. нарѣчій у Миклошича, Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen. 1868—74, pp. 451—459.

ментаторы *Слова* затрудняются здѣсь выраженіемъ *въсрожатъ.* Одни производятъ его отъ слова *рогъ* и заставляютъ волковъ трубить грозу; другіе отъ польск. srożyć—*дѣлать суровымъ,* забывая, что *srogi* есть наше *строгій* съ благозвучнымъ *т.* На нашъ взглядъ слово испорчено и требуетъ незначительной поправки буквы *с* въ *г.* Кажется, въ немъ слѣдуетъ искать того же корня, какъ въ предшествующемъ имени существительномъ *гроза* и читать: грозу въгрожатъ. Это тавтологическое выраженіе въ народномъ духѣ, въ родѣ мосты мостити, градъ градити и т. п. *Въгрозити* значитъ наводить грозу, т. е. угрожать. Слово *гроза* имѣетъ въ цслав. и древне-русскомъ значеніе horror, φρίκη, ужасъ, страхъ, трепетъ и не употребляется въ смыслѣ бури (procella). Поэтому и въ нашемъ мѣстѣ нельзя принимать *грозу* въ нашемъ современномъ значеніи и находить ту картину, что волки воютъ передъ бурей. *Гроза* употреблено 4 раза въ «Словѣ» и всюду въ значеніи *угрозы,* напр. *грозою* бяшетъ притрепалъ; *грозы* твои по землямъ текутъ.

Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мгла поля покрыла.

Здѣсь слово *свѣтъ* считаютъ эпитетомъ зари, какъ въ народной поэзіи: не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась (см. изд. Тихонравова, стр. 31). *Запала*—закатилась, залегла (ср. солнце западаетъ=закатывается). Противъ этого объясненія можно замѣтить во 1), что народное выраженіе—свѣтъ-зорюшка—не представляетъ полной аналогіи выраженію *Слова*—заря-свѣтъ, такъ какъ въ первомъ *свѣтъ* пред-

шествуетъ зарѣ; во 2), что картина природы, предполагаемая при этомъ объясненіи, не ясна. Дѣйствительно, что могло бы значить — мракъ ночной продолжается долго; заря закатилась; мгла покрыла поля? Чтобъ представить послѣдовательно картины природы, нужно было бы переставить выраженіе—длъго ночь мркнетъ—на третье мѣсто: 1 заря-свѣтъ запала, 2 мгла поля покрыла, 3 длъго ночь мркнетъ. Въ 3) нельзя не видѣть аналогіи для выраженія—заря-свѣтъ запала—въ дальнѣйшемъ: *другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ.* Въ послѣднемъ выраженіи находимъ снова рядомъ *зарю* и *свѣтъ,* но глаголу *запала* соотвѣтствуетъ глаголъ *повѣдаютъ.* Изъ этой аналогіи ясно, что *свѣтъ* не есть эпитетъ зари, а представляетъ прямое дополненіе глагола *повѣдаютъ* и *запала.* Во второмъ мѣстѣ кровавыя зори *повѣдаютъ,* т. е. объявляютъ, обнаруживаютъ разсвѣтъ; въ первомъ, напротивъ, заря не появляется, не обнаруживаетъ разсвѣта и потому такъ *длъго ночь мркнетъ.* Итакъ глаголъ *запала,* имѣя прямое дополненіе *свѣтъ,* долженъ быть переходнымъ и можетъ быть таковымъ только при небольшой поправкѣ *запяла,* вм. *запала.* По значенію глаголъ *запяти*—ἐμποδίζειν, impedire, препятствовать, останавливать, задерживать—вполнѣ подходитъ и разбираемое выраженіе получаетъ удовлетворительный смыслъ: ночь долго длится,—заря задержала разсвѣтъ.

Щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Глаголы успе и убуди должны быть приведены въ соотношеніе, т. е. если мы сохранимъ *успе* (уснулъ), то должны читать

убудися (проснулся); если же сохранимъ *убуди* (пробудила, т. е. мгла), то должны читать *успи* (усыпила, т. е. мгла). Въ первомъ случаѣ смыслъ будетъ: пѣніе соловьиное уснуло (замолкло), говоръ галочій пробудился; во второмъ: мгла поля покрыла, усыпила пѣніе соловьиное, пробудила говоръ (зловѣщихъ) галокъ. Поправка *убудися* кажется намъ вѣроятнѣе: конечное *ся*, стоявшее надъ строкою, могло быть опущено переписчикомъ, какъ выше въ словѣ *свиваясь.*

III

Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; не было къ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине!

Очевидно искаженное *не было нъ* Пуш. и *не былонъ* Арх. г. Тихонравовъ исправляетъ въ *не было въ обидѣ* и т. д., предполагая, что въ рукописи стояло в҃, смѣшанное первымъ издателемъ съ н҃. Какъ могло произойти смѣшеніе двухъ буквъ далеко не сходныхъ, изъ которыхъ одна даетъ безсмыслицу, а другая не противорѣчитъ смыслу — для насъ не ясно. Хотя въ Сказаніи о Дмитр. Ив. этому мѣсту соотвѣтствуетъ выраженіе: не *въ* обидѣ есми были по роженію, — но кто поручится, что авторъ Сказанія не осмыслилъ этимъ *въ* тоже непонятное *нъ*, которое затрудняетъ и насъ? Во всякомъ случаѣ *нъ* иска-

женіе, но искажено ли оно изъ *въ* или изъ *къ?* Последнее намъ кажется вѣроятнѣе, такъ какъ предлогъ *къ* болѣе соотвѣтствуетъ мысли автора. Гнѣздо Ольгово было рождено не *въ* обидѣ, а не было рождено для того, чтобы терпѣть обиду отъ сокола, кречета и чернаго ворона. Сходство начертанія нъ и къ бо́льшее, нежели в и н, притомъ не нужно прибѣгать къ предположенію, что полугласный *ъ* былъ выраженъ здѣсь не буквой, а надстрочнымъ знакомъ. Со стороны синтаксической наше предположеніе не можетъ встрѣтить затрудненій: кто наблюдалъ употребленіе *къ* въ древне-русскомъ, тотъ не могъ не замѣтить, что этотъ предлогъ часто является при дательномъ падежѣ безъ особенной нужды и то появляется, то нѣтъ, въ одинхъ и тѣхъ же оборотахъ. Такъ глаголы *вѣровати, надѣятися, съгрѣшити, каятися, клѧстисѧ, цѣловати крестъ, касатисѧ, учитисѧ, рещи* и т. п., употребляясь обыкновенно съ падежомъ безъ предлога, въ нѣкоторыхъ случаяхъ управляютъ дательнымъ съ предлогомъ: съгрѣшити *къ* кому (Гал. 40); надѣяся *къ* Господеви (Служебн. 1400 г. Іоанн. 27, 9); друзіи же *к* чихапію вѣруеть (Ипат. 120); иже *къ* нему вѣруеть (ibid. 124); Святославъ и Всеволодъ цѣловавше крестъ честный *къ* Всеславу (ibid. 117); бѣ бо клятвою клялся о Бозѣ великою *к* Романови и *ко* княгинѣ его (ibid. 554); *къ* святымъ образамъ касатися (Домостр.); *ко* третьей то мудрости учился Волхвъ (Кирша Даниловъ); и рече Олегъ *к* Борисови (Ипат. 141); всуе оклеветалъ мя еси *къ* вамъ (ibid. 499); и начаша исповѣдоватися ово *ко* игуменомъ, друзіи же *к* попомъ и дьякономъ

(ibid. 565); Данилу же возвратившуся *к* домови (ibid. 489) и т. п.

Эти и подобные примѣры показываютъ, что такъ же правильно согласно съ древне-русс. синтаксисомъ можно сказать: *не было обидѣ порождено* и *не было къ обидѣ порождено.*

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Это мѣсто совершенно ясно, и если мы касаемся его, то исключительно съ цѣлью устранить невѣрные переводы: Кончакъ ему *слѣдъ прокладываетъ* или *путь кажетъ* къ Дону великому. Мы переводимъ: Кончакъ ему во слѣдъ направляется или держитъ къ Дону великому. Слово *слѣдъ* употреблялось какъ предлогъ и безъ сложенія съ другими предлогами. Примѣры см. у Миклошича въ словарѣ: иди *слѣдь* мене; иде *слѣдь* братіе свое, погнавъ *слѣдъ ихъ.* Такъ употребляется это слово еще доселѣ въ новоболгарскомъ:

Царю врань конь утекнжлъ,
Следъ него текатъ, Драгано,
До двесте триста сеизе (Милад. 171).

А также въ нижне-лужицкомъ (см. Миклошича, Vergl. Gramm. Syntax, p. 568). Вмѣсто родительнаго *слѣдъ его* въ нашемъ мѣстѣ дательный *ему* по извѣстному свойству древне-русскаго языка. Что глаголъ *правитъ* употребленъ безъ объекта—не требуетъ особаго поясненія.

Чрънія тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца: и въ нихъ трепещуть синіи млъніи.

Подъ четырьмя солнцами подразумѣваются четыре князя, участвовавшіе въ походѣ: Игорь, братъ его Всеволодъ, Владиміръ, сынъ Игоря и Святославъ Ольговичъ рыльскій — его племянникъ. О почетномъ эпитетѣ *солнце* см. выше, стр. 45 — 55. Какъ аналогію странному эпитету молніи *синяя* приводятъ сербское выраженіе: пуче (гремитъ) као (какъ) *сини* гром. Но едва ли эта аналогія что нибудь объясняетъ: подъ *синимъ* громомъ разумѣется у Сербовъ синяя громоносная туча, къ которой этотъ эпитетъ конечно подходитъ. Не понимая *синей* молніи, авторъ Сказ. о Дм. Ив. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ выражается: «а въ нихъ трепещутся *сильные* молыньи». Мы не можемъ утверждать, что *синіи* въ «Словѣ» искаженіе изъ *сильніи,* потому что послѣднее слово было бы слишкомъ слабымъ и непоэтическимъ эпитетомъ молніи; но все же намъ кажется вѣроятнымъ, что передъ нами какое-то недоразумѣніе. Авторъ *Слова,* повидимому, заимствовалъ все вышеприведенное выраженіе изъ болгарскаго источника: отмѣтимъ болгарскую форму *чрънія* и византійскій эпитетъ князей—*солнца*. Вѣроятно оттуда же попалъ въ *Слово* эпитетъ *синіи* при молніи, искаженный, либо авторомъ, либо какимъ нибудь писцомъ, изъ какого нибудь другаго, похожаго по звукамъ, но болѣе подходящаго къ молніи. Опредѣлить точно, изъ какого другаго слова искажено *синіи* трудно; можно думать, что это слово происходило отъ корня, представляемаго глаголомъ *сіять.* Срав. въ

сербскомъ глаголѣ *синути* — illucescere: егда *синеть* сльнце (Mikl.); *сину* зора, а ја још код двора (пѣсни Караджича, I, 141, 1-е изд.); сравн. также постоянный эпитетъ мѣсяца у Сербовъ: сјајна мјесечина.

Кая раны дорога братіе забывъ чти й живота и т. д. Обыкновенно здѣсь видятъ искаженіе и исправляютъ *раны* въ *рана: какая рана дорога*. Проще принимать *кая* за причастіе (отъ каяти), какъ дальнѣйшее — *забывъ*. Въ этомъ случаѣ *дорога братіе*, вм. *братія* будетъ звательный падежъ. Срав. у Миклошича: *шьдьшая братия* въпросише, или: *братиѩ нашю оутѣшили* (Христ. Буслаева, 338). Г. Тихонравовъ, какъ мы знаемъ отъ него лично, предлагаетъ читать *брата*, вм. братіе. Эта поправка даетъ еще болѣе удовлетворительный смыслъ: кая раны дорогаго брата, т. е. Игоря. Изъ Ипат. лѣт. извѣстно, что Игорь дѣйствительно былъ раненъ въ этомъ сраженіи.

IV

Были вѣчи Трояни. О Троянѣ см. выше стр. 99—109.

Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь. Вмѣсто *Ярославь* слѣдуетъ читать *Ярославль*, вм. *Всеволожь* — Всеволодъ. Текстъ испорченъ здѣсь не издателями, а какимъ нибудь *давнымъ* переписчикомъ. *Ярославь* въ текстѣ не прилагательное отъ Ярославъ, но само это имя съ обычнымъ въ рукописи *Слова* мягкимъ

знакомъ *(ь)* послѣ конечнаго *в:* срав. *соколовь*. Подстановка Ярослава на мѣсто Ярославль объясняется вѣроятно тѣмъ, что прилагат. *давный* напомнило переписчику *стараго* Ярослава. Между Всеволодомъ и Владиміромъ Мономахомъ та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святопълкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Мѣсто сильно испорченное не первымъ издателемъ, а какимъ нибудь древнимъ переписчикомъ. Очевидно дѣло идетъ о битвѣ на Нѣжатинѣ нивѣ (1078), но нѣкоторыя обстоятельства перепутаны. Рѣка Каяла поставлена на мѣсто чего-то другаго, ибо едва ли автора *Слова* можно обвинять въ незнаніи того, что битва произошла не на Каялѣ, а близь Чернигова. Вѣроятно позднѣйшій переписчикъ замѣнилъ непонятное ему названіе (канину?) рѣкою Каялой, упоминаемой въ другихъ мѣстахъ *Слова*. Выраженіе на *канину* остается до сихъ поръ для насъ такою же загадкой, какою оно было для автора Сказан. о Дм. Ив., который уясняетъ его себѣ слѣд. образомъ: «а чаду твоему Іякову лежати на *зеленѣ ковылѣ* травѣ, на полѣ Куликовѣ... за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича». Не уяснетъ этой загадки и выписка Малиновскаго. По словамъ г-на Барсова, нашедшаго записки Малиновскаго, это мѣсто выписано у него такъ: *на ка-*

затиноу зелену паполомоу постла [1]. Но кто поручится, что въ данномъ случаѣ Малиновскій прочелъ это слово вѣрнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ же, участвуя въ первомъ изданіи, напечаталъ *канину?* Вѣдь тотъ же Малиновскій выписываетъ, напримѣръ: *а галицы свою рѣчь говоря, хуты полетети на уедіе.* Притомъ, читая въ испорченномъ мѣстѣ *казатиноу,* не надѣялся ли онъ вычитать *Нѣжатину* ниву, которая была бы очень умѣстна?

Затѣмъ въ битвѣ вовсе не участвовалъ Святополкъ, старшій братъ Ярополка и сынъ погибшаго Изяслава. Находясь въ это время далеко отъ мѣста смерти отца, именно въ Новгородѣ, едва ли онъ могъ сдѣлать распоряженіе о тѣлѣ отца, именно свезти его къ святой Софіи въ Кіевъ. Изъ лѣтописи извѣстно, что обрядъ погребенія Изяслава выпалъ на долю Ярополка, находившагося при отцѣ во время битвы: убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день, и вземше тѣло его, привезоша и *в лодьи,* и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и съ пѣсньми попове и черноризци понесоша и в градъ и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плака бо ся по немь весь градъ Киевъ; *Ярополкъ же идяше по немь,* плачася с дружиною своею (Лавр. подъ 1078 г.). Дальнѣйшая неточность разбираемаго мѣста состоитъ въ томъ, что Изяславъ былъ похороненъ въ Десятинной церкви, а не у св. Софіи. Это несоотвѣтствіе

---

1) См. Журн. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь, стр. 20 и 21.

фактовъ надѣялся устранить Бутковъ предположеніемъ, что въ *Словѣ* дѣло идетъ не о битвѣ на Нѣжатинѣ нивѣ, а о битвѣ съ Половцами въ 1096 г., въ которой былъ убитъ Тугорканъ, князь половецкій, приходившійся тестемъ Святополку. Но несостоятельность этого предположенія была доказана послѣдующими комментаторами (см. кн. Вяземскаго, Замѣч. на Сл. о П. И., стр. 179 и 180). Итакъ, разбираемое мѣсто едва ли можетъ быть исправлено при теперешнихъ средствахъ: главное искаженіе въ текстѣ, (не говоря уже объ исторической неточности, которая вѣроятно отчасти падаетъ на автора Слова), видимъ мы въ словахъ: *канину,* съ тоя же *Каялы* и *повелья.* Два первыя слова *должны* быть тождественны, хотя мы не рѣшаемся предложить поправку; что же касается послѣдняго, то его съ достаточной вѣроятностью можно разложить на два слова: повелѣ *яти* (повелѣлъ взять). Неокончательное наклоненіе *ять,* съ мягкимъ знакомъ надъ строкою, могло, слившись съ слѣдующимъ словомъ *отца,* быть непонято какимъ нибудь несвѣдущимъ писцомъ: изъ комплекса *ятотца,* при небрежной перепискѣ, могло выпасть первое *т;* или быть можетъ эта буква была надъ строкою и осталась незамѣченною. Какъ бы то ни было изъ *повелѣ яти отца* не трудно объяснить искаженіе *повелья отца.*

Погибашеть жизнь Даждь-божа внука см. выше стр. 73—77.

VI

Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла.

Здѣсь принимаютъ слово *пустыни* въ его обыкновенномъ, конкретномъ значеніи. Едва ли это такъ. Берега Каялы, гдѣ полегло русское войско, нельзя назвать пустыней; авторъ «Слова» самъ говоритъ нѣсколько выше, что послѣ пораженія Игоря «никнетъ *трава* жалощами, а *древо* с тугою къ земли преклонилось». Мѣстность, гдѣ совершается походъ, представляетея автору «великими, чистыми полями», каково она и есть въ дѣйствительности. Упоминаются трава и деревья, болота и грязивыя мѣста. Кое-гдѣ возвышаются шеломяны, съ которыхъ открывается обширный видъ въ степь. Игорь выступилъ изъ Новгорода Сѣверскаго въ концѣ апрѣля и во время послѣдней битвы у Каялы, конечно, степь не представляла картины запустѣнія, а напротивъ блистала полнымъ весеннимъ убранствомъ. Затѣмъ самое выраженіе *пустыня прикрыла силу* не удачно: побитая сила, т. е. войско покрываетъ пустыню трупами, а не на оборотъ.

Чтобъ уяснить это выраженіе, остается принять слово *пустыни* не въ конкретномъ, а въ отвлеченномъ смыслѣ. Имена жен. рода на *ыни,* образованныя изъ прилагательныхъ, могутъ быть и обстрактны—напр. *теплыни*—теперешнее *теплынь* («Святославъ же ждавъ многы дни, ублюдъся *теплыни,* пойде вборзѣ». Ипат. лѣт., стр. 419)

благыни (bonitas)=благость, *грьдыни*=гордость, *гжстыни*=густость, *добрыни*=доброта, *зълыни*=malitia [1]). Думаемъ, что и въ нашемъ мѣстѣ *пустыни* употребляется какъ нравственное понятіе, отвлеченное отъ прилаг. имени *пустъ* въ его нравственномъ значеніи. Каково же это значеніе? Въ болгарскомъ *пуст* употребляется кромѣ обычнаго значенія также въ нравственномъ — жалкій, проклятый, бѣдственный.

Ходил юпак на *пуста-та* войска,
На пуста-та войска, войска татарійска, т. е.

Ходилъ юнакъ на проклятое войско
На проклятое войско, войско татарское [2]).

Въ другой пѣснѣ молодой человѣкъ проситъ руки дѣвушки ему родственной: дѣвушка отвѣчаетъ:

Не ли сме *пуста* роднина? т. е.

Развѣ мы не родня, чтобъ ее, проклятая?

Пустъ употребляется также какъ эпитетъ чужбины.

Що си биле два брата родени,
Кинчсале на пуста чужина.

—

Были два брата родные,
Отправились они на проклятую чужбину [3]).

---

1) См. Miklosich—Bildung der Nomina. 1858, § 73.

2) Dozon—№ 3.

3) Миладин., стр. 356.

Марко говоритъ о лицѣ арабской дѣвушки, т. е. негритянки:

> Кога видофъ *пусто* лице църно,
> Лице църно, пусти зъби бѣли.

—

> Когда я увидалъ проклятое черное лице,
> Черное лице, проклятые бѣлые зубы [1]).

Такое значеніе *пустъ,* какъ извѣстно, имѣетъ и въ нашей клятвѣ: «чтобъ тебѣ *пусто* было!»

Вѣроятно такого рода представленіе выражается и въ разбираемомъ мѣстѣ «Слова». *Пустыни* понятіе отвлеченное, родственное съ *нуждою* (уже тресну нужда на волю), *обидой* (въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука), *съ печалью* (печаль жирна тече по земли руской), *тугою* (уже туга умъ полонила). *Уже пустыни силу прикрыла* предложили бы мы переводить: уже *проклятіе* или *бѣдствіе* постигло силу.

Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню. О дѣвѣ обидѣ см. выше стр. 93—94.

Убуди жирня времена. Жиръ значитъ богатство, изобиліе, избытокъ. Слѣдовательно *жирныя* времена — времена довольства и богатства, время *мира,* когда можно жить спокойно и копить жизненныя средства. Въ эти времена покоя, страна представляется поэту какъ бы спя-

---

[1]) Тамъ же, стр. 64.

щею тихимъ сномъ. Но вотъ настала гибельная война, обида въ видѣ Эринніи встрепенулась и восплескала крыльями на синемъ морѣ. Она встревожила мирный сонъ людей, разбудила времена довольства.

Усобица князем на поганыя погибе. Трудно думать, что усобица на поганыхъ, какъ полагаетъ Дубенскій, значитъ «союзъ, дѣйствіе князей за одно противъ поганыхъ». Намъ кажется, что это мѣсто испорчено, хотя трудно предположить поправку болѣе или менѣе вѣроятную. Смыслъ заключается, повидимому, въ противоположеніи *князей* и *поганыхъ, усобицы* и *гибели:* между князьями начались усобицы, отъ поганыхъ грозитъ гибель. Вѣроятно *погибе* не глаголъ, а испорченное *погибель.* Конечное *л* могло быть надъ строкою. Мѣсто было бы вполнѣ ясно при чтеніи: усобица княземъ—отъ поганыхъ погыбель. Но предлагать такія поправки, конечно, слишкомъ смѣло.

За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. За нимъ. За кѣмъ? за соколомъ Игоремъ, который далеко залетѣлъ къ морю избивая птицъ, или за полкомъ, т. е. за скудными остатками разбитаго и спасавшагося бѣгствомъ войска? Рѣшить трудно. Карна и Жля едва ли половецкіе ханы: объ нихъ лѣтописи умалчиваютъ, да и имена не похожи на половецкія. Мы болѣе склонны видѣть въ этихъ именахъ (конечно испорченныхъ) олицетворенія нравственныхъ понятій, которыя такъ любитъ авторъ *Слова,* олицетворенія въ родѣ *нужды, хулы, обиды,* вступающей дѣвою,

печали, жирно текущей по землѣ руской, *пустыни,* прикрывшей войско Игоря. Второе названіе *жля,* повидимому, испорчено изъ *желя.* Срав. въ Ипат. лѣт. подъ г. 1185: «и тако, во день святаго Воскресения наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто *желю,* на рѣцѣ Каялы». Если мы допустимъ это, то въ Карнѣ конечно также нельзя видѣть собственное имя. Карна должно быть испорчено изъ *кара, караніе, карьба,* или чего нибудь подобнаго. Что этимъ олицетвореннымъ понятіямъ *кары* и *скорби* (жели) приписывается такое вещественное орудіе, какъ пламенный рогъ, мычущій смагу, не можетъ казаться страннымъ, если вспомнимъ обиду, плещущую лебедиными крыльями. Но во всякомъ случаѣ такое сочетаніе понятій могло показаться непонятнымъ какому нибудь позднѣйшему переписчику, лишенному поэтическаго чутья, и не догадавшись что дѣло идетъ о карѣ (караніи) и жели, онъ могъ не разобрать этихъ словъ и счесть ихъ за личныя имена *поганыхъ,* о которыхъ только что было сказано, что они *съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.*

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

Нашъ глаголъ *трепать,* т. е. теребить, тормошить, дергать, мять — едва ли подходитъ къ этому мѣсту. Странно желаніе русскихъ женъ—трепать руками золото и серебро: вѣроятно онѣ сожалѣли о бо́льшемъ, о томъ что имъ не придется имѣть золота, носить его, копить.

Въ виду этого рѣшаемся предложить слѣдующую догадку: въ сербскомъ языкѣ есть глаголъ *трпати* (т. е. тръпати) со значеніемъ accumulare, нагромождать, накапливать; есть и сложный съ предлогомъ по — *потрпати* съ тѣмъ же значеніемъ (см. Сл. Караджича). По смыслу этотъ глаголъ весьма удачно подходитъ къ разбираемому мѣсту: «уже не накапливать намъ, не нагромождать (какъ прежде), золота и сребра». Объяснить же *потрепати* изъ потръпати или потрьпати, которое стояло въ текстѣ, можно тѣмъ, что авторъ *Слова* оставилъ болгарское (?) выраженіе безъ измѣненія, а какой нибудь переписчикъ осмыслилъ непонятный ему глаголъ общепонятнымъ русскимъ *потрепать*.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отець ихъ Святъславь грозный, великый Кіевскый.

Глаголъ *убуди* очевидно слѣдуетъ согласовать съ подлежащимъ въ числѣ и читать *убудиста*. Г. Тихонравовъ предлагаетъ и другія поправки—*Жлу*, вмѣсто *лжу*, *которою*, вм. *которую* и *того*, вм. *то*, — поясняя ихъ слѣдующимъ переводомъ: «Игорь и Всеволодъ *которою* (ибо пошли тайкомъ отъ великаго князя Святослава и тѣмъ возбудили его *жаль* на себя) возбудили *Жлю*. *Его* грозою усыпилъ отецъ ихъ *грозный* Святославъ, великій князь Кіевскій; онъ притрепалъ его своими сильными полками и булатными мечами; онъ наступилъ на землю половецкую». Эти поправки намъ не кажутся убѣдительными: 1) Игорь и Всеволодъ разбудили жаль не *которою*

(т. е. распрею), а пораженіемъ отъ Половцевъ. Изъ лѣтописнаго разсказа нельзя заключить, чтобы выраженіе *котора* могло быть примѣнено къ походу Игоря. Князь Святославъ *самъ* послалъ его звать съ собою и отвѣтъ Игоря былъ таковъ: «не дай Богъ на поганыхъ ѣздяся отрещи, поганы есть всимъ намъ обьчій ворогъ». Вся бѣда лишь въ томъ, что приглашеніе Святославово запоздало, и Игорь не могъ догнать его войска, не могъ, по выраженію своей дружины *потьскы* (т. е. какъ птица) *перелетѣти. Котору* нельзя видѣть и въ отказѣ Игоря участвовать въ предпріятіи Святослава въ 1183 (Ипат.) г., потому что отказъ не былъ вызванъ враждебностью. 2) Муж. родъ *того* не можетъ относиться къ понятію жен. род. *жаль* или *желя;* 3) Переставляя *лжу* въ *жлу*, мы должны еще замѣнить конечное *у* чрезъ *ю* и вставить гласный звукъ между *ж* и *л* (жалю, желю), ибо форма *жлу* невозможна.—На нашъ взглядъ поправки требуетъ, кромѣ *убуди,* еще только слово *то,* и здѣсь можно предложить слѣдующее: вм. *то* читать *тъ,* т. е. *тъй* (тотъ). Святославъ не былъ отцомъ Игоря и Всеволода, а двоюроднымъ братомъ; между тѣмъ авторъ *Слова* называетъ его отцомъ. Не мудрено поэтому, что для отличія Святослава грознаго кіевскаго, разбившаго Кобяка и взявшаго его въ плѣнъ, отъ Святослава, роднаго отца Игоря и Всеволода, авторъ прибавляетъ *тотъ* въ поясненіе выраженія *отецъ.* Игорь и Всеволодъ пробудили *лжу,* которую своими побѣдами надъ Половцами *усыпилъ тотъ* кіевскій отецъ ихъ грозный Святославъ.

Впрочемъ, противъ поправки *лжу* въ *желю* едва ли можно сказать что нибудь вѣское: во всякомъ случаѣ *желя* (ср. выше желя поскочи по Руской земли) кажется намъ умѣстнѣе, чѣмъ *лжа*. Описка въ данномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что предшествующее слово—*уже*—содержитъ тотъ же слогъ (же): изъ *ужежелю* легко могло произойти *ужелжю* и затѣмъ—*уже лжу*. Итакъ мы предложили бы читать: *Игорь и Всеволодъ уже желю убудиста, которую тъ бяше успилъ отець ихъ* и т. д.

Поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря. Противоположеніе удачи Святослава и неудачи Игоря, восхваленіе Святослава и порицаніе Игоря показываютъ, что авторъ *Слова* былъ близокъ къ первому князю, смотрѣлъ съ его точки зрѣнія на походъ Игоря и справедливо называлъ себя пѣснотворцемъ Святославлимъ (см. ниже). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоревой и участвовалъ лично въ походѣ: никакихъ данныхъ для этого предположенія не нашли мы въ Словѣ.

VII

Сонъ Святослава составляетъ самую трудную часть во всемъ «Словѣ». Нѣкоторыя выраженія можно заподозрить въ значительномъ искаженіи не издателями, а переписчиками, и едва ли можно надѣяться исправить ихъ конъек-

турой. Мы ограничимся только указаніемъ, гдѣ кончается разсказъ Святослава и гдѣ начинаются сообщенія бояръ. Н. С. Тихонравовъ начинаетъ разсказъ князя словами: «съ вечера одѣвахъте мя»; но болѣе вѣроятно, что онъ начинался со слова *синочь*. По крайней мѣрѣ въ пользу послѣдняго начала говорятъ дальнѣйшія слова того же лица, представляющія полную параллель: всю нощь съ вечера босуви врани възграяху и т. д. Въ формѣ *одѣвахъте*, невозможной въ древне-русскомъ, можно бы пожалуй видѣть болгаризмъ [1]). Но болѣе вѣроятны другія объясненія. Во-первыхъ, нельзя ли форму *одѣвахъте* дѣлить таким образомъ, что *одѣвахъ* 1-е лицо прошед. времени, а *те* относится къ слѣдующему слову *мя*, т. е. темя. Смыслъ былъ бы таковъ: я одѣвалъ себѣ темя. Что *темя* въ цсл. пишется черезъ *ѣ* не можетъ служить возраженіемъ, при смѣшеніи *ѣ* и *е* въ пушкинской рукописи. Во-вторыхъ, параллель прочихъ глаголовъ *чръпахуть, сыпахуть* наводитъ на предположеніе, что и *одѣвахъте* могло быть искажено изъ *одѣвахуть*.

Символика сна — вино означающее печаль, черная па-

---

[1]) Извѣстно, что въ ново-болгарскомъ 2-е лицо множ. ч. прошед. вр. исходитъ на хте, вмѣсто цсл. сте: плетохте, клехте, писахте, брахте. Встрѣтивъ этотъ болгаризмъ въ болгарско-византійскомъ источникѣ, изъ котораго онъ почерпнулъ символику сна, авторъ Слова могъ сохранить форму одѣвахте безсознательно, а какой нибудь переписчикъ, привыкшій ставить ъ послѣ х въ глаголахъ въ окончаніи перваго лица, поставилъ эту букву и въ одѣвахъте, вслѣдствіе чего получилась невозможная форма.

полома, жемчугъ, означающій слезы—разобрана кн. Вяземскимъ и потому на ней считаемъ лишнимъ останавливаться (см. Замѣч. на С. о П. И., стр. 265 и слѣд.). Обратимъ вниманіе лишь на послѣднія слова князя: *всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю.*

Не высказывая притязанія разгадать загадку о *дебри* и *кисани*, считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія на соотвѣтствіе этихъ словъ съ отвѣтомъ бояръ. Не трудно замѣтить, что отвѣтъ бояръ согласуется съ отдѣльными чертами сна и даетъ послѣднимъ реальное объясненіе.

Князь говоритъ: прошлой ночью съ вечера я покрывалъ себѣ темя черною паполомою на тисовой кровати; мнѣ черпали синее вино съ отравой смѣшанное (вино=кровь, пролитая русскими) [1]); мнѣ сыпали крупный жемчугъ на лоно изъ пустыхъ колчановъ поганыхъ Толковинъ (жемчугъ=слезы, происшедшія отъ стрѣлъ поганыхъ Половцевъ).

Бояре толкуютъ: черная паполома, которою князь покрывалъ себѣ темя, приснилась потому, что туга (печаль) *умъ* полонила. Причина печали—пораженіе и плѣнъ двухъ князей: ибо два сокола слетѣли съ отня злата стола, поискать града Тьмутороканя, либо испить шеломомъ Дону; уже соколамъ крылья обрубили саблями поганыхъ (поганыхъ Толковинъ), а самихъ опутали пути-

[1]) Ту кроваваго вина не доста.

нами желѣзными. Темно было въ 3-й день [1]): два солнца померкли, оба багряные столпа погасли (т. е. Игорь и Всеволодъ) и съ ними два молодыхъ мѣсяца, Олегъ и Святославъ, поволоклись тьмою и въ море погрузились и великую дерзость придали хину.

Эти слова бояръ объясняютъ Святославу, почему ему приснилось, что въ его теремѣ златоверхомъ доски лишены кнѣса (князя): его княжескій домъ лишился дѣйствительно князей. Замѣтимъ, что въ отвѣтѣ бояръ мы переставливаемъ нѣкоторыя слова согласно грамматическому и логическому строю; именно, слова—на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, по руской земли прострошася Половци акы пардуже гнѣздо—мы помѣщаемъ послѣ вышепереведенныхъ, какъ уже предлагали нѣкоторые издатели. Быть можетъ, всѣ эти слова позднѣйшая глосса, вставленная неумѣстно какимъ нибудь читателемъ, быть можетъ, они были и въ подлинникѣ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ оказываются теперь. При нашей перестановкѣ становится понятна форма двойственнаго числа у глагола *погрузиста,* которая неумѣстна при подлежащемъ *Половци,* а вмѣстѣ дѣлается излишней поправка г. Тихонравова *и* (*и* въ морѣ погрузиста) на *ихъ.* Если бы уже требовалась поправка,

---

[1]) Въ этихъ словахъ мы видимъ продолженіе разсказа бояръ, между тѣмъ какъ г. Тихонравовъ кончаетъ этотъ разсказъ словами „путины желѣзны". На послѣднихъ словахъ отвѣтъ бояръ не можетъ быть конченъ: сначала они говорятъ о князьяхъ аллегорически, называя ихъ соколами, за тѣмъ поясняютъ, кого разумѣютъ подъ соколами.

то во всякомъ случаѣ удобнѣе замѣнить *и* словомъ *жиръ*: *жиръ* въ морѣ погрузиста; ср. нѣсколько выше: иже погрузи *жиръ* во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя.

Далѣе бояре указываютъ на бѣдственныя послѣдствія пораженія Игоря, въ словахъ, которыхъ мы уже касались выше [1]: уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса дивь на землю. Эти слова составляютъ естественное продолженіе мысли объ участи князей и соотвѣтствуютъ, какъ и прежнія, тому же мѣсту сна.

Но сонъ, въ передачѣ князя, содержалъ еще нѣкоторыя подробности: всю ночь *босуви* вороны каркали у Плѣсенска на болони (на городскомъ лугу) *бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю*. Этимъ загадочнымъ словамъ соотвѣтствуетъ окончаніе въ отвѣтѣ бояръ: се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ: поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. Аналогію или искусственное приравненіе не трудно замѣтить. Тамъ каркали вороны, здѣсь—поютъ готскія дѣвы, тамъ вороны названы *босуви*, здѣсь—дѣвы поютъ время *Бусово*, тамъ синее море и здѣсь синее море; тамъ загадочное дебрь *кисаню*, здѣсь—месть *Шароканю*. Замѣтна искусственная игра созвучіями, подобно тому, какъ авторъ выше воспользовался созвучіемъ *кнѣса* и *князя*. Хотя эти аналогіи не выясняютъ загадочной дебри *кисаню*, но все же подтверждаютъ наше мнѣніе, что отвѣтъ бояръ кончается не тамъ, гдѣ оканчиваетъ его г. Тихонравовъ.

---

[1]) См. стр. 87 и слѣд.

Всѣ попытки объяснить загадочныя слова—бѣша дебрь кисаню — равно неудачны и никогда не будутъ удачны, потому что эти слова сильно искажены какимъ нибудь неумѣлымъ переписчикомъ. Можно догадываться, что вмѣсто *несошлю* слѣдуетъ читать *несоша ю* (л изъ л), но смыслъ отъ этого не выигрываетъ. Кромѣ грамматическихъ затрудненій, (напр. множ. бѣша при един. дебрь) здѣсь и реальныя: почему вороны каркаютъ у города Плѣсенска въ галицкомъ княжествѣ? Очевидно здѣсь намекъ на какое то происшествіе въ этой области, случившееся одновременно съ пораженіемъ Игоря, но какое это происшествіе — объ этомъ лѣтописи умалчиваютъ. Съ грамматической стороны можно замѣтить также, что подлежащее отъ глагола *несоша* и *бѣша* (вѣроятно испорченнаго изъ чего нибудь другаго) вѣроятно *врани*. Это видно изъ соотвѣтствующихъ выраженій въ отвѣтѣ бояръ: готьскыя красныя дѣвы *въспѣша* (възграяху), *поють* время Бусово (бѣша?) и *лелѣють* месть Шароканю (несоша). Злорадныя пѣсни этихъ дѣвъ сравниваются съ карканіемъ воронъ, и какъ дѣвы поютъ на берегу синяго моря, радуясь добытому русскому злату, такъ вороны что-то такое (ю) добыли и несутъ къ синему морю.

Босуви врани. Обыкновенно *босуви* считаютъ искаженіемъ и предполагаютъ, что въ подлинникѣ было *бѣсови*. Хотя такая поправка дала бы удовлетворительный смыслъ, но трудно предположить, чтобы какой нибудь писецъ могъ передѣлать легкое чтеніе *бѣсови* на трудное и непонятное *босуви*. Рѣдкое и малоупотребительное слово перемѣняютъ

иногда на общеупотребительное, а не на оборотъ. Поправки кн. Вяземскаго—*бо соуи* (ибо суетные, вздорные), *бо сути и* (сжпъ—γύψ, vultur), *бо сови* равно неудовлетворительны. Наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется слѣдующее: слово *босуви*, эпитетъ птицы трудно отдѣлить отъ слова *босый*, эпитета волка: (Игорь) въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него *босымъ* влъкомъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ это прилагательное имя болѣе ясно и можетъ разъяснить смыслъ загадочнаго *босуви*. *Босый* волкъ безъ сомнѣнія искажено изъ *боусый* влъкъ. *Бусый* (областное слово) означаетъ, по Далю, темно-голубосѣрый, избурасѣрый, буродымчатый, буропепельный, темнобурый съ синевою, сизобурый; *буско* животное бусой шерсти, особенно темнодымчатая кошка; *бусовá* темная синева неба до восхода и по закатѣ солнца; *бусѣть* или *бусовѣть* — синѣть, сѣрѣть, темнѣть, чернѣть. Эти значенія слова *бусъ* вполнѣ подходятъ къ цвѣту шерсти волка и искать другаго объясненія кажется излишне. Но подходитъ ли это значеніе и къ ворону? Повидимому нѣтъ, ибо воронъ чернаго цвѣта и называется таковымъ въ самомъ «Словѣ»: и тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине! Но это кажущееся противорѣчіе можно устранить слѣдующимъ предположеніемъ. Зоологи различаютъ между чернымъ вóрономъ (corax nobilis), черною ворóною (corvus corone) и сѣрою или обыкновенною ворóною (corvus cornix), этими тремя видами, распространенными въ Европѣ. Такихъ различій не всегда придерживается народъ. Самое имя *ворóна* женскій родъ отъ *вóронъ* характеризуетъ взглядъ народа на

этихъ птицъ: ворóна (сѣрая и черная) считается обыкновенно самкою вóрона, при чемъ различіе въ окраскѣ перья объясняется такъ же, какъ отличіе курицы отъ пѣтуха, индюшки отъ индюка, павы отъ павлина и т. д. Подъ общимъ именемъ *воронья* разумѣются не только вóроны и ворóны, но и галки, грачи (см. Даля). Народъ не замѣчаетъ различія въ образѣ жизни вóроновъ и ворóнъ: вóроны летаютъ обыкновенно пáрами, а не стаями, и весь вороній родъ, весьма дружный между собой (ворóны, галки, грачи), не принимаетъ вóроновъ въ свое общество, а постоянно во враждѣ съ ними (Бремъ III. 362). Изъ такого смѣшенія видовъ кажется можно объяснить и эпитетъ *босуви* врани: здѣсь подразумѣваются авторомъ не черные вóроны, а ворóны сѣрыя. Подтверждается это предположеніе тѣмъ, что этимъ сѣрымъ ворóнамъ, каркающимъ у Плѣсенска, соотвѣтствуютъ въ толкованіи сна такъ же существа женскія, готскія дѣвы, поющія на берегу синяго моря. Какъ черный воронъ олицетворяетъ Половчина, такъ сѣрая ворóна—готскую дѣву. Намъ скажутъ, что слѣдовало бы въ такомъ случаѣ читать *враны бусовы*, а не *врани бусови*, но въ самомъ «Словѣ» *ворóны* и *вóроны* не различаются и мужская форма подразумѣваетъ и самокъ, каковыми представляются народу *ворóны* относительно *вóроновъ*. Еслибъ авторъ различалъ оба вида, онъ не преминулъ бы это сдѣлать тамъ, гдѣ перечисляетъ вороній родъ, напримѣръ:

Тогда *врани* не граахуть,
Галици помлъкоша.
Сорокы не троскоташа.

Неужели подъ *врани* подразумѣваются лишь черные во́роны, а сѣрыя воро́ны, этотъ гораздо болѣе распространенный видъ, вовсе исключенъ изъ списка? Итакъ въ *босуви* врани слѣдуетъ видѣть сѣродымчатыхъ воро́нъ и исправить *босуви* въ *бусови*. Это исправленіе можно подкрѣпить слѣдующими доводами: 1) На присутствіе у (ꙋ҆) послѣ *б* указываетъ игра словъ *босови врани* и *время бусово*. 2) На существованіе имени прилагательнаго *бусовъ* при *бусый* указываетъ глаголъ бусов-ѣть при *бусѣть*. 3) Появленіе *о* послѣ *б* вмѣсто *у* объясняется перестановкой гласныхъ въ обоихъ слогахъ: изъ *бусови* писецъ, незнакомый съ этимъ словомъ, сдѣлалъ *босуви*. Что же касается искаженія *бусымъ* влъкомъ въ *босымъ* влъкомъ, то можно предположить, что либо писецъ хотѣлъ осмыслить непонятное ему слово болѣе понятнымъ, хотя и неумѣстнымъ, либо принялъ ꙋ҆ за *о*, какъ въ другихъ случаяхъ: срав. *подобію* вм. *подꙋ҆бію*, *Шароканю* вмѣсто *Шарꙋ҆каню*.

Кстати о послѣднемъ словѣ.

Шаруканъ названіе одного изъ князей половецкихъ, главы своего рода: Шаруканъ имя не личное, а родовое: два брата Шаруканя упоминаются Владиміромъ Мономахомъ въ числѣ *лѣпшихъ* князей половецкихъ, выпущенныхъ имъ изъ оковъ; какой то Шаруканъ *старый* воевалъ съ русскими князьями въ 1107 году, былъ разбитъ съ другими князьями и *едва утече;* подъ 1111 годомъ упоминается половецкій городъ *Шарукань* гдѣ то у Дона, сдавшійся русскимъ князьямъ (Ипат. Лѣт.); а въ 1116 г.

Ярополкъ Владимировичъ и Всеволодъ Давыдовичъ снова берутъ этотъ городъ (Шаруканъ) въ числѣ двухъ другихъ половецкихъ городовъ, Сугрова и Балина (Ипат. л.). Изъ этихъ фактовъ можно вывесть, что князья Шаруканы съ родомъ своимъ жили или кочевали у Дона, гдѣ стоялъ ихъ родовой улусъ, носившій ихъ имя. Вѣроятно этотъ родъ потерпѣлъ отъ русскихъ князей, особенно во времена Мономаха, нѣсколько пораженій и имѣлъ основаніе питать особенную вражду противъ Руси. Теперь, послѣ пораженія Игоря, когда Половцы, *акы пардуже гнѣздо*, простерлись по Руси, месть рода Шаруканова была свершена и готскія дѣвы въ улусахъ половецкихъ славятъ эту месть.

Мы уже указали выше, что вѣщіе сны обычны византійскимъ произведеніямъ. Книжный характеръ сна Святославова дѣйствительно весьма ярокъ, и для насъ по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что начало его заимствовано авторомъ *Слова* изъ того же источника, откуда взятъ Боянъ и Троянъ. Отсюда естественно встрѣтить въ этомъ снѣ символику, игру словъ и нѣкоторыя выраженія книжнаго свойства, какъ *паполома* и *пардуже гнѣздо*. Первое слово есть греческое πέπλωμα, употребляющееся (у трагиковъ Эсхила, Софокла, Еврипида) въ значеніи *одѣянія, облаченія*. Къ намъ оно перешло книжнымъ путемъ въ значеніи покрывала надъ покойникомъ и едва ли было въ общемъ употребленіи. Ср. въ Кормчей 1282 г.: вьрху же мьртвьца простирается два *паполома*. Изъ чисто русскихъ источниковъ это слово неизвѣстно. Второе выраженіе такого же происхожденія. Иноземный звѣрь лео-

пардъ носилъ и иноземное имя, греч. πάρδος. Пардусы (охотничьи леопарды) на Востокѣ и въ Византіи содержались для охоты (см. напр. поэму о Дигенисѣ, книга V, ст. 1396, гдѣ говорится, что отецъ Евдокіи въ числѣ другихъ даровъ далъ Дигенису двѣнадцать отборныхъ пардусовъ, пріученныхъ къ охотѣ (δώδεκα πάρδους διαλεκτούς). На Руси *пардусъ* былъ рѣдкимъ заморскимъ звѣремъ и цѣнился высоко: въ лѣтописи подъ 1147 и 1159 гг. онъ упоминается въ числѣ драгоцѣнныхъ даровъ, предлагаемыхъ князьями другъ другу. Въ Азбуковн. имя иностраннаго звѣря толкуется названіемъ русскаго: пардусъ, звѣрь *рысь*. Половцы сравниваются съ *пардусами* по кровожадности и вѣроятно по быстротѣ въ набѣгахъ. Книжность этого сравненія явствуетъ изъ одной статьи (Указъ Господа нашего Іисуса Христа. Вопросъ и отвѣтъ), помѣщенной проф. Тихонравовымъ во 2-мъ т. *Памятниковъ отреченной русской литературы* (стр. 447): вопросъ: како суть языкомъ части, каковъ кой языкъ? Ѳругъ левъ есть, аламанинъ орелъ есть, саракининъ вепрь есть, турчинъ змія есть, арменинъ гущерь есть, сирьянинъ зубрь есть… *куманинъ пардосъ есть,* болгаринъ быкъ есть, сербинъ волкъ есть, грекъ лисица есть и т. д. Это перечисленіе находится и въ одномъ *сербскомъ* сборникѣ (рук. XVI в.), принадлежащемъ Миклошичу.—Вмѣсто *пардуже* мы ожидали бы прилаг. *пардуше* отъ *пардусъ*.

А самою опуташа въ путины желѣзны. Варіантъ Арх. списка *самого* вмѣсто *самаю,* какъ напечатано въ 1-мъ изданіи, показываетъ, что въ оригиналѣ стояла пра-

вильная форма *самою,* родит. пад. двойств. числа вмѣсто винит. При сходствѣ *о* и *а* въ начертаніи пуш. рукописи не трудно объяснить искаженіе *самою* въ *самаю.*

Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса дивь на землю. Снесеся — снеслась, т. е. спустилась внизъ: метафора взята вѣроятно отъ птицы, бросающейся сверху внизъ на добычу (срав. *свиваясь*); *тресну* = ударила, срав.: да не мльние *трѣсноуть* иже сицева дѣющее; или: яко отъ грома *тресновенъ бысть* (см. слов. Миклошича, s. v.); *нужда* — сила, насиліе (vis, tormenta, injuria). Мы переводимъ: уже спустился позоръ на славу, уже ударило насиліе на свободу. О *дивѣ* см. выше.

Злато слово слезами смѣшено. Передъ *слезами* выпалъ предлогъ *съ, с',* явленіе довольно обычное и объясняющееся тѣмъ, что слѣдующее слово начинается тою же буквою. *Злато* какъ эпитетъ *слова,* книжная черта. Срав. слова: *златословъ* = χρυσόστομος, *златорѣчивъ* = χρυσοῤῥήμων. Въ сербск. Діоптрѣ по рукоп. XV в. читается: иоаньнъ *златый* езыкомь и оусты (см. Миклошича, s. v. златъ).

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ — о *мыти* см. выше стр. 53 и 54.

Се у Римѣ кричатъ подъ саблями Половецкыми.

Уже давно рѣшено, что здѣсь намекъ на событія въ городѣ Римовѣ, взятомъ Половцами послѣ пораженія Игоря. Этотъ городъ упоминается въ Ипат. лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за пораженіемъ сѣверскихъ

князей, а также въ поученіи Владиміра Мономаха. Но странно, что всѣ издатели, не исключая и г Тихонравова, читаютъ *Уримъ*, находя здѣсь, вѣроятно, варіантъ названія Римъ. Откуда явилась такая приставка? Достаточно взглянуть въ лѣтописи, чтобъ рѣшить, что *у* предлогъ *въ* и что слѣдуетъ читать у Римѣ, т. е. въ Римѣ, въ Римовѣ.

Ипат. лѣт. по 1091 годомъ:

В се же лѣто волъхвъ явися *у* Ростовѣ і погибе.

Подъ 1091:

В си же времена бысть знаменье *у* небесѣ.

У се же лѣто ведро бяше, яко ізгаряше земьля...

У се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль,

У си же времена мнози человѣци умираху различными недуги...

Подъ 1139:

Ростислава Гюрдевича Новгородци посадиша в себе...

Того жъ мѣсяца въ 24, *у* срѣду мясопустную...

Переходъ *в* въ *у* и обоюдное замѣщеніе этихъ звуковъ составляетъ черту южно-русскаго говора, восходящую уже къ XII вѣку.

Дубенскій догадывался, что Уримъ не одно, а два слова, но считалъ *Римъ* за род. пад. множ. числа отъ plur. tant. *Римы*, а *у* за предлогъ *у*. Но изъ мѣстъ лѣтописи можно вывесть только формы—*Римъ* (к Римови) и *Римовъ* (идохомъ на вои ихъ за Римовъ) и потому естественнѣе предположить, что переписчикъ или издатели приняли ѣ за ъ.

VIII

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

Въ словахъ *не мыслію ти прелетѣти* чувствуется какая-то неловкость. Очевидно нельзя переводить: *тебѣ не перелетѣть мыслію издалеча,* хотя всѣ эти слова находятся въ текстѣ. Такому переводу противорѣчитъ мѣсто, занимаемое словомъ *мысль.* На этомъ основаніи нѣкоторые изслѣдователи видятъ здѣсь вопросительный оборотъ. Проф. Тихонравовъ, сознавая испорченность мѣста, предлагаетъ читать: не *мыслиши* прелетѣти; но по интерпункціи, принятой имъ, очевидно не считаетъ это предложеніе вопросительнымъ. Согласно съ этой поправкой получается смыслъ: не мыслишь ты прилетѣти издалека, поберечь отцовскій золотой престолъ, *ибо* ты можешь Волгу веслами расплескать, а Донъ шеломами вылить. Всякій ожидалъ бы вмѣсто *ибо* другаго союза, напр. *хотя.* Союзъ *бо* предполагаетъ, что *не мыслію ти прелетѣти* не есть упрекъ Всеволоду за равнодушіе къ судьбѣ отцовскаго престола. Смыслъ разбираемаго воззванія сосредоточенъ на словѣ *мыслію,* стоящемъ на первомъ мѣстѣ. Значитъ ли *перелетѣть мыслью*—перелетѣть *мысленно* или перелетѣть *какъ мысль, съ быстротою мысли?* Думаемъ, что послѣднее вѣрнѣе, ибо чрезъ

то, что Всеволодъ перенесется мысленно, онъ еще не можетъ защитить отцовскій престолъ. Авторъ требуетъ, чтобъ онъ дѣйствительно перелетѣлъ на мѣсто дѣйствія, такъ быстро, какъ мысль, ибо онъ (Всеволодъ) можетъ это сдѣлать: онъ Волгу можетъ раскропить и Донъ вычерпать. Понятно, что такому сказочному богатырю ничего не стоитъ перелетѣть, какъ мысль, издалека. При такомъ пониманіи, слово *мыслію* не можетъ быть измѣнено въ *мыслиши* и требуется другая поправка: слѣдуетъ, кажется, послѣ *мыслію* поставить вопросительную частицу *ли*, которая могла выпасть подъ вліяніемъ *ли* въ предшествующемъ словѣ (мыслиюли), т. е. не перелетѣть ли тебѣ съ быстрой мысли.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Чтеніе *васъ* имѣетъ и пушкинское изданіе и архиви. списокъ. Предположить, что издатели не разобрали, что въ подлинникѣ было *ваю*, нѣтъ достаточныхъ основаній. Умѣли же они прочесть *ваю* въ другихъ мѣстахъ. Скорѣе можно предположить, что авторъ «Слова» не совсѣмъ точно употребилъ множ. число вмѣсто двойственнаго, что, какъ извѣстно, встрѣчается сплошь и рядомъ въ памятникахъ уже XII-го вѣка. Передъ *васъ* могъ стоять предлогъ *въ*, который весьма часто пишется безъ твердаго знака, просто *в*. Это *в* исчезло подъ вліяніемъ буквы *в*, съ которой начинается слѣдующее слово—*васъ*.

Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

Птицю дат. пад. ед. ч. (отъименит. *птиць*), управляемый правильно глаголомъ *одолѣти*. Срав. въ Ипат.

лѣт. (стр. 195): и одолѣеть Михаилъ противнику; (стр. 479): одолѣвша всимъ поганiскымъ языкомъ.

Но уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ.

Проф. Тихонравовъ приводитъ для объясненія *утрпѣ* глаголъ цсл. оутрьпнѫти—коченѣть. Но въ выраженіи—свѣтъ солнца коченѣетъ—чувствуется какая-то неуклюжесть. Другіе прибѣгаютъ къ глаголу *утрьпѣти*—потерпѣть, утратить; но этотъ глаголъ былъ бы умѣстенъ только съ поправкой *Игорь,* вмѣсто *Игорю:* Игорь утратилъ солнечный свѣтъ. Предлагаемъ догадку, основанную на сербскомъ языкѣ: у сербовъ употребителенъ глаголъ утр(п)нути въ значеніи—гасить; наприм. *свиjетjу*—свѣчу, *ватру*—огонь (см. Слов. Караджича, s. v.) [1]. Не употреблялся ли и въ древне-болгарскомъ глаголъ *оутръ(п)нѫти* съ тѣмъ же значеніемъ? Въ такомъ случаѣ, мы получили бы для выраженія въ *Словѣ* весьма простой смыслъ: но уже, о князь Игорь! *погасъ* солнца свѣтъ: Срав. выше: на рѣцѣ на Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыла; два *солнца* помьркоста.

Не худа гнѣзда шестокрилци. Не вдаваясь въ соображенія о томъ, откуда впервые явилось представленіе о шестокрыльцахъ, замѣтимъ только, что въ «Слово» это представленіе попало не изъ нашей миѳологіи, а заимствовано изъ литературнаго источника. Болгарскій сборникъ царя Симеона (1076) переводитъ шестокрыльцемъ греч. ἑξαπτέρυγος. Этотъ образъ попалъ въ народныя

[1]) Срав. въ ново-болгарскомъ: слѫнце-то трепти да зайди. Сборн. Миладиновцевъ, стр. 162.

болгарскія представленія и въ пѣсняхъ упоминается птица шестикрылая—*пиле шестикрилятна* (см. Dozon — Rapports sur une mission litteraire en Macédoine, стр. 65). Въ одной изъ пѣсенъ сборника Верковича являются два чудные коня — Шестокрилца коне и Лестувица коне, т. е. конь шестокрылецъ и конь ласточка (Веда Словена, стр. 214, № VII). Едва ли можно сомнѣваться въ византійско-болгарскомъ происхожденіи *шестокрилца* въ *Словѣ*.

IX

И с хотию на кровать и рекъ. Что *хотію* твор. пад. ед. ч. отъ *хоть,* возлюбленная, жена, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но все-таки смыслъ остается загадкою, потому что очевидно здѣсь пропускъ. Отъ глагола *рекъ* едва ли подлежащимъ можетъ быть Изяславъ, *притрепанный* литовскими мечами. Изъ обращенія *княже* въ дальнѣйшихъ словахъ — дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша — видно, что говоритъ не самъ князь о своей судьбѣ, а кто-то другой. Эти слова произноситъ отъ себя авторъ *Слова.*

Которою бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи. *Которою* твор. ед. отъ *котора*—раздоръ, усобица, т. е. чрезъ усобицу вашу было насиліе отъ земли половецкой.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони и скочи

къ граду Кіеву и т. д. О седьмомъ вѣкѣ Трояна см. выше стр. 105. Загадочность всего разсказа о Всеславѣ, какъ мы предположили выше, зависитъ отъ того, что авторъ *Слова* подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпическаго богатыря и перенесъ на полоцкаго князя черты, въ которыхъ изображенъ былъ этотъ неизвѣстный намъ богатырь въ болгарскомъ произведеніи. На счетъ этой миѳической личности нужно отчислить седьмой вѣкъ Трояновъ, метаніе жребія о дѣвицѣ и скаканіе къ городу. Всеславъ, метнувшій жребій о дѣвицѣ, напоминаетъ тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ или на стѣнѣ, удалымъ скачкомъ коня. Заимствованность нѣкоторыхъ чертъ, изображающихъ Всеслава, видна изъ выраженія *вѣкъ Трояновъ* и нѣсколько далѣе изъ словъ — *клюками подпръся о кони.* Проф. Колосовъ (Филологич. Записки. 1874. II, стр. 17) принимаетъ слово *клюка* въ значеніи чудеснаго костыля (костыль дорогъ рыбей зубъ), который составляетъ въ нашихъ былинахъ аттрибутъ каликъ перехожихъ. Проф. Тихонравовъ находитъ возможнымъ примириться съ отвлеченнымъ значеніемъ этого слова—*хитрость, обманъ*. Но конечно всего проще объясняется *клюка* болгарскимъ *клъкъ*, кл҄ка, — бедро, ляжка, шевкель, *клъка ножная;* клѣквамъ—сгибаю колѣна. Въ одной болгарской пѣснѣ (въ сборн. Безсонова, № XXIII т. I, стр. 117) читаемъ слѣдующее описаніе дружины:

Пушки (ружья) тѣ имъ на рамени,
Пушки на голи рамени,

На голи гржди пиштове (пистолеты),
На голи *клъки* паласки (сумки съ порохомъ).

Первоначальное клжкъ перешло въ сербское кук — das Hüftbein, os coxae см. Слов. Караджича). Носовой звукъ сохранился въ польскомъ klęczeć — стоять на колѣнахъ (*клянчить*) [1]. Итакъ — клюками опръся о кони — значитъ: сжалъ коня бедрами.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ; утрь же воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду...

Авторъ припоминаетъ нѣкоторые эпизоды изъ біографіи Всеслава, хотя и не въ хронологическомъ порядкѣ. Событія, происшедшія въ разное время, сгруппировалъ онъ вмѣстѣ, чтобъ рельефнѣе выставить изворотливость, предпріимчивость и быстроту движеній этого князя. Убѣжавъ въ *полночь* подъ покровомъ синей мглы изъ Бѣлагорода, онъ утромъ (утрь же) вонзилъ стрикусы и отворилъ ворота Новугороду. Нѣкоторые издатели соединяютъ *утръже* въ одно слово, считая его прошедшимъ временемъ отъ глагола *оутрьгнжти*—оторвать; но предшествующее *въ плъночи* указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ *утромъ*. Таинственное *воззни,* при правильномъ пониманіи *утрь же,* должно быть глаголомъ и объясняется всего легче какъ искаженіе изъ *вонзи* — вонзилъ. Отказываясь поправить испорченное *стрикусы,* замѣтимъ только, что корень

---

[1]) Срав. наше колча—хромой, колченогій, колчить—хромать, ковылять.

едва ли испорченъ; это тотъ корень, который мы имѣемъ въ словахъ: *стрѣкало* (stimulus), *стрѣка, стрѣкъ, стрѣкати* — колоть. *Стрикусы* должны быть какимъ нибудь острымъ орудіемъ, которое вонзаютъ. Если мы обратимъ вниманіе на параллель:

Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго...

и

Утрь же вонзи стрикусы (?), оттвори врата Новуграду, то *вонзи стрикусы* будетъ соотвѣтствовать предыдущему *клюками опръся о кони* и если послѣднее значитъ—*сжалъ коня бедрами,* то *вонзи стрикусы* естественно понимать въ значеніи: вонзилъ шпоры или стрекала.

Великому Хръсови влъкомь путь прерыскаше. О Хорсѣ см. выше стр. 81—86.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Въ этихъ словахъ хотятъ видѣть намекъ на волкодлачью природу Всеслава: хотя вѣщая душа его и въ *другомъ,* (т. е. чужомъ, напримѣръ, волчьемъ) тѣлѣ, но часто онъ терпѣлъ бѣду. Не считая Полоцкаго князя волкодлакомъ, мы не можемъ и здѣсь находить указаніе подобнаго рода. Значеніе слова *друзѣ* не совсѣмъ ясно: по аналогіи другихъ случаевъ въ томъ же памятникѣ, мы ожидали бы прилагательное полнаго окончанія. Срав. *другаго дни,* ни *другаго* Всеволода, бишася *другый,* а *друзіи* Давидовы. Употреблялъ ли авторъ *Слова* краткую форму *другъ* въ смыслѣ—alius?

Но сомнѣваясь въ правильности вышеприведеннаго объ-

ясненія, не умѣемъ замѣнить его другимъ, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ выраженіе *тѣло милое, дорогое*, (φίλον σῶμα) скорѣе можно ожидать у Гомера, чѣмъ въ русской поэзіи. Не искажено ли *друзѣ тѣлѣ* изъ *дрьзѣ тѣлѣ*, т. е. отважномъ тѣлѣ? Аналогіей могло бы служить въ томъ же *Словѣ* выраженіе: единъ же изрони жемчюжну душу изъ *храбра* тѣла.

Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божіа не минути. О книжномъ характерѣ этой припѣвки см. выше стр. 65—68. Изъ почти тождественныхъ выраженій въ позднѣйшей редакціи *Слова о Даніилѣ Заточникѣ*— суда де Божія ни хитрууму, ни горазну не минути—можно пожалуй заключить, что слова *ни птицю горазду* позднѣйшая вставка. Впрочемъ, если мы и не заподозримъ этихъ словъ, ихъ можно осмыслить слѣдующимъ образомъ: птица, уносясь на воздухъ отъ опасностей, угрожающихъ ей на землѣ, отличаясь быстротой и ловкостью, можетъ, по представленію автора припѣвки, скорѣе уйти отъ когтей преслѣдующей ее смерти (суда), чѣмъ самый быстрый человѣкъ. Какъ отъ суженаго на *конѣ* не ускачешь, такъ отъ смерти *птицей* не улетишь: смерть догонитъ и быстраго коня и ловкую, юркую, птицу.

X

Копіа поютъ на Дунаи. О Дунаѣ см. выше стр. 110—113. Выше мы предположили, что плачъ Ярославны, пред-

ставляя подражаніе чему-то болгарскому, открывается словами какой-то пѣсни югославянской, въ которой дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ. Это предположеніе теперь считаемъ нужнымъ видоизмѣнить, въ томъ смыслѣ, что начало *плача* представляется намъ значительно искаженнымъ. Мы согласны съ княземъ Вяземскимъ (см. Замѣч. на Слово о П. И., стр. 202), что выраженіе о копьяхъ, что они *поютъ*, крайне слабо, ибо копья не брянчатъ. Кажется въ народной пѣснѣ, изъ которой взятъ Дунай и образъ тоскующей жены-кукушки, говорилось не о *пѣніи копій,* а о *поеніи коней.* Въ плачѣ находимъ черты южно-русской поэзіи, въ которой обычно встрѣтить и Дунай, и поеніе коня на Дунаѣ, и тоскующую *зозулю.* Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ сборника изданнаго г. Чубинскимъ [1]):

Іздить казакъ, іздить, блудить,
Підъ казакомъ воронъ коникъ нудить.
Приблудився ажъ до гаю,
Ажъ до *тихого Дунаю.*
Ой ставъ казакъ *коня наповаты,*
Стала надъ нимъ *зозуля* куваты (Часть I, № 66).

—

Ой вийду я за ворота,
Десь мому миленькому не гарпа работа—
Въ тихомъ Дунаю сиві коні напувае (№ 183).

---

[1]) Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западн. отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ. Томъ V. Пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя. Изд. подъ наблюденіемъ Костомарова. 1874.

Дѣвушка говоритъ:

Усі идуть, усі идуть, а мого не маэ,
Изъ тихого *Дунаэчка коня наповаэ* (№ 604).

—

Приблудився казаченько
До зеленого гаю,
До тихенького *Дунаю.*
Ставъ *коника наповати,*
Стала *зозуля* кувати.
«Ой зозуленько сивенька!
Ти скажи мені дорогу,
Куди іхати до роду;
Ой до роду, до родини,
До вірненькоі дружини!» (№ 632).

Въ мало-русскихъ пѣсняхъ часто находимъ и ту черту, что казакъ, поя коня, начинаетъ тонуть въ Дунаѣ и взываетъ къ своей милой:

Якъ приіхавъ до Дунаю,
До широкого гаю,
Ой якъ ставъ милий *коня напувати,*
Тай зачавъ милий съ конемъ потопати.
—Та ратуй мене, мила,
Щось мя вірне любила! (№ 733).

На подобную просьбу о спасеньи дѣвица въ другой пѣснѣ (№ 405) отвѣчаетъ:

«Ой рада-бъ я рятовить,
Нема човна, ні весельця,
Не горнеться мое серце».

Въ виду распространенности мотива поенія коня въ Дунаѣ въ мало-русской поэзіи, едва ли слишкомъ смѣло предположить, что и въ представленіи автора *Слова* носилась эта черта. Изображая тоскующую княгиню, онъ могъ вспомнить родной образъ дѣвицы-зозули, тоскующей по молодцѣ, который вдали, на чужбинѣ, поилъ коня въ Дунаѣ и утопая взываетъ къ своей ладѣ. Этимъ объясняется выраженіе — коня поятъ на Дунаи, — неимѣющее связи съ предыдущимъ и какъ бы выхваченное изъ какого-то другаго цѣлаго. Образъ дѣвицы-кукушки, летающей за водою на Дунай, чтобъ омыть раны раненому молодцу, указали мы выше (стр. 113—116) въ болгарскихъ пѣсняхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ образъ общеславянскій и прибѣгать къ заимствованію изъ болгарскаго источника нѣтъ основанія. Согласно съ этимъ просимъ исправить то, что выше (на стр. 112) сказано о заимствованіи плача изъ болгарскаго источника.

Исправить текстъ разбираемаго мѣста нѣтъ возможности, потому что, кромѣ искаженія, здѣсь вѣроятно и пропускъ. Можетъ быть *копіа поютъ* не искажено изъ *коня поятъ*, а въ текстѣ было и *копіа* и *коня,* причемъ *копіа* относилось къ предыдущимъ словамъ, гдѣ упоминаются *стязи* и *хоботы.* Объ этихъ копьяхъ, быть можетъ, говорилось что нибудь, но это пропущено. Затѣмъ слѣдовали слова о поеніи коней на Дунаѣ и кыченіи зезгицы. Срав. соединеніе того и другаго въ вышеприведенныхъ стихахъ:

Ставъ копика *напoвати,*
Стала зозуля *кувати.*

Но вслѣдствіе пропуска *коня,* сказуемымъ отъ подлежащаго *копіа* сталъ глаголъ *поятъ,* что дало безсмыслицу и побудило какого нибудь справщика измѣнить *поять* въ *поють.* Что дѣйствительно все это начало сильно искажено—видно изъ странной формы *Ярославнынъ* и не менѣе странной *незнаемь.*

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи.

Въ этомъ и другихъ мѣстахъ *Слова* читаемъ мы *а ркучи* вмѣсто *аркучи,* согласно съ замѣчаніями проф. Потебни. См. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (1871), стр. 21 слѣд. и Изъ записокъ по русской грамматикѣ (1874), II стр. 90. Такое употребленіе союза свойственно не только древне-русскому языку, но и другимъ слав. нарѣчіямъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ числа собранныхъ г. Потебней: Пльсковици взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, *а рекуче:* «то вы, а то Новгородьци, а намъ не надобѣ (Новгор. I, 43, 14); Котянъ съ князи Половьцьскыми... одариша князь Русьскыхъ, *а рекуче* тако (ib. 40, 1); се билъ челомъ... *а ркучи* такъ (Акты Юр. 1, 3 и др. XV в.); князь насъ зоветь на Ригу, *а хотя* ити на Пльсковъ (Новг. I, 43, 17). Подобные обороты находятся въ старинномъ польскомъ языкѣ (a rzkącz, a rzekącz, см. Ягича—Archiv für slav. Philologie. II, 1, p. 167).

О Днепре словутицю!... свѣтлое и тресвѣтлое слънце.

Обращенія съ мольбою къ рѣкамъ и солнцу — мотивъ обычный въ народной поэзіи. Въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ дѣвица упрекаетъ Дунай:

Дунаѳе, бѣле Дунаѳе,
Ай да би ми сѣ исушилъ!
Защ' ми г' удави брата ми,
Мои-отъ братецъ Стояна,
Со 'се хиляда сватови и т. д.

(№ 243 въ сборникѣ Миладиновцевъ).

Въ другой пѣснѣ дѣвица Петкана спрашиваетъ у Дуная, не видѣлъ ли онъ ея милаго:

Добро ти утро, Дунаѳе!
Дунаѳе, бѣли Дунаѳе,
Ясъ тебе ке те опитамъ,
Ти менѣ право да кажишъ,
Тако ти морска глобина,
Тако ти польска ширина,
И жити сестра моруна,
Ти право менѣ да кажишъ,
Дали го виде младъ Стоянъ? (№ 396).

Вотъ подобное же обращеніе къ солнцу:

«Сѫнце, мило сѫнце, постой, почекай нѐ!
Дуръ да изминиме три гори зелени,
Три гори зелени, а три яворови,
И три яворови, и три ясенови» (ib. № 238).

Въ болгарской пѣснѣ (№ Y), помѣщенной въ сборникѣ Верковича «Веда Словена», одинъ царь хочетъ перейти море и долженъ биться со змѣемъ, его залегающимъ. Змѣй обращается къ солнцу съ просьбой:

«Солнце, милое солнце!
Пошли мнѣ, солнышко, твою ясную стрѣлу,
Которая испускаетъ сильный огонь,
Чтобъ этой стрѣлой мнѣ поразить враговъ;
Дабы они мое поле не заняли.
Если ты, солнышко, мою мольбу выслушаешь,
И пошлешь мнѣ ясную стрѣлу,
Я свою меньшую сестру
Дамъ тебѣ возлюбленною».

XI

Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти; князю Игорю не быть. Кликну — стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася.

Выраженіе *князю Игорю не быть* не совсѣмъ ясно и вѣроятно испорчено. *Быть* едва ли неокончательное наклоненіе, такъ какъ нѣтъ другаго примѣра въ *Словѣ* употребленія окончанія *ть*, вмѣсто *ти*, въ этомъ наклоненіи, хотя случай очевидно могъ бы представиться, ибо форма на *ти* встрѣчается болѣе 35 разъ. Думаемъ, что вмѣсто *быть* слѣдуетъ читать *бысть*, причемъ выпало какое-то другое слово, соотвѣтствующее предшествующему *разумѣти:* Овлуръ *свиснулъ* за рѣкою, даетъ князю знакъ, но Игорю не было слышно. Тогда Овлуръ кликнулъ и земля загудѣла, трава зашумѣла, половецкія юрты заколыхались,

для того чтобъ заглушить его крикъ, который такимъ образомъ былъ услышанъ только однимъ Игоремъ. Вмѣсто *въшумъ* исправляютъ *въстумъ*, но эта поправка совершенно ненужна. Конечное *з* предлога *въз* передъ слѣдующимъ *ш* выпадаетъ по законамъ цслав. благозвучія и *възшумѣти* должно перейти въ *въшумѣти*. См. этотъ глаголъ у Миклошича, s. v.

Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца... Въ предложной приставкѣ *въ* при глаголѣ *връжеся* нѣтъ надобности, въ виду слѣдующаго предлога *на*. Срав. връжеса дивь на землю. Полагаемъ поэтому, что *въ* либо просто описка, либо испорчено изъ предлога *въз*, указывающаго на движеніе вверхъ. Срав. възврьзи на господа печаль твою; възвръже ризы своѩ на жрѣбѧ (Mikl., s. v. възврѣшти). О словѣ *бусъ* см. выше стр. 220—223.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ.

Для уясненія этого мѣста, проф. Тихонравовъ дѣлаетъ изъ двухъ словъ — ростре на — одно: рострена, изъ одного — кусту — два: к усту, и ставитъ послѣ слова *Днѣпръ* вопросительный знакъ, такъ что слова *темнѣ березѣ* относятся уже къ дальнѣйшему предложенію: плачется мати Ростиславля.

Такимъ образомъ получается слѣдующій переводъ: «Не такъ ли (разсказываютъ) Стугна рѣка, бѣдная водою (худу струю имѣя), пожравши чужіе ручьи и къ устью (к усту)

расширенная (ростреиа) волнами (струги), затворила Днѣпръ юношѣ князю Ростиславу?» Хотя этотъ переводъ достигается безъ крупныхъ поправокъ текста, однако съ грамматической стороны можно сдѣлать противъ него возраженія. Во 1-хъ, слова *усто* или *устъ*, въ значеніи устья неизвѣстны въ древне-русскомъ языкѣ; во 2-хъ, отъ слова *струга*—волна—не можетъ быть творит. пад. мн. ч. на *ы*, вмѣсто *ами*; въ 3-хъ, *темнѣ березѣ* не можетъ быть мѣстнымъ падежомъ безъ предлога. Мѣстный *безъ* предлога для слова *берегъ* можно бы пожалуй встрѣтить въ Супрасльской рукописи, но не въ русскомъ языкѣ XII в. Собственныя имена городовъ не могутъ служить доказательствомъ употребительности безпредложнаго мѣстнаго падежа и для нарицательныхъ именъ. (Срав. въ самомъ *Словѣ:* ту ся брата разлучиста *на* брезѣ быстрой Каялы; въспѣша *на* брезѣ синему морю, *на* своихъ сребреныхъ брезѣхъ).

Кромѣ грамматическихъ затрудненій есть и другія. Уноша Ростиславъ потонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, переправляясь черезъ нее во время половодья. Вспоминая объ этомъ печальномъ событіи и укоряя злую рѣку Стугну, неужели авторъ могъ выразиться такъ темно и глухо о поступкѣ рѣки и укорять ее не за потопленіе князя, а за то, что Стугна затворила для Ростислава рѣку Днѣпръ? Вѣдь еслибъ изъ лѣтописи мы не знали, что юный князь утонулъ въ Стугнѣ, мы изъ этого мѣста *Слова* не могли бы узнать о его участи: о потопленіи здѣсь не говорится ни слова, а прегражденіе доступа къ Днѣпру возможно и безъ потопленія. Но, не соглашаясь съ дѣленіемъ словъ и

интерпункціей проф. Тихонравова, нельзя представить болѣе правильнаго привода безъ поправокъ пушкинскаго текста. Намъ кажется удачною поправка, сдѣланная кн. Вяземскимъ (см. Замѣчанія на Слово о П. И., стр. 442): уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ. Только вмѣсто мѣстнаго падежа безъ предлога (днѣ) мы поставили бы *въ днѣ,* по аналогіи другаго мѣста: иже погрузи жиръ *во днѣ* Каялы рѣки половецкыя. Такимъ образомъ исправляется вторая половина темнаго мѣста и остается объяснить первую—*и стругы ростре на кусту.* За отсутствіемъ слова *усто,* слѣдуетъ считать *кусту* за одно слово въ мѣстномъ падежѣ на *у. Стругою,* по свидѣтельству Максимовича, въ Поднѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или кемышемъ. По словарю Миклошича цсл. строуга—теченіе, волна, словин. struga—ложе рѣки, чеш. strouha—протокъ, канава, польск. struga—(дождевой) ручей, протокъ воды, нижне-лужицк. tšuga — канава. Принимая *стругы* въ томъ значеніи, въ какомъ до сихъ поръ это слово употребляется въ Поднѣпровьѣ, разбираемое мѣсто слѣдуетъ понимать такъ, что вслѣдствіе наводненія *струги,* т. е. протоки между плавнями и островками, поднялись и залили кусты, камышъ и деревья, растущіе на плавняхъ и берегахъ. Глаголъ *ростре* — соб. растерла не совсѣмъ подходитъ и быть можетъ искаженъ изъ *простре.*

Итакъ, только при значительныхъ поправкахъ наше мѣсто получаетъ грамматическую правильность и удовле-

творительный смыслъ: не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла волны (протоки) на кустарникъ и юношу князя Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу.

Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша толко, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.

Общепринятый переводъ—сороки не трещали, а только ползали по лозію, т. е. по прутью, хворосту—не удовлетворителенъ. Едва ли какой нибудь поэтъ, не закрывающій глаза свои передъ картинами природы, могъ бы, говоря о сорокахъ, выразиться, что онѣ *ползаютъ*, а не скачутъ. Сорока не принадлежитъ къ лазунамъ, какъ дятелъ, и не можетъ ползать по деревьямъ.

Во избѣжаніе подобной неестественной картины предлагаемъ два новыя объясненія.

1. Вмѣсто *по лозію* слѣдуетъ читать *полозіе* именит. множ. собират. отъ *полозъ*. Такой имен. множ. при единств. *полозъ* находимъ въ словѣ *полозья* (саней). Слово *полозъ* отъ глагола *ползти* могло быть южно-русскимъ названіемъ какого нибудь ползучаго гада. До сихъ поръ пóлозъ кое-гдѣ помѣстно встрѣчается какъ названіе змѣи [1]); въ польскомъ połoz значитъ *удавъ*. Отъ того же корня происходитъ названіе улитки, какъ ползучаго животнаго, чешск. plž, серб. пуж. (изъ пължь) и

---

[1]) См. Словарь Даля.

спуж. Кстати укажемъ на слѣдующую аналогію: какъ *сань* въ чешскомъ означаетъ змѣя и до сихъ поръ слышится въ нашихъ *саняхъ*, такъ и *полозъ*—названіе змѣя—находимъ въ *полозьяхъ* саней. При такомъ объясненіи выраженіе *полозіе ползоша только* означало бы: только гады (змѣи) ползали.

2. Но болѣе правдоподобнымъ кажется намъ второе предположеніе. Авторъ «Слова» повидимому изображаетъ въ этомъ мѣстѣ исключительно состояніе птичьяго царства, говоря о вóронахъ, галкахъ, сорокахъ, дятлахъ и соловьяхъ. Поэтому было бы болѣе умѣстно находить въ *полозьяхъ* какихъ нибудь птицъ, нежели гадовъ. И дѣйствительно одна птичка, близкая къ дятламъ и такъ же какъ они ползующая по деревьямъ, называется у насъ *пóлзикъ* (sitta). *Ползунами* вообще называется семья дятловъ, иначе *лазуны*. Въ сербскомъ sitta europaea, Blauspecht называется *пузавац* (плъзавьць). Всего вѣроятнѣе, что и *полозіе*, за которыми слѣдуютъ непосредственно близкіе къ нимъ *дятлове* (тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть), названіе какого нибудь южно-русскаго вида изъ семьи ползуновъ или лазуновъ.

XII

Рекъ Боянъ иходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярослявля, Ольгова, коганя хоти... Объ

исправленіи *иходы* см. выше стр. 126, примѣч. Пѣснотворцемъ Святославовымъ называетъ себя авторъ *Слова о П. И.*, и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что онъ присвоиваетъ себѣ это званіе по праву. Слѣдуетъ думать, что авторъ принадлежалъ къ числу приближенныхъ этого князя и употреблялъ свой литературный талантъ на прославленіе своего господина. Вспомнимъ, въ какихъ чертахъ эпическаго богатыря изображаетъ онъ Святослава въ его походѣ на Половцевъ. Наступивъ на землю половецкую, князь притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота и подобно бурному вѣтру исторгъ поганаго Кобяка отъ желѣзныхъ полковъ Половецкихъ. Хотя Игорь и герой повѣсти, но все же авторъ возвышаетъ предъ нимъ Святослава, котораго славу поютъ и Нѣмцы, и Венедицы, и Греки, и Морава. Сонъ Святослава показываетъ, что центръ тяжести для автора не на поляхъ половецкихъ, а въ Кіевѣ на горахъ. Событія, совершившіяся на Каялѣ, оцѣниваютя съ точки зрѣнія Кіевскаго князя, *грознаго великаго* Святослава, который по поводу ихъ изронилъ *золотое* слово. Это *золотое* слово укоряетъ героевъ повѣсти, называетъ ихъ безумными и не видитъ почета въ томъ, что они сначала одолѣли враговъ,—*нечестно бо кровь поганую проліясте.* Далѣе Святославъ жалуется на то, что время измѣнилось, что князья ему не пособники: не будь княжескихъ усобицъ, онъ могъ бы помолодѣть и не далъ бы гнѣзда своего въ обиду. Въ дальнѣйшихъ воззваніяхъ къ князьямъ, въ упрекахъ однимъ и похвалахъ другимъ, трудно раз-

личить златое слово Святослава отъ словъ автора. Въ этихъ смѣлыхъ рѣчахъ авторъ скрывается за своего покровителя и съ его точки зрѣнія оцѣниваетъ ту или другую личность. Можно думать, что эта часть Слова имѣла политическую тенденцію, была написана для Кіевскаго князя, и что его пѣснотворецъ облекъ въ поэтическія формы княжій взглядъ на лица и событія. Состоя при князѣ въ Кіевѣ, этомъ центрѣ политической и умственной жизни, авторъ могъ хорошо знать и событія прошедшихъ временъ и событія современныя въ разныхъ волостяхъ, и личности удѣльныхъ князей, и ихъ взаимныя отношенія. Предполагать, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоря во время похода, нѣтъ никакихъ основаній: въ разсказѣ его о походѣ, о первой битвѣ и о пораженіи нѣтъ такихъ подробностей, которыя указывали бы на очевидца. Все это изображено въ самыхъ общихъ чертахъ и, возстановляя поэтически картину битвы, авторъ не гонится за вѣрностью подробностей. Болѣе обстоятельный и точный разсказъ находимъ въ Ипат. лѣтописи и этотъ разсказъ могъ дѣйствительно быть записанъ со словъ очевидца. Для сравненія помѣщаемъ его ниже въ приложеніи.

Солнце свѣтится на небесе, Игорь князь въ Руской земли и т. д. Окончаніе *Слова* напоминаетъ наши святочныя подблюдныя пѣсни и *величанія.* Искать тѣсной связи этого окончанія съ разсказомъ поэтому нѣтъ необходимости. Хотя *Слово,* по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, нельзя назвать

пѣснью *старымъ* князьямъ, однако оканчивается оно обычнымъ пріемомъ нашихъ величаній: пѣвше пѣснь *старымъ* княземъ, а потомъ *молодымъ* пѣти. По аналогіи нашихъ величаній, думаемъ, что слово *слава* лучше отдѣлить отъ глагола *пѣти*, не принимая это *слава* за именит. падежъ при неокончательномъ наклоненіи [1]. *Слава* обычный припѣвъ подобныхъ величаній:

Слава Богу на небѣ—Слава!
Государю нашему на сей землѣ—Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться—Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться—Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться—Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться—Слава! и т. д.

---

[1]) Этимъ мы беремъ назадъ наше прежнее объясненіе, см. нашу замѣтку въ „Москов. Универс. Извѣстіяхъ". 1872. IV, 529—30 и нашу статью „Der Letto-slavische Infinitiv" въ Beiträge zur Vergl. Sprachforschung, т. VIII, стр. 156—174.

Изъ лѣтописи по Ипатскому списку.

(Изданіе Археографической коммиссіи, 1871, стр. 430—438).

В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимѣра, сына своего, ис Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы, в годъ вечерний, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знамение се?» Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити». И то рекъ, перебреде Донѣць, и тако прѣиде ко Осколу и жда

два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инемъ путемъ ис Курьска; и оттуда поидоша к Салницѣ, ту же къ нимь и сторожеви приѣхаша, ихъже бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша приѣхавше: «видихомся с ратными, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пуще и смерти: но како ны Богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша чересъ ночь; заутра же пятъку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы Половѣцькиѣ; бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимѣрь и другий полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ Коуеве, а третий полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князий выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ»; и тако пойдоша к нимъ, положаче на Бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис Половѣцькихъ полковъ стрѣлци, и лоустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша; Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлия; поскочиша же и ти Половци силы Половѣцькии, которие же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстинъ с Коуи и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идяста,

не роспустяста полку своего, переднии же ти Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и Русь же дошедше вежь и ополонишася, друзии же ночь приѣхаша к полкомъ с полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и к мужемь своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки Половѣцькии, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же поѣдемъ чересъ ночь, а кто поѣдѣть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшии коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь строема своима: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати»—и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣюще, братья, умрети»,—и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкии, акъ боровѣ; изумѣшася князи Рускии, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича». И тако угадавше вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнемь, утечемь сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь на единомь мѣстѣ». И та рекши вси сосѣдоша съ конѣй и поидоша бьючеся; и тако, Божиимъ попущениемь, уязвиша Игоря в руку и умр-

твиша шюйцу его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имяхуть, то тъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша в полкохъ Руских; наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде к полку ихъ, хотя возворотити ихъ к полкомъ; уразумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людий, и соймя шоломъ погънаше опять к полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюрговичь, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися с Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идоуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и перебхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день святаго воскресения, наведе на ня Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ,

но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отець отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружий своихъ, и дщери отъ материй своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшюю, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушение пріемши, старцѣ порѣвахуться, уношы же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и ра(з)сѣкаеми бывають, жены же осквѣрняеми; и та вся створивъ азъ — рече Игорь, —недостойно ми бящеть жити; и се нынѣ вижю отмѣстье отъ Господа Бога моего. Гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не отъвсего ли того обнажихся, и связня преда мя в рукы безаконьнымъ тѣмъ? Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его зѣло азъ же убо не имамъ со живыми части; се бо нынѣ вижю другая мучения вѣньца приемлюще, почто азъ единъ повиньный не прияхъ страсти за вся си? Но, Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ»;—и тогда кончавшюся и полку, розведени быша, и пойде кождо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ

Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти в Улашевичихъ. Тогда же на полъчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть, нѣкакомъ получениемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половѣцькими; пошахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочии въ морѣ истопоша. В то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть в Корачевъ, и сбирашеть отъ вѣрхъних земль вои, хотя ити на Половци к Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаившеся его: и нелюбо бысть ему. Святославъ же идяше в лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя; но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ». Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьскии, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани

и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы в мотви, городи воставахуть и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: «рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его сыномъ; а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярославъ в Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганыи же Половци побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша весь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: молвяшеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ»; а Кза молвяшеть: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса; и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выѣха изъ города и потче к нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися с нимъ крѣпко; и обьступиша мнозии Половцѣ; тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города, и тако отъяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественаго поту своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюри-

кови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половьци у мене, а помозите ми», Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти, рекуще: «мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ». Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняпы. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля; идущи же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божиимъ судомъ, летѣста двѣ городници с людми, тако к ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ; да которѣи же гражанѣ выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣи избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ Рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же վземше городъ Римовъ, и ополонишася полона, и пойдоша восвояси; князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянъ плененыхъ отъ поганыхъ. И се Богъ, казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ

дѣлъ; и симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли смиривъшеся воспомянемься отъ злаго пути. А друзии Половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси. Игорь же Святославичь тотъ годъ бяшеть в Половцехъ, и глаголаше: «азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повеления твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихъ же есмь приялъ азъ». Половци же аки стыдящеся въеводства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша к нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20; но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с нимь ѣздяшеть; сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, бесъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ из Руси к собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в Половцехъ, тамо ся налѣзе мужь, родомъ Половчинъ, именемь Лаворъ; и тотъ приимъ мысль благу, и рече: «пойду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емше мужь, и бѣжати в Русь, молвяшеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ

неславнымъ путемъ не имамъ пойти». С нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюший его, и та нудяста и глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь в собѣ: ты ищеши пяти мужа и бѣжати с нимъ; а о семь чему не разгадаешь, оже приѣдуть Половци с войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князя и васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь примъ во сердцѣ сьвѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ и возиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати в день и в нощь, имъже сторожевѣ стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора, с конемь поводнымъ»: бяшеть бо съвѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь. В то время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго»— и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вежа. Се же избавление створи Господь в пятокъ, в вечерѣ.

И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ — и обрадовашася ему; из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строки*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
7	3 снизу	склады	складъ
8	11 сверху	христіаское	христіанское
37	2 —	приняла	привяло
95	11 —	дивѣ	дѣвѣ
104	8 снизу	и	о
120	3 сверху	происхожденіи.	происхожденіи?
123	13 снизу	Греки	Греки
126	10 сверху	пѣснотворце	пѣснотворца
--	10 снизу	безсмысленные	безсмысленнаго
130	8 —	признаетсп	признаемся
150	7 сверху	Къ	Въ
–	4 снизу	страд.	врем.
156	1 —	телѣгы (Арх. тѣлѣгы)	тѣлѣгы (Арх. телѣгы)
160	1 сверху	поправлиитъ	поправляетъ
177	2 снизу	преклониило	преклонило
208	10 сверху	каково	какова
221	3 —	שׁוֹף	צוֹף
223	7 —	босови	босуви

